

**МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КАДРОВ

**Учреждение образования
«БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»**

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

В. Н. Ченик

СОЦИОЛОГИЯ

*Сборник материалов для самостоятельной работы
для студентов экономических специальностей*

**Горки
БГСХА
2018**

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КАДРОВ

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

В. Н. Чепик

СОЦИОЛОГИЯ

*Сборник материалов для самостоятельной работы
для студентов экономических специальностей*

Горки
БГСХА
2018

УДК 316(063)

ББК 60.5я73

Ч – 44

*Рекомендовано методической комиссией
экономического факультета. Протокол № 10 от 27 июня 2017 г.*

Автор:

кандидат исторических наук *В. Н. Чепик*

Рецензенты:

кандидат социологических наук, доцент *Н. Г. Трапьянок*;

кандидат экономических наук. *Н. С. Константинов*

Чепик, В. Н.

Ч-44 Социология : сборник материалов для самостоятельной работы / В. Н. Чепик. – Горки : БГСХА, 2018. – 149 с.

Пособие подготовлено на основе программы по дисциплине «Социология». Целью пособия является обеспечение студентов учебно-методическими материалами для организации самостоятельной работы и проведения семинарских занятий по дисциплине «Социология». В издании представлены основные социологические теории классического периода и современности, а также тестовые задания для самоконтроля.

Для студентов экономических специальностей.

УДК 316(063)

ББК 60.5я73

© УО «Белорусская государственная
сельскохозяйственная академия», 2018

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время возрастает интерес к социологическим исследованиям со стороны органов власти, предпринимательских кругов, политических партий и общественных движений. Это поднимает социальный статус не только отдельных социологических служб, но и в целом социологии как дисциплины, изучение которой является неотъемлемой частью подготовки современного специалиста в учреждении высшего образования.

Дисциплина «Социология» является важнейшим элементом социально-гуманитарного образования. Ее изучение способствует пониманию сущности социально-экономических явлений и процессов, происходящих в мире и белорусском обществе, позволяет сформировать навыки принятия эффективных управленческих решений, объяснять причины социального неравенства, бедности и богатства, международных, экономических и политических конфликтов.

Изучение дисциплины направлено на формирование и развитие социально-личностных качеств, основанных на гуманитарных знаниях, эмоционально-ценностном и социально-творческом опыте. Основным источником таких знаний являются работы выдающихся ученых, ставшими классиками в своем направлении. Обязательное знакомство студентов с источниками является неотъемлемой частью изучения дисциплины. Цель данного пособия – сформировать на примере текстов первоисточников навыки аналитического мышления, умение анализировать и преодолеть стереотипы и предрассудки массового сознания. Оно ориентировано на формирование у студентов научных представлений об обществе и социальном мире человека, о социологических закономерностях становления, функционирования и развития социокультурной реальности, о возможностях познания этих закономерностей и использования полученных знаний в дальнейшей жизни и профессиональной деятельности.

В пособие включены основные направления теоретического изучения общества и социальных процессов, позволяющие создать целостное представление об основных этапах становления и развития социологии. Тестовые задания охватывают разделы всего курса дисциплины «Социология» и предназначены для самопроверки знаний.

Рекомендуется для самостоятельной работы.

Тема 1. СОЦИОЛОГИЯ – НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ И СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ ЧЕЛОВЕКА

1.1. М. Вебер. «Основные социологические понятия».

1.2. Э. Дюркгейм. «Метод социологии».

1.1. М. Вебер. «Основные социологические понятия»

Сведения об авторе.

Максимилиан Карл Эмиль Вебер (1864–1920), известный как **Макс Вебер** – немецкий социолог, философ, историк; ввел в научный оборот термин «социальное действие»; последовательный сторонник методов антипозитивизма. М. Вебер утверждал, что для исследования социальных действий лучше подходит не чисто эмпирический, а «объясняющий», «интерпретирующий» метод. В рамках основанной на нем концепции понимающей социологии ученый пытался не только рассмотреть то или иное социальное действие, но также распознать цель и смысл происходящего с точки зрения вовлечённых в него индивидов.

Терминологический справочник.

Социология (от лат. *societas* – общество и др.-греч. λόγος – наука) – это наука об обществе, составляющих его системах, закономерностях его функционирования и развития, социальных институтах, отношениях и общностях. Социология изучает общество, раскрывая внутренние механизмы его строения и развития его структур (структурных элементов: социальных общностей, институтов, организаций и групп); закономерности социальных действий и массового поведения людей, а также отношения между личностью и обществом. Как фундаментальная наука, социология объясняет социальные явления, собирает и обобщает информацию о них. Как прикладная наука социология позволяет прогнозировать социальные явления и управлять ими.

Социальное действие – действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или к терпеливому принятию), которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него.

Позитивизм (от лат. *positivus* – положительный) – философское учение и направление в методологии науки, определяющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические исследования (посредством основных эмпирических методов: наблюдение, эксперимент и т. д.) и отрицающее познавательную ценность философского исследования. Основателем позитивизма является основатель социологии как науки Огюст Конт.

Эмпиризм, эмпирицизм (от др.-греч. ἐμπειρία – опыт) – направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и предполагающее, что содержание знания может быть либо представлено как описание этого опыта, либо сведено к нему. Противостоит рационализму и мистицизму. Для эмпиризма характерна абсолютизация опыта, чувственного познания, принижение роли рационального познания (понятий, теории). Как целостная гносеологическая концепция эмпиризм сформировался в XVII–XVIII вв.

Понимающая социология – одно из основных направлений в социологии в конце XIX – начале XX вв., в котором акцент сделан на понимании целей и смысла социального действия. Исследовательский интерес понимающей социологии принципиально смещается на уровень анализа непосредственных субъектов социальной активности. Социальное действие объясняется осознанием наличия смысла, не привносимого извне, а переживаемого субъектом и требующего соответствия возможного на его основе действия с возможными действиями других. Переплетение таких соотношений образует «смысловую связь поведения». Последняя является непосредственным предметом социологического изучения, задача которого, интерпретируя, понимать социальное действие, что дает наиболее полное понимание социальной реальности.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения М. Вебера «Основные социологические понятия»¹ и выполните задания в конце текста.

< ... > Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолко-

¹Вебер М. Основные социологические понятия / http://bookscafe.net/book/veber_maks.html (адаптирован – В. Ч.).

ывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

«Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него.

Понимание может быть:

1) непосредственным пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно «понимаем», например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действия).

Но пониманием мы называем также:

2) объясняющее понимание. Мы «понимаем» мотивационно, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это сделал именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами или любой другой деятельностью, в рамки которой по своему понятному нам смыслу данное правило может быть включено, где оно обретает понятную нам смысловую связь (понимание рациональной мотивации). Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом не только непосредственно, но и мотивационно в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (т. е. рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, т. е. иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным

тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, т. е. иррациональное по своим мотивам). Все это – понятные нам смысловые связи, понимание их мы рассматриваем как объяснение фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постичь смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие.

Метод так называемой «органической» социологии (классическим примером может служить интересная книга Шеффле «Структура и жизнь социального тела») направлен на то, чтобы объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от «целого» (например, «народного хозяйства», в рамках которого индивид и его поведение толкуются подобно тому, как в физиологии объясняется функция «органа» тела в «системе» организма, т. е. с точки зрения «сохранения» организма в целом)...

В интерпретирующей социологии такой метод может служить следующим целям: 1. Практической наглядности и предварительной ориентации. 2. В ряде случаев только указанный метод позволяет нам выявить тот тип социального поведения, интерпретирующее понимание которого важно для объяснения определенных связей. Однако на этой стадии социологическое исследование (в нашем понимании) только начинается. Ведь изучая «социальные образования» (в отличие от «организмов»), мы способны выйти за пределы простого установления функциональных связей и правил («законов») и дать то, что совершенно недоступно всем «естественным наукам» (устанавливающим для событий и образований каузальные правила, на основании которых затем «объясняются» отдельные события). Мы понимаем поведение отдельных индивидов, участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы «понять» не можем, а можем только постичь его функционально, а затем установить правила данного процесса. Преимущество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается, правда, за счет большей гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но, тем не менее, именно оно является специфическим свойством социологического познания.

Понятие социального действия.

1. Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или

ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстостью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем. «Другие» могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей. (Так, например, «деньги» служат средством обмена, которое действующее лицо принимает потому, что ориентирует свои действия на ожидание готовности со стороны многочисленных незнакомых и неопределенных «других» в свою очередь принять их впоследствии в процессе обмена.)

2. Не все типы действия (в том числе и внешнего) являются «социальными» в принятом здесь смысле. Внешнее действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение внешних объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т. д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально тогда и постольку, когда и поскольку оно принимает во внимание поведение других. В самом общем и формальном выражении, следовательно, в таком хозяйствовании отражено признание третьими лицами фактических прав данного индивида распоряжаться своим хозяйством по своему усмотрению. В материальной сфере подобная ситуация может быть выражена, например, в том, что в таком хозяйствовании при потреблении принимается во внимание также и будущая потребность третьих лиц, и «запасы» отчасти ориентируются на это; или если при производстве продуктов в основу ориентации положен предполагаемый спрос на них третьих лиц в будущем.

3. Не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер; социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, не более чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения – последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта является уже «социальным действием».

4. Социальное действие не идентично ни единообразному поведению многих людей, ни тому, на что влияет поведение других. Если многие люди на улице открывают во время дождя зонты, то это, как правило, не означает, что действие человека ориентировано на поведе-

ние других, это просто однотипные действия для защиты от дождя. Известно, что на поведение человека оказывает сильное влияние просто тот факт, что он находится среди столпившейся «массы» людей; такое поведение определяется как поведение, обусловленное массовостью. Индивид может также оказаться объектом массового воздействия со стороны рассеянных масс людей, если они влияют на него одновременно или последовательно (например, через прессу), и он воспринимает их поведение как поведение многих. Реакции определенного типа становятся возможны только благодаря тому факту, что индивид ощущает себя частью «массы», другие реакции, напротив, этим затрудняются. Вот почему какие-либо события или действия могут вызвать у человека в толпе самые разнообразные чувства – веселье, ярость, воодушевление, отчаяние и любые другие аффекты, которые не возникли бы в результате тех же причин у индивида в одиночестве (или не возникли бы с такой легкостью), при этом (во многих случаях, по крайней мере) между поведением индивида и фактом его причастности к толпе может не быть осознанной связи. Подобное поведение, обусловленное (или отчасти обусловленное) только фактом присутствия в толпе как таковым, выражающееся в простой реакции на данное обстоятельство и не соотношенное с ним по своему смыслу, не входит в понятие «социального действия» в установленном нами значении. Правда, различие здесь с уверенностью провести трудно. Так, например, не только демагог, но и сама массовая аудитория может в различной степени и с различной отчетливостью осмысливать свою связь с фактом «массовости». Далее, просто «подражание» поведению других не является специфически «социальным поведением», если оно только реактивно и не ориентировано на поведение другого лица. Граница и в данном случае настолько размыта, что в ряде случаев едва ли можно провести должное различие. Однако тот факт, что индивид занимает у других что-либо показавшееся ему целесообразным, не составляет социального действия в нашем понимании. Ориентация здесь не на поведение другого; индивид посредством наблюдения ознакомился с известными объективными возможностями, и на них он ориентируется в своем поведении. Его действие каузально, но не осмысленно определено поведением другого лица. Напротив, если поведению других подражают потому, что оно «модно», считается традиционным, образцовым, «престижным» или из каких-либо иных соображений такого рода, то такое подражание по своему смыслу соот-

несено либо с поведением того, кому подражают, либо с поведением третьих лиц, либо с поведением тех и других. Между этими типами есть, конечно, множество промежуточных стадий, Феномен обусловленности массовостью и феномен подражания не разделяются четкими границами, являют собой пограничные случаи социального действия и будут еще неоднократно встречаться в нашем изложении... Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях тем, что ориентация на поведение других и смысл собственно-го действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже – осознаны полностью. Уже по одному этому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое «влияние» и осмысленную «ориентацию». Однако концептуально их разделять необходимо, хотя чисто «реактивное» подражание имеет по крайней мере такое же социологическое значение, как «социальное поведение» в собственном смысле слова. Социология занимается отнюдь не одним «социальным действием», но оно являет собой ее центральную проблему, конститутивную для нее как для науки. Впрочем, тем самым мы отнюдь не утверждаем, что эта проблема вообще важнее других.

Социальным «отношением» мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это. Следовательно, социальное отношение полностью и исключительно состоит в возможности того, что социальное поведение будет носить доступный (осмысленному) определению характер; на чем эта возможность основана, здесь значения не имеет.

Поэтому, признаком данного понятия служит, пусть даже минимальная, степень отношения одного индивида к другому. Содержание этого отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, «выполнение» соглашения, «уклонение» или отказ от него, соперничество экономического, эротического или какого-либо иного характера; сословная, национальная или классовая общность (в последнем случае – если такие отношения выходят за рамки простых совместных действий и являются социальным поведением...) Таким образом, понятие «социальное отношение» как таковое ничего не говорит о том, идет ли речь о «солидарности» действующих лиц или о прямо противоположном.

Типы социального поведения. Нравы. Обычаи.

В области социального поведения обнаруживается фактическое единообразие, т. е. последовательность действий с типически идентично предполагаемым смыслом повторяется отдельными индивидами или многими. Такими типами поведения занимается социология в отличие от истории, исследующей каузальное сведение важных, имеющих решающее значение, единичных связей.

Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть нравами, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга людей объясняется просто привычкой. Нравы мы будем называть обычаем, если фактические привычки укоренились в течение длительного времени. Обычай мы будем определять как «обусловленный интересами», если возможность его эмпирического наличия обусловлена только чисто целерациональной ориентацией поведения отдельных индивидов на одинаковые ожидания.

К нравам относится и «мода». «Мода» будет причисляться к нравам в том случае, если причиной ориентации становится нечто новое в поведении. Мода близка к «условности», так как, подобно «условности», она (большей частью) связана с сословными престижными интересами.

«Обычаем», в отличие от «условности» и «права», мы будем называть не гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно, то ли просто «не задумываясь», то ли из «удобства» или по каким-либо другим причинам, и вероятного следования которому оно из тех же соображений может ждать от людей того же круга. В этом смысле обычаи не являются чем-то «значимым», ни от кого не «требуют» их соблюдения. Переход от этого к условности и праву, конечно, точно установлен быть не может. Традиции повсюду стали источником значимости. В настоящее время «принято» завтракать более или менее определенным образом, однако никто не «обязан» следовать данной традиции (разве что посетители ресторанов); однако это не всегда было принято. Напротив, манера одеваться, даже в той мере, в какой она связана с нравами, теперь в значительной степени уже превратилась в условность.

Многочисленные бросающиеся в глаза проявления единообразия в социальном поведении, прежде всего, не только в экономическом поведении, объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считаю-

щуюся «значимой» норму, но и не обычаем, а просто тем фактом, что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение. В качестве примера можно привести ценообразование на «свободном» рынке. Индивиды, интересы которых связаны с рынком, ориентируют свое поведение, рассматриваемое ими как «средство», на собственные типические субъективные хозяйственные интересы в качестве «цели» и на столь же типические ожидания предполагаемого поведения других в качестве «условий» для достижения этой цели. По мере того как они действуют таким образом, чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, возникают единообразие, регулярность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся «обязательными» в определенном кругу...

Стабильность обычая основана, в сущности, на том, что индивид, не ориентирующийся на него в своем поведении, оказывается вне рамок «принятого» в его кругу, т. е. должен быть готов переносить всякого рода мелкие и крупные неудобства и неприятности, пока большинство окружающих его людей считается с существованием обычая и руководствуется им в своем поведении. Стабильность констелляции интересов основана сходным образом также на том, что индивид, не ориентирующийся в своем поведении на интересы других, не «считающийся» с ними, вызывает их противодействие или приходит к нежелаемому и не предполагаемому им результату, вследствие чего может быть нанесен урон его собственным интересам < ... >.

Вопросы к тексту

1. Дайте определение понятия социологии по М. Веберу.
2. Что называется «социальным действием»?
3. Охарактеризуйте смысл понимания.
4. Охарактеризуйте социальное действие. Приведите примеры.
5. Что понимается под «социальным отношением»? Определите его признаки и содержание.
6. Приведите примеры типов социального поведения.

7. На чём основана стабильность обычая?

1.2. Э. Дюркгейм. «Метод социологии»

Сведения об авторе.

Давид Эмиль Дюркгейм (1858–1917) – французский социолог и философ, основатель французской социологической школы. Наряду с О. Контом, К. Марксом и М. Вебером считается основоположником социологии как самостоятельной науки. Дюркгейм переработал созданный О. Контом позитивистский подход и предложил свою методологическую систему, так называемый эпистемологический реализм.

Терминологический справочник.

Эпистемолóгия (от древнегреч. ἐπιστήμη – научное знание, наука, достоверное знание и λόγος – слово, речь) – философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие.

Гносеология (от др.-греч. γνῶσις – познание, знание и λόγος – слово, речь) – философская дисциплина, занимающаяся исследованиями, критикой и теориями познания.

Гносеология – изучает отношение «субъект – объект».

Эпистемология – изучает отношение «объект – знание».

Реализм – философский термин, употребляемый для обозначения направления, постулирующего существование реальности, независимой от познающего субъекта.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Э. Дюркгейма «Метод социологии»² и выполните задания в конце текста.

< ... > Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, следует определить, что собой представляют факты, носящие данное название. Вопрос этот тем более важен, что данный термин обыкновенно применяют не совсем точно.

Им без стеснения обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, челове-

²Дюркгейм Э. Метод социологии / http://royallib.ru/author/dyurkgeym_emil.html (*аданттирован – В. Ч.*).

ческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Всякий индивидуум пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции осуществлялись регулярно.

Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего отдельного предмета, и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа людей, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их существование, последнее остается все-таки объективным, так как не я сам создал их, а они переданы мне в процессе воспитания.

Если рассматривать факты такими, каковы они есть и всегда были, то нам бросится в глаза, что все воспитание заключается в постоянном усилии приучить ребенка видеть, чувствовать и действовать так, как он не привык бы к тому самостоятельно. С самых первых дней его жизни мы принуждаем его есть, пить и спать в определенные часы, мы принуждаем его к чистоте, к спокойствию и к послушанию; позднее мы принуждаем его принимать в расчет других, уважать обычаи, приличия, мы принуждаем его к работе и т. д. Если с течением времени это принуждение и перерастает чувствование, то только потому, что оно рождает привычки, внутренние склонности, которые делают его бесполезным, но которые заменяют его лишь вследствие того, что сами из него вытекают. Правда, по мнению Спенсера, рациональное воспитание должно было бы отвергать такие приемы и предоставить ребенку полную свободу; но, так как эта педагогическая теория никогда не практиковалась ни одним из известных народов, то она составляет лишь desideratum автора, а не факт, который можно было бы противопоставить изложенным фактам. Последние же особенно поучительны потому, что воспитание имеет целью создать социальное существо, на нем, следовательно, можно увидеть в общих чертах, как образовалось это существо в истории. Это давление, ежеминутно испытываемое ребенком, есть не что иное, как давление социальной среды, стремящейся сформировать его по своему образцу и имеющей своими представителями и посредниками родителей и учителей. Таким образом, харак-

терным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию всякого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их неправильно смешивали с тем, что может быть названо и индивидуальными воплощениями. К ним же принадлежат: верования, наклонности, обычаи группы, взятой коллективно; что же касается тех форм, в которые облакаются коллективные состояния, передаваясь индивидам, то последние представляют собой явления иного порядка. Различие их природы наглядно доказывается тем, что оба эти разряда актов встречаются часто раздельно. Действительно, некоторые из этих образов мыслей или действий приобретают вследствие повторения известную устойчивость, которая, так сказать, осаждает их и изолирует от отдельных событий, их отражающих. Они как бы приобретают, таким образом, особое тело, особые, свойственные им, осязательные формы и составляют реальность *sui generis*, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов. Коллективная привычка существует не только, как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, в которых религиозные или политические секты кратко выражают свои убеждения, кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и без применения в действительности.

Конечно, эта диссоциация не всегда одинаково ясна. Но достаточно ее неоспоримого существования в упомянутых нами, важных и многочисленных случаях для того, чтобы доказать, что социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений. Сверх того, даже тогда, когда она не дается непосредственно наблюдением, ее можно часто обнаружить с помощью некоторых искусственных приемов; эту операцию даже необходимо произвести, если желают освободить социальный факт от всякой примеси и наблюдать его во всей его чистоте. Так, существуют известные течения общественного мнения, вы-

нуждающие нас с различной степенью интенсивности, в зависимости от времени и страны, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к большей или меньшей производительности и т. п. Это, очевидно, социальные факты.

Преступление, следовательно, необходимо, оно связано с основными условиями всякой социальной жизни и уже потому полезно, так как условия, в тесной связи с которыми оно находится, в свою очередь необходимы для нормальной эволюции этики и права.

Действительно, теперь невозможно оспаривать того, что право и нравственность изменяются не только от одного социального типа к другому, но и для одного и того же типа при изменении условий коллективного существования. Но для того, чтобы такие эволюции были возможны, необходимо, чтобы коллективные чувства, лежащие в основе нравственности, не сопротивлялись изменениям, т. е. обладали бы умеренной энергией. Если бы они были слишком сильны, они не были бы пластичны. Действительно, всякое устройство служит препятствием к переустройству и тем сильнее, чем прочнее первоначальное устройство. Чем отчетливее проявляется известная структура, тем больше сопротивление как для функционального, так и для анатомического строения. Если бы не было преступления, то данное условие не было бы удовлетворено, так как подобная гипотеза предполагает, что коллективные чувства дошли до беспримерной в истории степени интенсивности. Все хорошо в меру и при известных условиях; нужно, чтобы авторитет нравственного сознания не был чрезмерен, иначе никто не осмелится поднять на него руку и оно очень легко закоченеет в неизменной форме. Для его развития необходимо, чтобы оригинальность индивидов могла пробиться наружу; для того же, чтобы могла проявиться оригинальность идеалиста, мечтающего опередить свой век, нужно, чтобы была возможна и оригинальность преступника, стоящая ниже своего времени. Одна немыслима без другой. Это еще не все. Случается, что кроме этой косвенной пользы, преступление само играет полезную роль в этой эволюции. Оно не только требует, чтобы был открыт путь для необходимых изменений, но в известных случаях прямо подготавливает эти изменения. При существовании преступности коллективные чувства обладают необходимою для восприятия новых форм гибкостью, и, кроме того, преступление иной раз даже предопределяет ту форму, которую они примут. Действительно, как часто оно является предвестником будущей нравственности, шагом к буду-

щему! По афинскому праву Сократ был преступником и осуждение было вполне справедливым. Между тем его преступление – а именно самостоятельность его мысли – было полезно не только для человечества, но и для его родины. Оно возвещало новую нравственность и новую веру, в которых нуждались тогда Афины потому, что традиции, в которых они жили до тех пор, не отвечали более условиям их существования. Этот пример не единственный, он воспроизводится в истории периодически. Свобода мысли, которой мы теперь пользуемся, никогда не могла бы быть провозглашена, если бы правила, ее стеснявшие, не были нарушаемы прежде, чем были торжественно отменены. Между тем в этот момент это нарушение было преступлением, так как оно оскорбляло чувства, очень живые еще в сознании большинства. А все-таки это преступление было полезно, так как оно служило прелюдией для преобразований, становившихся день ото дня все более необходимыми. Свободная философия имела своими предшественниками еретиков всякого рода, которые справедливо преследовались светскою властью в течение всех веков и почти до нашего времени.

С этой точки зрения основные факты криминологии предстают перед нами в совершенно новом виде. Вопреки распространенным воззрениям, преступник – вовсе не антисоциальное существо, не особого рода паразит, не чуждое и неассимилирующееся тело в среде общества... Это нормальный фактор социальной жизни. Преступление, со своей стороны, не должно рассматриваться как зло, для которого не может быть достаточно тесных границ; не только не нужно радоваться, когда ему удастся спуститься ниже обыкновенного уровня, но можно быть уверенным, что этот кажущийся успех связан с каким-нибудь социальным расстройством...

В то же время теория наказания обновляется, или, скорее, должна обновляться. Действительно, если преступление есть болезнь, то наказание является лекарством и не может рассматриваться иначе; поэтому все вопросы, поднимаемые им, сводятся к тому, чтобы узнать, чем оно должно быть для выполнения своей роли в качестве лекарства. Если же в преступлении нет ничего болезненного, то наказание не должно иметь цель исцелить от него, и его истинная функция должна находиться в другом месте.

Следовательно, вышеизложенные правила являются не простым и малополезным удовлетворением логического формализма, наоборот, в

зависимости от их применения, самые существенные социальные факты изменяют свой характер...

Если же оставить в стороне индивида, останется лишь общество, следовательно, объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества. Действительно, раз оно бесконечно превосходит индивида, как во времени, так и в пространстве, оно в силах внушить ему образы действий и мысли, освященные его авторитетом. Это давление, являющееся отличительным признаком социальных фактов, есть давление всех на каждого. Но, поскольку единственные элементы, из которых составлено общество, это индивиды, то первичная основа социологических явлений может быть только психологической...

Целое не тождественно сумме своих частей, оно является чем-то иным, со свойствами, отличными от свойств, составляющих его элементов. Ассоциация не есть, как думали прежде, явление само по себе безразличное, лишь внешним образом связующее добытые факты и констатированные свойства. Не является ли она, наоборот, источником всех своих новообразований, последовательно возникавших в течение общей эволюции? Какое же различие, если не различие в ассоциации, существует между низшими организмами и остальными, между живым организмом и клеткой, между последней и неорганическими молекулами, ее составляющими? Все эти существа, в конце концов, разлагаются на элементы одной и той же природы; но эти элементы в одном случае слеплены, в другом ассоциированы; в одном ассоциированы одним способом, в другом – другим. Мы имеем даже право спросить себя, не проникает ли этот закон и в минеральное царство, и не отсюда ли происходят различия неорганических тел?

В силу этого принципа общество представляет собой не простую сумму индивидов, а систему, образовавшуюся от их ассоциации и представляющую своего рода реальность (*sui generis*), наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний; но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы, скомбинированы известным образом; из этой комбинации вытекает социальная жизнь, и потому эта комбинация и объясняет ее. Сплачиваясь друг с другом, взаимно дополняя и проникая друг в друга, индивидуальные души дают начало новому существу, если угодно, психическому, но представляющему психическую индивидуальность иного рода.

Следовательно, в природе этой индивидуальности, а не в природе составляющих ее единиц нужно искать ближайших и определяющих причин, относящихся к ней фактов. Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если они были бы разъединены. Если, следовательно, основываться от последних, то невозможно понять ничего из того, что происходит в группе. Одним словом, между психологией и социологией та же пропасть, как между биологией и науками физико-химическими. Поэтому всякий раз, когда социальное явление прямо объясняется психическим явлением, можно быть уверенным, что объяснение ложно.

Мы пришли, таким образом, к следующему правилу: определяющая причина данного социального факта должна быть отыскиваема среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания. С другой стороны, вполне ясно, что все предыдущее относится как к определению функции, так и к определению причины. Функция социального факта может быть лишь социальной, т. е. она заключается лишь в выработке социально-полезных результатов. Конечно, может случиться и действительно случается, что отраженным путем он служит также и индивиду. Но этот счастливый результат непосредственно его не оправдывает. Мы можем, следовательно, дополнить предыдущее положение заявив, что функции социального факта надо искать в его отношении к какой-нибудь социальной цели <...>.

Вопросы к тексту

1. Что такое социальный факт? Приведите примеры социальных фактов.
2. Какова социальная цель воспитания?
3. В чём сущность эволюции этики и права. Какова роль преступления в этой эволюции?
4. Какова структура общества в представлениях Э. Дюркгейма?

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. Избранные произведения / М Вебер. – Москва : Прогресс-Универс, 1990.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – Москва : Наука, 1990.

3. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – Санкт-Петербург : Питер, 2002.

4. Социологическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. В. Н. Иванова. – Москва : Мысль, 2003. – Т. 2.

5. Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – Москва : ИСПИ РАН, 1995.

Тема 2. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ

2.1. Эволюционизм Г. Спенсера.

2.2. Исторический материализм К. Маркса.

2.3. Психоанализ З. Фрейда.

2.3.1. Фрейд З. «Психология масс и анализ человеческого "Я"».

2.3.2. Фрейд З. «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии».

2.4. Интегральная социология П. Сорокина.

2.1. Эволюционизм Г. Спенсера

Сведения об авторе.

Гёрберт Спéнсер (1820–1903) – английский философ и социолог. Наряду с О. Контом – один из основателей социологии, один из родоначальников эволюционизма. Его идеи пользовались большой популярностью в конце XIX в., основатель органицистской школы в социологии.

Терминологический справочник.

Эволюционизм – направление в антропологии и этнографии, сторонники которого предполагали существование универсального закона общественного развития, заключающегося в эволюции культуры от низших форм к высшим, от дикости к цивилизации и т. д. Главная идея эволюционистов заключалась в убеждении о полном тождестве исторических путей разных народов. Историю эволюционисты рассматривали как сумму независимых эволюций единичных элементов культуры и социальной структуры.

Органицизм – методологический принцип, в соответствии с которым те или иные социальные феномены рассматриваются по аналогии с явлениями природы. Особое распространение органицизм получил в социологии второй половины XIX в., в рамках позитивистского миро-

понимания и на волне успехов естественных наук, в том числе широкого распространения дарвинизма.

Дарвинизм – по имени английского натуралиста Чарльза Дарвина – в узком смысле – направление эволюционной мысли, приверженцы которого согласны с основными идеями Дарвина в вопросе эволюции, согласно которым главным (но не единственным) фактором эволюции является естественный отбор.

В широком смысле нередко употребляется для обозначения эволюционного учения или эволюционной биологии в целом.

Синтетическая теория эволюции – современная эволюционная теория, которая является синтезом различных дисциплин, прежде всего, генетики и дарвинизма.

Естественный отбор – основной эволюционный процесс, в результате действия которого в популяции увеличивается число особей, обладающих максимальной приспособленностью (наиболее благоприятными признаками), в то время, как количество особей с неблагоприятными признаками уменьшается. Естественный отбор – единственная известная причина адаптаций, но не единственная причина эволюции. К числу неадаптивных причин относятся генетический дрейф, поток генов и мутации.

Биологическая адаптация (от лат. *adaptatio* – приспособление) – приспособление организма к внешним условиям в процессе эволюции, включая морфофизиологическую и поведенческую составляющие. Адаптация может обеспечивать выживаемость в условиях конкретного места обитания, устойчивость к воздействию различных факторов, а также успех в конкуренции с другими видами, популяциями, особями.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Г. Спенсера «Социальная статика»³ и выполните задания в конце текста.

< ... > «Социальная статика» является первой в ряду знаменитых трудов выдающегося английского социолога и философа XIX в. Герберта Спенсера – одного из основателей позитивизма – влиятельного интеллектуального течения в философии и методологии науки вплоть до 50-х годов XX в. В данной работе заложены основные идеи эволю-

³ Герберт Спенсер. Социальная статика / Пер. с англ. – Киев: Гама-Принт, 2013. – 496 с.

ционизма, которые повлияли в том числе и на формирование взглядов Чарльза Дарвина. ...

«Дайте нам руководителя, – кричат люди философу, – мы хотим вырваться из этой жалкой обстановки, среди которой мы погрязаем. В нашем воображении постоянно зарождаются образы лучшего, и мы скорбим о них, но все наши усилия обратить их в действительность остаются бесплодными. Нас утомляют эти постоянные ошибки; укажите нам пути, которыми мы можем достигнуть исполнения наших желаний». «Что полезно, то справедливо», – вот один из последних в числе многих ответов на этот призыв. «Совершенно верно, – возражают вопросители, – для божества справедливость и польза, без сомнения, однозначные выражения; но для нас остается еще неразрешенным вопрос: которое из них предшествует и которое должно служить выводом. Если согласиться с вашим предположением, что справедливость составляет неизвестную величину, а польза – известную и данную, то предложение наше может послужить делу. Но в том-то и беда, что горький опыт убедил нас, что обе эти величины одинаково неизвестны и неопределенны. Наконец, в нас зарождается подозрение, что определение справедливости даже легче, чем определение пользы, и что удобнее было бы ваше предложение преобразить в противоположное и выразить так: что справедливо, то полезно».

«Держитесь правила наибольшего счастья для наибольшего числа людей», – так разрешает сомнение другой авторитет. Ему отвечают, что «это, точно так же как и предыдущее, нельзя даже вовсе и называть руководящим правилом; это скорее выражение задачи, подлежащей разрешению. Ваше «наибольшее счастье» – это именно и есть то, что мы так долго и так бесплодно разыскиваем; мы только не давали этого названия предмету наших желаний. Вы не говорите нам ничего нового, вы только придумываете слова, чтобы выразить нашу потребность. То, что вы называете ответом, это наш вопрос, выраженный в обратной форме. Если такова ваша философия, то она, без сомнения, одно суетное и ничтожное разглагольствование; она не более как эхо, повторяющее вопросы...»

Когда философ провозглашал правило «наибольшего счастья для наибольшего числа живущих» и признавал его руководителем общественной нравственности, то он должен был предполагать, что понятие

«наибольшего счастья» определяется всем человечеством единообразно и точно.

Такое предложение, однако же, заключало в себе одну из самых злополучных ошибок: мерка, которой люди меряют счастье, бесконечно разнообразна, – это факт, доказанный самым осязательным образом. Во все времена, между всеми народами и у каждого класса людей на этот предмет существовали свои особые взгляды. Для странствующего цыгана домашний очаг оседлого человека скучен и отвратителен; швейцарец был бы несчастлив без такого очага. Прогресс необходим для благополучия англосаксонца; эскимос доволен своею грязною бедностью, не имеет никаких дальнейших желаний и остается тем же, чем он был во времена Тацита. Ирландец находит удовольствие в строю; китайцу нужны процессии и церемонии; вялый и апатичный житель Явы приходит в шумный восторг при виде петушиного боя. Рай еврея – это «град, наполненный золотом и драгоценными камнями, обладающий сверхъестественным изобилием в хлебе и вине»; рай турка – это гарем, обитаемый гуриями; рай краснокожего Америки – это «благодатная для охоты местность»; в скандинавском раю каждый день сражение, и раны излечиваются чудотворною силою; австралиец надеется, что после смерти он «обгонит белого и будет иметь множество мелкой монеты». Если мы от народов перейдем к отдельным личностям, то увидим, что Людовик XVI признавал «высшим счастьем» размышлять за механическим занятием; а его преемник считал таким счастьем – читать, создавая империи. Ликург находил, что для человеческого счастья более всего необходимо полное физическое развитие; Плотин, напротив, был до того идеален в своих стремлениях, что стыдился своего тела. Множество противоречащих ответов, данных греческими мыслителями на вопрос о том, в чем заключается счастье, подавало повод к устаревшим и опошленным ныне сравнениям. Но и теперь мы не находим между нами в этом отношении большего единомыслия. Для скупого Эльва копить деньги составляло единственную радость жизни; Дэй, человеколюбивый автор «Сандофора и Мертона», находил в раздаче денег единственное приятное их употребление. Сельское уединение, книги и друг составляют пожелания поэта; хлыщ стремится, напротив, к обширному кругу знатных знакомых, к ложе в опере. Стремления купца и артиста менее всего похожи друг на друга;

если бы мы сравнили воздушные замки философа и земледельца, мы бы нашли большую разницу в их архитектуре.

Обобщая эти факты, мы найдем, что личная мера «наибольшего счастья» имеет так же мало определенного, как и другие проявления человеческой природы. Несходство во мнениях по этому предмету между различными нациями достаточно очевидно. Сравнивая современных евреев с евреями времен патриархов, можно убедиться, что идеал благополучия изменяется и в среде той же самой расы. Люди одного общества не согласны между собою по этому вопросу. Наконец, если мы сравним желание жадного школьника со стремлениями презирающего земные блага трансценденталиста, в которого он впоследствии превратится, то не найдем в этом отношении и тени постоянства в одном и том же индивидууме. Можно сказать, что не только каждая эпоха и каждый народ имеют свои понятия о счастье, но что едва ли возможно найти двух человек, которые имели бы на этот предмет тождественные взгляды. Далее можно утверждать, что понятия об этом предмете различны у одного и того же человека в различные периоды жизни.

Вывод из всего этого довольно прост. Счастье состоит в удовлетворенном состоянии всех способностей. Удовлетворение способности заключается в ее упражнении. Чтобы это упражнение было приятно, необходимо, чтобы оно соответствовало силе способности; недостаточное упражнение производит неудовольствие, чрезмерное порождает утомление. Итак, для полного счастья необходимо, чтобы все способности упражнялись соразмерно со степенью их развития. Идеально совершенное расположение обстоятельств таким образом, чтобы обеспечить именно такое упражнение всех способностей, и порождает меру «наибольшего счастья»; нет, однако же, двух людей, умы которых представляли бы для этого тождественную комбинацию элементов. Двойников нет на свете. У каждого человека желания имеют свой собственный вес. Условия, приспособленные к тому, чтобы породить наибольшее благополучие одного, не могут дать вполне тот же результат по отношению к другому. Следовательно, и понятие о счастье должно изменяться сообразно с характером и расположением людей; ясно, что оно должно изменяться до бесконечности.

Все это приводит нас к неизбежному заключению, что истинное понятие о том, в чем должна заключаться человеческая жизнь, возможно только для идеального человека. Мы можем делать об этом

предмете только приблизительно верные заключения; для полного понимания, в чем должны заключаться истинные человеческие стремления, необходимо, чтобы человек, составляющий себе это понятие, имел в своей душе все чувства и способности в совершенно нормальных пропорциях. Подобных людей на свете теперь не существует, а потому и невозможно достигнуть вполне правильного во всех подробностях понятия о наибольшем счастье...

Все зло происходит оттого, что устройство предметов не приспособлено условиям, в которых они существуют. Это справедливо по отношению ко всему живущему. Почему дерево не может развиваться на дурной почве? Почему оно чахнет, если оно не имеет света? Почему оно гибнет окончательно, если оно будет перенесено в холодный климат? Все это оттого, что разрушена гармония между его организацией и условиями, в которых оно существует. Опыты, сделанные над домашними животными и в зверинцах, показывают, что страдания, болезни и смерть, причиняемые животным известного рода обращением с ними, все могут быть подводимы под тот же закон. Если доходить до первоначальных причин, то можно убедиться, что каждое страдание, причиненное человеческому телу, начиная от головной боли и до смертельных болезней, начиная от обжога и вывиха и до случайной смерти, причиняется исключительно тем, что тело поставлено было в условия, не соответствующие его силам и свойствам. То же самое можно сказать не только о физическом, но и о нравственном зле. Почему сострадательный человек чувствует скорбь при виде бедствия? Почему холостяк несчастлив, если его средства не позволяют ему жениться? Почему мать оплакивает потерянное ею дитя? Почему эмигрант горюет, оставляя свою родину? Одни страдают оттого, что им приходится проводить жизнь в неприятном занятии, другие оттого, что вовсе не имеют занятия. Все это объясняется такими же причинами. Какова бы ни была специальная причина зла, но общая причина страдания неизменно одна и та же – это отсутствие согласия между способностью и сферой ее действия.

Точно также справедливо, что зло постоянно стремится к исчезновению. В силу существенного принципа жизни несоответствие между организмом и условиями его существования постоянно исправляется все более; или одно из двух или оба вместе изменяются постоянно до тех пор, пока они вполне приспособятся друг к другу. Все, что одарено жизненной силой, начиная от первоначальной клеточки и до человека,

следует этому закону. Проявления этого закона мы видим при акклиматизации растений, при изменении свойств домашних животных и в различных особенностях нашей собственной породы. Сибирские растения, привыкшие к короткому арктическому лету, поднимаются и цветут в течение нескольких недель, и также быстро созревают их семена. Под влиянием морозов северной зимы животные умеренного климата получают более густую шерсть и пух и делаются белыми. Борзая собака, перенесенная на горные равнины Андов, не может там охотиться по слабости груди, но в течение поколений она приобретает там лучшие легкие. Скот, который в диком состоянии давал молоко только в течение короткого периода, теперь дает его почти постоянно. Иноходь – бег, не свойственный лошади, но есть в Америке породы, которые бегают таким образом, их нет надобности к нему приучать.

Люди обнаруживают ту же самую способность приспосабливаться. Под влиянием температуры у них меняется цвет кожи, в одном месте они питаются рисом, в другом китовым жиром, у них увеличиваются органы пищеварения, если они едят не питательную пищу, они приобретают способность долго голодать, если их образ жизни неправильный, и теряют ее, если они постоянно имеют достаточно пищи, в диком состоянии они проворны и ловки и неповоротливы при городской жизни, когда это требуется условиями их жизни, у них развиваются зрение, слух и обоняние, и снова тупеют, когда потребность в них уменьшается. Невозможно сомневаться и в том, что все эти перемены делаются для того, чтобы приспособиться к окружающим обстоятельствам. Самый крайний скептик должен сознаться, что действует известный закон приспособления, если он видит, что житель болот существует в атмосфере, которая окажется смертельною для всякого постороннего; что индеец лежит и спит под тропическим солнцем, в то время как его белый господин едва может вздремнуть при спущенных шторах, при охлаждении воздуха водою и т. д.; если он видит, как гренландец и неаполитанец удобно питаются каждый своей пищей – китовым жиром и макаронами. И как бы они были несчастны, если бы им пришлось поменяться, если он видит, что и в других случаях имеет место точно такое же приспособление к пище, к климату, к условиям жизни. Мало этого, если он правильно будет объяснять факты, то найдет, что действие подобного закона можно уследить в мельчайших подробностях в жизни отдельного человека. Можно заметить, как человеческий организм постепенно приобретает все большую способ-

ность противодействовать вредным влияниям, если наблюдать пьяницу, которому постоянно нужно все более выпивать спиртных напитков для того, чтобы быть пьяным; или человека, употребляющего опиум, который постоянно должен принимать все большие дозы для того, чтобы испытывать то же самое впечатление. Точно то же могут заметить те, которые курят, нюхают табак или часто принимают лекарства. Всякое постоянное изменение в состоянии и в способностях тела может быть объясняемо тем же самым принципом.

Точно такой же общий закон, какой существует для физической изменчивости тела, существует и для нравственной. Разнообразные изменения способностей и наклонностей, которые в течение времени встречаются у индейской, африканской, монгольской и кавказской рас и у их различных подразделений, должны быть все приписаны наклонности приспособляться в каждом случае к окружающим обстоятельствам.

Мы должны иметь в виду, во-первых, что все зло происходит оттого, что устройство предмета не приспособлено к условиям, в которых он существует; и, во-вторых, что везде, где существует такое несоответствие, оно постоянно уменьшается через изменение предмета, приспособляющегося к условиям, – и тогда мы будем способны понять настоящее положение человеческого рода!

Увеличение населения сделало необходимым то состояние, которое мы называем обществом. Люди, живущие в этом состоянии, страдают от многих зол. Принимая вышеизложенную гипотезу, мы должны заключать, что их свойства не приспособлены к такому состоянию...

Но почему же люди не приспособлены к жизни в обществе? Исключительно потому, что они отчасти еще имеют свойства, приспособленные к жизни в состоянии, предшествовавшем обществу. Человек не приспособлен к обществу во всех тех случаях, где в нем остаются еще свойства, приспособленные к его первобытной хищнической жизни. Обстоятельства прежней его жизни требовали, чтобы он жертвовал благосостоянием других для своего собственного, современная его обстановка требует совершенно другого. Он настолько именно неспособен к жизни в обществе, насколько прежние свойства в нем остались неистребленными. Вот где причина всех проступков людей по отношению друг к другу: она действует и в людоедстве караиба, и в злодеяниях, и корыстных действиях, которыми мы окружены. Преступления, чрез которые наполняются наши тюрьмы, мошенничества в

торговле, ссоры между народами и между различными классами общества, испорченность учреждений, зависть и недоверие между сословиями, салонные скандалы – все вытекает из того же источника.

Обсуждая современное состояние человеческого рода, мы должны прийти к заключению, что люди в первобытном состоянии нуждались в нравственном настроении, которое приспособляло бы их к их положению, и что они нуждаются в другом, чтобы приспособиться к их теперешней жизни; что они находились, находятся и долго еще будут находиться в состоянии приспособления. Под словом цивилизация мы разумеем состоявшееся приспособление. Изменения, которые называются прогрессом, составляют постепенные переходы к нему. Вера в способность человеческой природы к усовершенствованию приводит к убеждению, что силою этого прогресса люди, наконец, придут к тому, что они совершенно приспособятся к своим теперешним формам жизни... Всякое несовершенство заключается в недостатке приспособления к условиям существования... Опыт всех народов и всех времен, опыт, который выразился в употребительных правилах, поговорках, нравственных сентенциях, опыт, который доказывается биографиями и историей, убеждает, что органы, способности, силы и свойства всяких наименований растут от употребления и ослабляются от бездействия, – поэтому выводится заключение, что это явление будет иметь место и впоследствии. Если это заключение несомненно, то не подлежит сомнению и сделанный из него вывод, что человечество, наконец, совершенно приспособится к условиям своей жизни.

Следовательно, прогресс есть не случайность, а необходимость. Цивилизация не есть что-нибудь искусственное, но это необходимое условие мирового существования, точно так же, как и развитие зародыша и цветка. Изменения, следовавшие в человечестве, имеющие место до сих пор, вытекают из закона, которому подчиняется вся органическая природа. Если род человеческий будет продолжать свое существование и устройство вещей останется такое же, то эти изменения должны завершиться совершенством. Точно так же несомненно, что человек делается совершенным как, несомненно, то, что одинокое дерево разрастается, а дерево в группе развивается менее; как несомненно то, что то же самое животное принимает формы воевой и скаковой лошади, в зависимости от того, чего требуют условия ее жизни – силы или скорости; как несомненно, что рука кузнеца крепнет, а кожа

на руках земледельца толстеет; как несомненно то, что глаз матроса делается дальнозорким, а глаз ученого близоруким – это так же бесспорно, как бесспорно, что слепой приобретает более совершенное осязание, что канцелярист выучивается скоро писать считать; что музыкант открывает ошибку в полутоне там, где другие слышат только смешение звуков; оно бесспорно, как бесспорно, что страсть развивается от послаблений и уменьшается от притеснений, что внутреннее сознание добра и зла делается инертным, как скоро на него не обращают внимания, и деятельным, когда ему следуют. Оно верно, как верно, что воспитание имеет действительное влияние на человека, что выражения: привычка, обычай, обыкновение имеют действительный смысл. Точно так же верно и то, что человеческие свойства будут вполне приспособлены к общественной жизни, что исчезнет все то, что мы называем злом и безнравственностью...

Если Бог желает человеческого счастья, а человеческое счастье можно получить только упражнением способностей, то, следовательно, Бог желает, чтобы человек упражнял свои способности. Итак, обязанность человека – упражнять свои способности, потому что обязанность требует исполнения воли Божьей. Обязанность человека упражнять свои способности доказывается еще тем, что, пренебрегая этим упражнением, он навлекает на себя страдание. Нормальная деятельность каждой способности производит удовольствие, а постоянное отсутствие деятельности – тяжкое ощущение. Точно так, как желудок ощущает голод, когда ему нужно переваривать пищу, также всякий душевный и телесный деятель чувствует голод, когда ему нужна деятельность, для которой он предназначен. Если мы не удовлетворим желанию способности пищеварения, то мы произведем страдание и точно такое же страдание мы произведем, если мы не удовлетворим требованиям всякой другой способности; страдание это будет пропорционально значению способности. Так как Бог желает человеческого счастья, то, следовательно, поведение, которое производит несчастье, противно его воле. Поэтому не упражнять своих способностей значит действовать против его воли. Этим путем мы опять приходим к тому, что упражнение способностей есть воля Божья и обязанность человеческая.

Исполнение этой обязанности неизбежно предполагает свободу действий. Человек не может упражнять своих способностей, не имея

известной степени простора. Он должен иметь свободу движения, свободу видеть, чувствовать, говорить и действовать; он должен иметь свободу приобретать пищу, одежду, кров и удовлетворять всем потребностям своей природы. Он не должен быть стесняем при исполнении всего того, что посредственно или непосредственно требуется для надлежащего удовлетворения каждой из его духовных или телесных нужд. Без этого он не может исполнять своей обязанности или воли Божьей. Если он не может исполнять воли Божьей без такой свободы, то, следовательно, Бог приказывает ему взять эту свободу. Итак, он имеет Божеское уполномочие требовать эту свободу. Бог предназначил его для этой свободы, следовательно, он имеет на нее право.

Кажется, нет возможности избегнуть такого заключения. Повторим ряд выводов, которым мы до него доходим. Бог желает человеческого счастья. Человеческое счастье может быть достигнуто только упражнением всех способностей. Следовательно, Бог желает, чтобы человек упражнял свои способности. Но для того, чтобы упражнять свои способности, ему нужна свобода делать все, к чему его естественным образом побуждают способности. Итак, Бог желает, чтобы он имел эту свободу. Следовательно, он имеет право на эту свободу.

Это право принадлежит, однако же, не только одному, но всем. Все имеют способности. Все обязаны исполнять волю Божью, т. е. упражнять их. Следовательно, все должны иметь свободу делать то, что необходимо для их упражнения. Итак, все должны иметь право на свободу действий. Таким образом, неизбежно является ограничение. Если все люди имеют одинаковое право на свободу, необходимую для упражнения их способностей, то свобода каждого должна быть ограничена одинаковою свободою всех. Если, преследуя свои цели, два индивидуума сталкиваются между собою, то движения каждого из них остаются свободными лишь настолько, насколько они не стесняются подобными же движениями другого. Условия существования, в которые мы поставлены, не представляют полного простора для нестесненной деятельности всех; но все так устроены, что имеют одинаковое право на неограниченную деятельность, – следовательно, остается одно из неизбежных ограничений: уделить каждому по равной части. Таким образом, мы приходим к основному положению, что каждый человек может требовать полнейшую свободу для упражнения своих

способностей, если свобода эта совместна с подобной же свободой каждого другого человека.

При одностороннем взгляде, закон этот может показаться подлежащим опровержению. Может показаться более удобным ограничить право каждого человека упражнять свои способности тем условием, чтобы он не вредил никому другому, чтобы он не причинял никому другому страдания. Хотя на первый взгляд подобное выражение закона кажется также удовлетворительным, но оно допускает ложные выводы. Справедливо, что люди не могут употреблять своих способностей, оскорбляя друг друга, если они хотят соответствовать условиям наибольшего счастья, сформулированным в предыдущей главе. Но несправедливо, что всякий, во избежание страданий другого, должен воздерживаться от полного применения своих способностей, а должен стремиться к тому, чтобы у каждого способности были таковы, чтобы их полная реализация не стесняло другого. В этом именно и заключается различие. Причинение страданий может иметь две причины. С одной стороны, ненормально устроенный человек может сделать что-нибудь неприятное для нормальных чувств его соседа, в этом случае он поступает дурно; с другой, поведение нормально устроенного человека может ожесточить ненормальные чувства его соседей. В этом случае недостаток не со стороны его поведения, а со стороны свойств его соседей. При таких обстоятельствах надлежащее использование его способностей справедливо, хотя оно и причиняет страдание; а исправление зла должно заключаться в изменении тех ненормальных чувств, которыми страдание причинено.

Возьмем несколько примеров для объяснения этого различия. Честный человек открывает мошенника в своем друге, которого он считал хорошей личностью. У него есть известные возвышенные инстинкты, которые внушают ему отвращение к мошенничеству. Он дает полную свободу этим инстинктам и прекращает знакомство с недостойным. Хотя он таким образом и причиняет страдание, но он не преступает закона. Зло не должно быть приписано неправильному употреблению его способностей по безнравственности человека, который страдает. Протестант в католической стране отказывается обнажать свою голову, когда проходит процессия с пасхальным агнцем. Повинуясь таким образом внушению известного чувства, он возбуждает неудовольствие в зрителях; если бы приведенное выше выражение

закона было правильно, его бы следовало за это порицать. Но вина тут не на его стороне, а на стороне тех, которые оскорбляются. Вина заключается не в том, что он обнаруживает таким образом свое убеждение, а в том, что они обладают такою деспотическою нетерпимостью по отношению к убеждениям других. Сын женится, к крайнему неудовольствию своего отца и своего семейства, на женщине во всех отношениях прекрасной, но не имеющей приданого. Следуя таким образом стремлениям своей природы, он может причинить много горя своим родственникам; но из этого не следует, что его поведение дурно, скорее следует, что те чувства дурны, которые оскорблены его поведением.

Подобные случаи встречаются постоянно, стеснять тут деятельность способности для того, чтобы не причинить страдания другим – значило бы останавливать правильное отправление способностей в одних людях для того, чтобы допустить неправильное их отправление в остальных. Сверх этого соблюдение подобного правила не предупреждает страдания, хотя это и кажется с первого раза. Человек, который стесняет себя таким образом, чтобы не причинить страдания своим ближним, сам страдает. Какая-нибудь сторона должна страдать, и остается решить, которая из двух. Должен ли протестант, чтобы не оскорбить духа нетерпимости своего соседа католика, показывать благоговение перед тем, чего он не уважает, выражать таким образом ложь и оскорблять свою потребность добросовестности? Или ему следует дать свободу здоровому чувству искренности и независимости и оскорбить нездоровое ханжество? Следует ли честному человеку подавлять чувства, которые делают его честным, из опасения, чтобы их проявление не причинило страдания негодяю? Или ему следует уважать свои благородные чувства и оскорблять низкие чувства другого? В этих случаях ясно, что никто не может затрудниться в выборе. Рассмотрим дело в самом его существе. Вспомним общий закон жизни, что упражнение или удовлетворение способностей увеличивает их силу, и наоборот, их стеснение и причинение им страданий ослабляет их. Отсюда следует, что если действие нормальной способности стесняется для того, чтобы предупредить страдание ненормальных способностей других людей, эти ненормальные способности сохраняют всю свою деятельность и силу, а нормальные ослабляются и делаются ненормальными. При противоположных обстоятельствах нормальные способности остаются в своей силе, а ненормальные ослабляются и

делаются более нормальными. В первом случае страдание вредно, потому что оно замедляет появление таких форм человеческой природы, при которых способности каждого могут иметь полную свободу действий, не стесняя подобные же способности всех. Во втором случае страдание благотельно, потому что оно приближается к подобным формам. На основании всего вышеизложенного, нужно признать правильным только первый способ выражения закона, так как он непосредственно вытекает из условий социального существования; всякое изменение в выражениях, подобное вышеизложенному, неизбежно приведет во многих случаях к образу действий абсолютно вредному.

Мы, однако же, допускаем несовершенство в выражениях противоположного свойства: если мы говорим, что каждый человек должен иметь полную свободу упражнять свои способности, если только он не стесняет этим подобной же свободы другого. Мы найдем, что во многих случаях вышеприведенный способ выражения более соответствует предмету. Существует много случаев, в которых другие лица могут быть оскорблены действием способностей, а закон о равномерной свободе все-таки не будет нарушен. Человек может вести себя нелюбезно, может употреблять грубые выражения, может беспокоить отвратительными привычками. Кто оскорбляет таким образом нормальные чувства, тот явно уменьшает счастье. Если мы скажем, что всякий может упражнять свои способности только до тех пор, пока он не причиняет страдание другому, то мы этим воспрещаем подобное поведение. Но если мы требуем только, чтобы свобода каждого была ограничена равною свободой всех, то мы его не воспрещаем, потому что тот, кто таким образом упражняет свои способности, не мешает другим действовать точно так же и в тех же самых размерах. Каким образом можем мы выйти из этого затруднения? Ни одно из выражений закона не удовлетворяет нашим требованиям, а мы все-таки должны выбрать одно из них. Которое следует выбрать и почему?

По весьма основательной причине мы должны выбрать первоначальное. Ограничивая свободу каждого равной свободой всех, мы исключаем обширный разряд неправильных действий, но оставляем не исключёнными некоторые из них. Ограничивая свободу каждого необходимостью не причинять другим страданий, мы исключаем все эти неправильные действия, но воспрещаем вместе с тем и много правильных. Одно не отделяет всего, другое отделяет слишком много. Одно заключает в себе отрицательную, а другое положительную ошибку.

Ясно, что мы должны принять то, в котором есть отрицательная ошибка, потому что его недостатки могут быть исправлены дополнительным законом. Здесь мы видим необходимость сделанного выше различия между справедливостью и отрицательным облагодетельствием или отрицательным проявлением симпатии – различие это мы делаем постоянно в жизни. Справедливость полагает первый ряд границ для упражнения способностей, и эти ограничения совершенно правильны всюду, куда они достигают. Отрицательное облагодетельствие или отрицательное проявление симпатии полагает другой ряд подобных границ. Все недостатки первых пополняются последними. Оба эти закона в существе своем различны, и мы видели, что попытка дать им одно выражение приводит к роковым ошибкам.

Против всего сказанного, по всей вероятности, будет сделано еще одно возражение. Под неограниченной свободой упражнять свои способности нужно понимать полную свободу делать все, к чему побуждают способности, или, другими словами, делать все, что лицо желает. Итак, можно сказать, что если лицо имеет свободу исполнить все свои желания, если только оно не переступает границу, за пределами которой лежит свобода действий других, то, следовательно, оно может беспрепятственно вредить самому себе – оно может напиваться пьяным, совершить самоубийство. Против этого можно, во-первых, ответить то же, что уже сказано было выше. Если закон, в настоящем случае, признает известного рода действия безнравственными и воспрещает их, то из этого вовсе не следует, что он вне этих действий считает всякую безнравственность законной. Ограничение, поставленное им для свободной деятельности способностей, хотя и должно быть признано самым существенным, но оно не единственное, оно не должно мешать другим дальнейшим границам свободы. Явившееся здесь затруднение уже показывает, что существует потребность в дальнейших ограничениях.

Следует, однако же, заметить, что эти дополнительные ограничения несравненно меньшей важности, чем основной закон. Они при существующих обстоятельствах неспособны, подобно этому закону, к строго научному развитию; относящиеся к ним учение может быть развито только на основании высших форм полезности. Границы, поставленные свободе каждого человека подобной же свободой каждого другого, почти всегда могут быть определены с точностью, каковы бы ни были условия, но относительные размеры свободы, требуемой

людьми, могут быть сравниваемы, и равенство или неравенство между этими размерами может быть определено. Если же мы сделаем предположение, что человек не должен иметь свободы вредить самому себе и что он, за исключением случаев вроде вышеприведенных, не должен иметь свободы делать то, что причиняет несчастье его соседям, и если мы из этих предложений начнем делать выводы, то запутаемся среди таких сложных определений удовольствий и страданий, что точность наших заключений подвергнется очевидной опасности. Не подлежит сомнению, что гораздо легче определить последствия известного действия по отношению к себе самому или к другому, чем определить окончательный результат известных общественных мер по отношению к целой нации; поэтому в частной жизни относительно менее опасно руководствоваться соображениями полезности. Но совершенно справедливо также, что даже тут можно достигнуть благонадежных заключений только в меньшей части случаев. Во-первых, для нас часто невозможно определить, какие последствия возьмут перевес: дурные или хорошие; затем мы часто не можем сказать, в каком состоянии находятся способности, подвергающиеся страданию – в нормальном или в ненормальном. Например, хотя совершенно ясно, что пьянство есть вредное упражнение способностей, так как оно производит более страданий, чем удовольствие, но вовсе не ясно, где тут граница между пригодным и вредным для нас; вовсе не ясно, где граница между полезной и вредной интеллектуальной деятельностью; невозможно определить меру преимуществ, которая может оправдать человека, если он подвергнет себя вредному для него климату или образу жизни. Во всех этих случаях вопрос идет о счастье, и ложный путь тут нельзя допускать по тем же причинам, как и относительно пьянства. Если бы по отношению к частным поступкам даже можно было определить, преобладают ли благодетельные их последствия над страданиями, то затем оставалось бы еще одно затруднение – мы не можем с точностью различать страдания вредные от страданий полезных. Так как мы теперь не вполне приспособлены к условиям нашей жизни, то неизбежно должны происходить страдания от ограничения способностей слишком деятельных и от чрезмерного напряжения тех, которые слишком слабы для своего назначения. Так как подобные страдания необходимы для развития совершенного человека, то действия, от которых они

происходят, не могут быть осуждаемы. Ясно, что искусный труд необходим для произведения наибольшего счастья, но приобретение этой ловкости так тягостно для нецивилизованного человека, что только самая строгая дисциплина может его к этому принудить. Только по истечении многих лет утомительного труда мы можем достигнуть той степени интеллектуального развития, которая требуется нашим современным образом жизни, может быть, нет возможности привить ее иначе, как пожертвовав отчасти и временно телесным здоровьем. Осуществление божественной идеи требует заселения всех обитаемых местностей, а такое заселение предполагает приспособление человечества к разнородным климатам, – приспособление это не может иметь места без значительных страданий. Вот случаи, в которых свобода человеческая не может быть ограничена необходимостью не причинять себе вреда. Такое ограничение должно остановить приближение наше к наибольшему счастью. Выше мы видели, что бывают случаи, где по подобным же причинам человеческая свобода не может быть ограничена необходимостью не причинять страданий другим. Здесь мы должны обратить внимание на то обстоятельство, что мы не имеем ни одного верного способа для того, чтобы отличить приведенные здесь два рода человеческих действий от случаев, в которых поступки, уменьшающие наше счастье и счастье других людей, вредны и непосредственно, и в окончательном своем результате, а потому должны быть признаны дурными. Мы вполне неспособны решать относительно каждого отдельного поступка, будет ли он согласен с устройством совершенного человека или нет, потому что мы не в состоянии определить это устройство в его частностях: мы не можем указать размер отдельных способностей, из которых идеальный человек состоит, мы можем определять его устройство только в общих чертах, мы можем только указать известные законы, с которыми действие его способностей должно сообразоваться. Выражаясь проще, мы можем сказать, что при определении рассматриваемых здесь двух дополнительных ограничений человеческой деятельности суждение должно быть основано на понятии о счастье, счастье же в настоящее время мы можем определять только в общем, а не в частном смысле, а потому ограничения эти не могут быть развиты научным путем. Ограничения эти в отвлеченной форме совершенно правильны, и они в точности были бы

соблюдаемы идеальным человеком, однако же они до тех пор не могут получить удобноприменимого выражения, пока не будет существовать идеальный человек...

Для надлежащего же применения опытного метода в этом случае необходимо, чтобы каждый человек обладал наибольшей свободой, согласной с такой же свободой всех других людей. Если мы ходу нашей мысли дадим обратное движение, то мы можем сказать, что хотя второстепенные условия наибольшего счастья и могут быть действительно определены, но для их практического применения требуется подробное знакомство с окончательными условиями телесного и душевного устройства человека. Такое подробное знакомство для нас недоступно, поэтому мы должны признавать закон о равной свободе единственным законом, который постановляет ясные для нас пределы для деятельности и способностей, и знать, что другие ограничения сами дадут себя почувствовать, и, на основании закона о приспособлении, впоследствии дело дойдет до полного с ними согласования...

Когда будут следовать этому направлению, то число действий, причиняющих вредные страдания, будет постоянно уменьшаться, а те, которые производят страдания благодетельные, будут продолжаться до тех пор, пока они перестанут возбуждать страдания. Все это может быть объяснено несколькими примерами. Склонность дикого к увлечениям, которая заставляет его действовать под влиянием первого впечатления, постепенно уступает природе цивилизованного человека, способного жертвовать настоящим благом в ожидании большого в будущем. Такое преобразование сопровождается многими страданиями. Но так как это изменение диктуется необходимыми условиями социальной жизни, то недостаток способности самообладания постоянно влечет за собою строгие наказания. Таким образом, обеспечивается постоянное стремление всех к приобретению этой способности, хотя стремление это для них неприятно. Такое стремление приводит хотя медленным, но верным путем к успеху. У людей иногда преобладают чрезмерные инстинктивные стремления к пище, стремления эти постоянно причиняют много телесных, а порою и душевных страданий, но поэтому они неизбежно сопровождаются таким стремлением к воздержанию, которое должно постоянно сдерживать инстинкт и, наконец, привести его к нормальным размерам. С первого раза, кажется, трудно понять, почему аппетит и стремление к пище имеют в

настоящее время большие размеры, чем следует. Но мы найдем объяснение этой кажущейся аномалии, если припомнить условия, в которых жил первобытный человек. Он не имел возможности правильно снабжать себя пищей, а потому должен был развивать в себе способность много есть, когда пища была для него доступна в изобилии, – такая потребность породила и соответствующее инстинктивное стремление. В настоящее время человек может правильно снабжать себя пищей и ему нет надобности наедаться в запас на случай продолжительного поста, поэтому способность эта теперь излишня и потому должна быть ослабляема...

Обращаясь к действиям, при которых мы приходим в непосредственные отношения к другим людям, мы найдем, что и тут должно случиться то же самое, – действия, которые никому не причиняют удовольствия, будут постоянно возобновляться и соответствующие им способности будут развиваться. Напротив, действия, которые должны неизбежно произвести дурное впечатление на наших соседей, обыкновенно должны будут отразиться на нас самих неприятной реакцией. Эта реакция в среднем уровне породит все-таки известную степень ограничения – ограничение это в окончательном результате все-таки должно произвести свое действие на инстинктивное желание, которым оно порождается. Здесь следует обратить внимание на то, что имелось в виду разъяснить в настоящем случае, а именно: во время всего вышеизложенного процесса, влияния на человеческую деятельность, которые производят только временные и преходящие страдания, должны привести к совершенно другим результатам, чем влияния, которые производят страдания неизбежные, потому что они действуют на нормальные способности и не могут быть устранены приспособлением. Поведение, которое оскорбляет неизбежные, т. е. нормальные чувства других, должно неизбежно подвергнуться ограничению и уменьшению своих размеров, как это и было объяснено выше. Но нет необходимости, чтобы то же самое случилось с поведением, которое оскорбляет только случайные и преходящие чувства, например, предрассудки, чувства каст, – напротив, если такой образ действий вытекает из неизбежных чувств, то он будет постоянно продолжаться в ущерб чувствам случайным до окончательного их уничтожения. Если люди обращаются друг с другом, таким образом, что в природе каждого оскорбляется какой-нибудь существенный элемент, и если им всем по очереди при-

ходится переносить происходящее от этого страдание, то должна родиться между ними склонность сократить инстинктивное желание, которое заставляет их действовать таким образом. Если вместо этого они будут постоянно оскорблять друг в друге несущественные их элементы, свойственные только преходящему порядку вещей, и будут побуждаться к такому образу действий стимулами, необходимыми постоянно, то несущественные элементы должны дойти до окончательного уничтожения.

Таким образом, со временем сама собою разъяснится путаница между неизбежными и условными чувствами, между неизбежными и условными положениями и между такими чувствами и положениями, которые отчасти неизбежны и отчасти условны. Условные чувства должны будут уступить неизбежным положениям, а условные положения – неизбежным чувствам. Когда путем такого процесса произойдет полное приспособление устройства человека к условиям его жизни, тогда последует и полное разделение поступков на существенно вредные и существенно полезные.

Итак, мы находим, что единственное условие, необходимое для произведения окончательного подчинения этим второстепенным ограничениям правильного поведения, заключается в возможности свободно сталкиваться с этими границами. Необходимо, чтобы мы могли беспрепятственно давать волю стремлениям нашей природы во всех направлениях до тех пор, пока не будет сделано нами все необходимое для нашего благополучия и истинные пределы полезной деятельности не дадут себя почувствовать. Только после этого возможно будет обозначить эти границы и создать для них применимый на деле свод постановлений об обязанностях. Этим еще более объясняется высшее значение нашего первоначального закона о свободе каждого, ограниченной только равной свободой всех, потому что свобода действий способностей, которая им требуется, должна предшествовать развитию вышеупомянутой дополнительной нравственности и неизбежна для того, чтобы ее законы определились. Если будем рассматривать первоначальный закон с этой точки зрения, то мы можем почти утверждать, что первоначальный закон есть единственный закон, потому что мы находим, что в числе разнородных условий наибольшего счастья это есть единственное, которое способно в настоящее время получить систематическое развитие. Далее мы находим, что если будут

сообразоваться с этим законом, то этим в окончательном результате будет обеспечено следование и другим законам.

Различными путями мы приходим к тому же самому заключению. Мы должны признать, что закон справедливых социальных отношений заключается в правиле, что «каждый человек свободен делать все, что он хочет, если он не нарушает равной свободы другого человека» < ... >.

Вопросы к тексту

1. Какой смысл вкладывает Г. Спенсер в понятия «справедливость» и «польза»?

2. К какому выводу пришёл Г. Спенсер исследуя понятие «наибольшего счастья»? Какие аргументы и примеры он привёл, чтобы сделать данный вывод?

3. Что необходимо для полного счастья?

4. Объясните смысл общей причины зла на примерах, приведённых Г. Спенсером.

5. Объясните доводы автора о стремлении зла к исчезновению.

6. Каковы условия прогресса?

7. Каковы условия развития способностей? Какую роль отводит Г. Спенсер Богу в развитии человеческих способностей? Приведите аргументы автора.

8. Укажите мотивы причинения страданий другим?

9. Как может быть достигнуто человеческое счастье?

10. Раскройте смысл закона о равной свободе.

11. Сформулируйте закон справедливых социальных отношений Г. Спенсера.

2.2. Исторический материализм К. Маркса

Сведения об авторе.

Карл Генрих Маркс (1818–1883) – немецкий философ, экономист, писатель, поэт, политический журналист, общественный деятель. На основе его творчества появились следующие направления: В социально-гуманитарных науках – материалистическое понимание истории культуры, научный социализм, первая научная теория классовых борь-

бы. В экономике – научная критика политической экономии, первая научная теория прибавочной стоимости.

Терминологический справочник.

Средства производства – совокупность средств труда и предметов труда. Средства производства и труд человека неразрывно связаны и взаимообусловлены. Средства производства и люди, обладающие определённым производственным опытом, навыками, физическими возможностями к труду и приводящие эти средства производства в действие, составляют **производительные силы**. Присвоение средств производства порождает особые общественные взаимоотношения между людьми – **производственные отношения**. **Факторы производства** – труд, земля, капитал, предпринимательские способности, знания.

Разделение труда – исторически сложившийся процесс выполнения людьми своих специализированных видов деятельности в общем для всех деле, сопровождающийся обособлением, видоизменением, закреплением отдельных видов трудовой деятельности, который протекает в общественных формах дифференциации и осуществления разнообразных видов трудовой деятельности.

Прибавочная стоимость – разница между созданной в процессе труда новой стоимостью (превышение трудовой стоимости товара над стоимостью ранее овеществлённого труда – сырья, материалов, оборудования) и стоимостью рабочей силы (обычно выражена в форме заработной платы), которая была использована для создания этой новой стоимости. Источником прибавочной стоимости, по Марксу, является продолжение потребления рабочей силы дольше того времени, в течение которого воспроизводится её собственная стоимость.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Карла Маркса «Капитал»⁴ и выполните задания в конце текста.

< ... > «Г-н Бротон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингемском городском доме 14 января 1860 г., что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царят такие нищета и лишения, которых не знает остальной цивилизованный мир... В 2, 3, 4 часа утра 9–10-

⁴ Маркс К. Капитал / <http://e-libra.ru> (*адаптирован – В. Ч.*).

летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего конечности их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивлены, что г-н Маллетт и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал его преподобие Монтегю Валпи, – это система неограниченного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях... Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческим мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались вуали и воротнички?» [Лондонская «Daily Telegraph» от 17 января 1860 г.].

Уильям Вуд, девяти лет, «начал работать, когда ему было 7 лет и 10 месяцев». Сначала он «ran moulds» (относил в сушильню изготовленный товар в формах и затем приносил обратно пустые формы). Он приходит ежедневно в 6 часов утра и заканчивает приблизительно в 9 часов вечера. «Я всю неделю работаю ежедневно до 9 часов вечера. Так было, например, в течение последних 7–8 недель». Итак, пятнадцать часов труда для семилетнего ребенка! Дж. Марри, двенадцатилетний мальчик, рассказывает: «I run moulds and turn jigger» («я отношу формы и верчу колесо»). «Я прихожу в 6 часов, иногда в 4 часа утра. Я работал всю последнюю ночь до 6 часов сегодняшнего утра. Я не ложился с предпоследней ночи. Кроме меня, работало 8 или 9 других мальчиков всю последнюю ночь напролет. За исключением одного, все опять пришли сегодня утром. Я получаю 3 шиллинга 6 пенсов в неделю... Мне ничего не прибавляют, когда я работаю без перерыва всю ночь. На последней неделе я проработал две ночи». Фернихаф, десятилетний мальчик: «Я не всегда получаю полный час на обед, часто – всего полчаса, так бывает каждый четверг, пятницу и субботу»...

Доктор Бутройд, врач, практикующий в Хенли, заявляет: «Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более

слабым здоровьем, чем предыдущее». Из отчета членов комиссии 1863 г. мы заимствуем следующее. Д-р Дж. Т. Арледж, главный врач больницы Северного Стаффордшира, говорит: «Как класс, гончары, мужчины и женщины, представляют... вырождающееся население как в физическом, так и в моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, плохо сложены и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолго живут; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями функций печени и почек и ревматизмом. Но, главным образом, они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, туберкулезу, бронхиту и астме. Одна из форм астмы свойственна исключительно их профессии и известна под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотухой – болезнью, которая поражает железы, кости и другие части тела, – страдает более двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще больших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних местностей и браками с более здоровым населением».

Г-н Чарльз Парсонс, в недавнем прошлом хирург той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Лонджу следующее: «Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипало негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей».

Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и в заключение называет самую главную – «long hours» («долгие рабочие часы»). Отчет комиссии выражает надежду, что «мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что ее выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, разнообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты»...

Вот что говорит по этому поводу г-н Отли, директор фабрики обоев в Боро (в Лондоне): «Закон, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы для нас (!) весьма желателен, но предписываемый фабричным актом рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера нам (!) не

годится... Мы останавливаем машины на время обеда» (какое великодушие!). «Эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери в бумаге и краске». «Но», – с сочувствием добавляет он, – «я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия».

Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых «ведущих фирм» лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд и таким образом «лишиться прибыли», не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет «лишились пищи» в течение 12–16 часов или чтобы они снабжались пищей так же, как средства труда снабжаются вспомогательными материалами: машина – водой и углем, шерсть – мылом, колеса – маслом и т. д., т. е. во время самого процесса производства...

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне была впервые разоблачена комитетом палаты общин по вопросу «о фальсификации пищевых продуктов» (1855–1856) и работой д-ра Хасселла «Adulteration detected». [Квасцы, мелко перемолотые или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, носящим характерное название «baker's stuff» [«порошок пекарей»]. Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» [«для предотвращения фальсификации предметов питания и напитков»], закон, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высшую степень деликатности по отношению к каждому фритрейдеру, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров «to turn an honest penny» [«добыть честную копейку»]. [Сажа, как известно, представляет собой весьма концентрированную форму углерода и образует удобрение, которое капиталистические трубочисты продают английским фермерам. В 1862 г. на одном судебном процессе британскому присяжному пришлось решать, будет ли такая сажа, к которой без ведома покупателя примешано 90 % пыли и песку, «настоящей» сажой в «коммерческом» смысле слова или «фальсифицированной» сажой в «законном» смысле. «Amis du commerce» [«друзья торговли»] решили, что это – «настоящая коммерческая сажа, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому вдобавок пришлось уплатить судебные издержки.] Сам комитет в достаточно наивной форме выразил

свое убеждение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, «софистицированными продуктами». И в самом деле, такого рода «софистика» умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеатов демонстрировать *ad oculos* [воочию] полную иллюзорность всего реального. [Французский химик Шевалье в статье о «софистикациях» товаров насчитывает для многих из 600 с лишком рассматриваемых им продуктов до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он признаёт, что не знает всех способов и упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для прованского масла 9, для сливочного масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д.]...

Поэтому, невзирая на ее святейшество «свободу торговли», «свободное» до того времени пекарное производство подчинили надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые тома, говорит о чрезмерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патриархальностью.

«Работа лондонского пекаря-подмастерья начинается обыкновенно в 11 часов ночи. В это время он делает тесто, – чрезвычайно утомительная процедура, продолжающаяся от 1/2 до 3/4 часа... Затем он ложится на месильную доску, служащую одновременно и крышкой для квашни, в которой делается тесто, и засыпает часа на два, подложив один мучной мешок под голову и укрывшись другим. Затем следует спешная и непрерывная пятичасовая работа: надо месить тесто, взвешивать его, придавать ему форму, сажать в печь, вынимать из печи и т. д. Температура пекарни колеблется между 75° и 90° [по Фаренгейту, или 24°–32° по Цельсию], причем в небольших пекарнях она скорее бывает выше, чем ниже. Когда хлебы, булки и т. д. готовы, начинается распределение выпечки, и значительная часть рабочих, окончив только что описанный тяжелый ночной труд, в продолжение дня разносит хлеб в корзинах или развозит его в тележках из одного дома в другой, а в промежутках производит иногда еще какую-нибудь работу в пекарне... «Во время лондонского сезона подмастерья, занятые в булочных, изготавливающих «полноценный» хлеб в Уэст-Энде, начинают ра-

боту регулярно в 11 часов ночи и с одним или двумя очень короткими перерывами заняты выпечкой хлеба до 8 часов следующего утра. Затем они занимаются до 4, 5, 6, а то и 7 часов разноской хлеба или же изготовлением бисквитов в пекарне. По окончании работы наступает время сна, который продолжается не больше 6 часов, часто всего 5 и 4 часа. В пятницу работа всегда начинается раньше, примерно в 10 часов вечера, и длится без перерыва, заключаясь то в приготовлении, то в разноске хлеба до 8 часов вечера субботы, в большинстве же случаев до 4 или 5 часов утра воскресенья. Даже в солидных пекарнях, продающих хлеб по «полной цене», по воскресеньям производится в течение 4–5 часов подготовительная работа к следующему дню... Еще продолжительнее рабочий день подмастерьев, работающих у «underselling masters» (булочников, продающих хлеб по пониженной цене), а таковые составляют, как было замечено выше, более 3/4 лондонских пекарей; но труд их почти исключительно ограничен пекарней, так как их хозяева продают хлеб лишь в собственных булочных, если не брать в расчет мелких лавок, в которые они его доставляют. К концу недели... т. е. в четверг, работа начинается здесь в 10 часов вечера и продолжается лишь с незначительным перерывом до поздней ночи с субботы на воскресенье». Что касается «underselling masters», то даже буржуазная точка зрения признает, что «неоплаченный труд рабочих (the unpaidd labour of the men) составляет основу их конкуренции». И «full priced baker» [«булочник, продающий хлеб по полной цене»] изобличает перед следственной комиссией своих «underselling» конкурентов как похитителей чужого труда и фальсификаторов... «Они преуспевают только благодаря тому, что надувают публику и выколачивают из своих рабочих 18 часов труда, оплачивая всего 12-часовой труд».

После всего вышеизложенного будет понятно, почему в отчете комиссии пекари-подмастерья относятся к категории рабочих с короткой продолжительностью жизни; счастливо избежав опасности стать жертвой ужасающей детской смертности, характерной для всех категорий рабочего класса, они редко достигают 42-летнего возраста. Тем не менее пекарный промысел всегда переполнен кандидатами. Источниками, из которых Лондон черпает эти «рабочие силы», являются Шотландия, западные земледельческие округа Англии и Германия.

В 1858–1860 гг. пекари-подмастерья в Ирландии организовали на собственные средства ряд больших митингов для агитации против ночного и воскресного труда. Публика с чисто ирландским пылом приняла их сторону, как это было, например, в 1860 г. на майском митинге в Дублине. Результатом этого успешного движения стало введение исключительно дневного труда в Уэксфорде, Килкенни, Клонмеле, Уотерфорде и т. д.

В Ирландии комитет вооруженного до зубов английского правительства слезно увещевает неумолимых хозяев пекарен Дублина, Лимерика, Корка и т. д. «Комитет полагает, что рабочее время ограничено естественными законами, которых нельзя нарушать безнаказанно. Принуждая своих рабочих, с помощью угрозы увольнения, к нарушению их религиозных убеждений, неповиновению законам страны и игнорированию общественного мнения» (все это относится к воскресному труду), «хозяева сеют вражду между капиталом и трудом и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к пагубным с моральной точки зрения результатам вследствие вмешательства в семейный быт человека и выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и, таким образом, ведет к несчастью рабочих семей, которые лишаются («*age deprived*») попечения и опоры главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо».

Мы только что познакомились с Ирландией. По другую сторону пролива, в Шотландии, сельскохозяйственный рабочий, человек плуга, возмущенно указывает на свой 13 – 14-часовой труд в суровейшем климате, при четырехчасовом дополнительном труде по воскресным дням (и это в стране, в которой так свято чтут воскресенье). Образование в конце 1865 г. тред-юниона сельскохозяйственных рабочих, прежде всего, в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных земледельческих округов Англии, в Бакингемшире, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9–10 до 12 шиллингов...

В то же самое время перед лондонским большим жюри предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирского поезда, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа отправила сотни пассажиров на тот свет. Причиной несчастья послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных, что 10–12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5–6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, например, в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40–50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, голова перестает соображать, глаза – видеть. Вполне «respectable British Jurymen» [«респектабельный британский присяжный»] отвечает на эти показания приговором о передаче дела, квалифицируемого как manslaughter (убийство), в более высокую инстанцию, и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа железнодорожные магнаты капитала в будущем проявляли большую щедрость при покупке необходимого количества «рабочих сил» и обнаруживали большее «воздержание» или «самоотречение», или «бережливость» при высасывании купленной рабочей силы. [«Reynolds' Newspaper», 21 января 1866 г. Эта же еженедельная газета вслед за тем из номера в номер сообщает о железнодорожных катастрофах под «сенсационными заголовками: «Ужасные катастрофы», «Потрясающие трагедии» и т. д. Это вызвало следующий ответ одного рабочего с североаппалачской железной дороги: «Всем известно, к каким последствиям ведет хотя бы минутное ослабление внимания машиниста и кочегара. А может ли быть иначе при безграничном удлинении рабочего времени, несмотря на самую суровую погоду, при полном отсутствии перерывов и отдыха? Возьмем для примера следующий случай, наблюдающийся ежедневно: в прошлый понедельник кочегар начал работу с раннего утра. Он окончил ее через 14 часов 50 минут. Не успел он выпить чаю, как его снова позвали на работу... Таким образом, он проработал без перерыва 29 часов 15 минут. Остальные дни недели были у него заняты так: среда – 15 часов; четверг – 15 часов 35 минут; пятница – 14,5 часов; суббота – 14 часов 10 минут, итого 88 часов 30 минут в неделю. После этого нетрудно

представить себе его изумление, когда ему было заплачено всего за 6 рабочих дней. Он был новичок и попросил разъяснить ему, что разумеется под рабочим днем. Ответ: 13 часов, т. е. 78 часов в неделю. Но тогда как же с уплатой за лишние 10 часов 30 минут? После долгих пререканий ему удалось получить вознаграждение в 10 пенсов»].

Из пестрой толпы рабочих всех профессий, возрастов, полов, преследующих нас усерднее, чем души убитых преследовали Одиссея, рабочих, чей вид, не будь даже Синих книг под рукой, с первого взгляда говорит о чрезмерном труде, мы возьмем еще две фигуры: модистку и кузнеца. Разительный контраст между ними лучше всего доказывает, что перед лицом капитала все люди равны.

В последние недели июня 1863 г. все лондонские газеты поместили заметку под «сенсационным» заголовком «Death from simple overwork» («Смерть исключительно от чрезмерного труда»). Речь шла о смерти 20-летней модистки Мэри Анн Уокли, работавшей в весьма уважаемой придворной пошивочной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Элиз. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторявшаяся история о том, что эти девушки работают в среднем по 16,5 часа в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причем изменяющая им «рабочая сила» поддерживается время от времени определенными дозами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло изготовить благородным леди роскошные наряды для бала в честь ... принцессы Уэльской. Мэри Анн Уокли проработала без перерыва 26,5 часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, имевшей едва 1/3 необходимой кубатуры, причем спать им приходилось вдвоем на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых спальня отгораживается посредством дощатых перегородок. [Д-р Литой, врач из Совета по охране здоровья, указывал в то время: «Спальня взрослого должна иметь минимум 300 кубических футов, а жилая комната – минимум 500 кубических футов». А вот что говорит доктор Ричардсон, главный врач одной лондонской больницы: «Различные швеи: модистки, портнихи, белошвейки терпят бедствия тройного характера: чрезмерный труд, недостаток воздуха и недостаток питания или расстройство пищеварения. В общем, этого рода труд во всяком случае более подходит женщинам, чем мужчинам. Но несчастье этого промысла заключается в том, что он монополизирован, в особенности в столице, какими-нибудь 26 ка-

питалистами, которые, используя порождаемые капиталом (that spring from capital) средства давления, выжимают из труда экономию» (force economy out of labour. Ричардсон хочет сказать, что экономят, расточая рабочую силу). «Их власть чувствует на себе весь этот класс рабочих. Если портнихе удалось приобрести хотя бы небольшой круг заказчиц, то конкуренция принуждает ее убиваться дома и на работе, чтобы сохранить этих заказчиц, и таким же чрезмерным трудом она должна по необходимости мучить своих помощниц. Если ее предприятие не пойдет или если ей не удастся устроиться самостоятельно, она обращается к какому-нибудь заведению, где работать приходится не меньше, но зато заработок вернее. Таким образом, она превращается в настоящую рабу, которую бросает туда и сюда малейшая общественная волна; то она голодает дома в маленькой комнатенке или близка к голодовке; то опять работает по 15, 16, а то и 18 часов в сутки в таком воздухе, которым едва можно дышать, и питается пищей, которая, если она даже и хороша, не переваривается организмом вследствие отсутствия свежего воздуха. Вот какими жертвами питается чахотка, которая есть не что иное, как болезнь из-за плохого воздуха». И это была одна из лучших модных мастерских Лондона. Мэри Анн Уокли заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не успев даже, к великому изумлению г-жи Элиз, закончить последнее бальное платье. Врач г-н Киз, вызванный слишком поздно к ее смертному одру, честно показал перед «Coroner's Jury» [«присяжными по осмотру трупов»]: «Мэри Анн Уокли умерла вследствие чрезмерно продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесном, плохо проветриваемом помещении».

Чтобы дать врачу урок хорошего тона, «Coroner's Jury» в ответ на его показания заявили: «Она умерла от удара, но есть основание опасаться, что ее смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т. д.». Наши «белые рабы», воскликнул по этому случаю «Morning Star», орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, «наши белые рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума». [Газета «Times» воспользовалась случаем для защиты американских рабовладельцев против Брайта и т. д. «Очень многие из нас полагают», – говорит «Times», – «что до тех пор, пока мы сами замучиваем до смерти работой наших собственных молодых женщин, угрожая им бичом голода вместо кнута, едва ли мы имеем право метать громы и молнии против тех семей, члены которых роди-

лись рабовладельцами и которые по крайней мере хорошо кормят своих рабов и требуют от них лишь умеренного труда» («Times», 2 июля 1863 г.). Газета тори «Standard» [15 августа 1863 г.] разносила в том же духе его преподобие Ньюмена Холла: «Он отлучает от церкви рабовладельцев, но творит молитву с ловкими людьми, которые заставляют работать за собачью плату лондонских кучеров в кондукторов омнибусов и т. д. всего по 16 часов в сутки»).

«Зарабатываться до смерти – вот что стоит в распорядке дня не только в мастерских дамского платья, но в тысяче мест, вернее, во всяком месте, где дела идут хорошо... Да будет нам позволено привести в пример кузнеца. Если верить поэтам, то нет на свете более сильного, жизнерадостного, веселого человека, чем кузнец. Он рано встает и еще до восхода солнца высекает искры; нет другого человека, который бы так ел, пил и спал, как он. Если принять во внимание только физические условия, то при умеренном труде положение кузнеца – действительно одно из самых благоприятных. Но последуем за ним в город и взглянем на то бремя труда, которое взвалено на его сильные плечи, взглянем на то место, которое он занимает в статистике смертности нашей страны. В Мэрилебоне», одном из самых больших городских кварталов Лондона, «смертность кузнецов составляет 31 на 1 000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить, в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают производить на столько-то больше ударов, проходить на столько-то больше шагов, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает затрату его жизненных сил на одну четверть. Он делает усилия в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение какого-то ограниченного периода он выполняет работ на одну четверть больше и умирает в 37 лет вместо 50»...

Борьба за нормальный рабочий день...

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в течение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей

силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к обновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья – будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье, [В различных сельских местностях Англии, например, до сих пор, еще нет-нет, да и приговорят какому-нибудь рабочего к тюремному заключению за то, что, работая в огороде перед своим домом, он оскорбляет святость воскресенья. Тот же самый рабочий наказывается за нарушение договора, если не пойдет в воскресенье, хотя бы и по религиозным мотивам, на какую-нибудь металлургическую, бумажную или стекольную фабрику. Ортодоксальный парламент глух к оскорблению святости воскресенья, если такое совершается в «процессе возрастания стоимости» капитала. В одной записке (август 1863 г.), в которой лондонские поденщики, занятые в торговле рыбой и птицей, требуют отмены воскресного труда, говорится, что их труд продолжается в первые 6 дней недели в среднем по 15 часов ежедневно, а в воскресенье – 8–10 часов. Из той же записки видно, что этот «воскресный труд» поощряется как раз прихотливым гурманством аристократических ханжей из Эксетер-холла. Эти «святые», столь ревностные «in cute curanda» [«в заботах о своем физическом благополучии»], подтверждают свою набожность тем смирением, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих лиц. *Obsequium ventris istis (рабочих) perniciosius est* [чревоугодие для них (рабочих) много пагубнее]] – то все это чистый вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным све-

том. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам – сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Но стоимость рабочей силы включает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства сил рабочего или для поддержания репродуктивной функции рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, к которому движется капитал в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение изношенных рабочих сил, т. е. издержки на воспроизводство рабочей силы должны быть больше, – совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее изнашивается машина. Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке... «От чрезмерной работы люди умирают с удручающей быстротой; но места погибающих тотчас заполняются снова, и частая смена лиц не производит никакого изменения на сцене». С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение

промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы... Капитал, который имеет столь «хорошие основания» отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения Земли на Солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте... Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению. [«Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, к сожалению, придется признать, что капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище»... («Times», 5 ноября 1861 г.). «Мужчины Уэст-Райдинга превратились в суконщиков для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не последовала реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.».]. На жалобы относительно физического и духовного вреда, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон. [Поэтому мы видим, например, что в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарнями в Стаффордшире, в том числе также фирма Д. Уэджвуд и сыновья, в особом меморандуме ходатайствуют «о властном вмешательстве государства». «Конкуренция с другими капиталистами» не позволяет им произвести какого бы то ни было «добровольного» ограничения рабочего времени детей и т. д. «Сколько бы мы ни сетовали по этому на упомянутое выше зло, его невозможно было бы устранить

посредством какого-нибудь соглашения фабрикантов между собой... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходим принудительный закон»... Еще более разительный пример дает нам самое недавнее прошлое. Высокие цены хлопка в период промышленного бума побудили владельцев хлопчатобумажных ткацких фабрик в Блэкберне по взаимному соглашению между ними сократить на своих фабриках рабочее время на определенный срок. Срок этот истек приблизительно в конце ноября (1871 г.). Между тем более богатые фабриканты, у которых прядение соединялось с ткачеством, использовали сокращение производства, обусловленное этим соглашением, для того чтобы расширить свое собственное дело и извлечь, таким образом, большие барыши за счет мелких предпринимателей. Последние в таких затруднительных обстоятельствах обратились к фабричным рабочим, призывая их серьезно заняться агитацией за девятичасовой рабочий день и обещая им денежную помощь для этой цели!].

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Сравним, например, английское фабричное законодательство нашего времени с английскими рабочими статутами начиная с XIV и до середины XVIII в. [Эти рабочие статуты, которые мы находим одновременно и во Франции, Нидерландах и т. д., были формально отменены в Англии лишь в 1813 г., уже после того, как они были давно устранены самими производственными отношениями]. В то время как современный фабричный закон насильственно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся насильственно его удлинить. Правда, притязания капитала, находящегося в эмбриональном состоянии, на достаточное количество прибавочного труда обеспечивается пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти, – эти притязания представляются совершенно скромными, если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте. Понадобились века для того, чтобы «свободный» рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, самую свою работоспособность, – продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки. Поэтому есте-

ственно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредничестве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с середины XIV до конца XVII в., совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX в. кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь, например, в штате Массачусетс, до недавнего времени самом свободном штате Североамериканской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в середине XVII в. было нормальным рабочим днем здоровых ремесленников, дюжих батраков и атлетически сложенных кузнецов. [«Ни один ребенок моложе 12-летнего возраста не должен работать на каком бы то ни было мануфактурном предприятии более 10 часов в сутки». (Постановления эти были изданы в 1836–1858 гг.) «Труд продолжительностью десять часов в сутки на всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, бумажных, стекольных, льняных фабриках и на заводах железных и медных изделий должен рассматриваться как установленный законом дневной труд. Предписывается также, чтобы отныне ни одного подростка, работающего на какой-либо фабрике, не удерживали за работой или не принуждали к работе более 10 часов в день или 60 часов в неделю и чтобы отныне ни один подросток, не достигший 10-летнего возраста, не принимался в качестве рабочего на какие бы то ни было фабрики в пределах этого штата» («State of New-Jersey. Закон от 18 марта 1851 г.). «Подростков, достигших 12 лет, но моложе 15 лет, ни на каком мануфактурном предприятии нельзя заставлять работать более 11 часов в сутки, и ранее 5 часов утра, и позже 7,5 часов вечера» (1857 г.)].

Непосредственным поводом к изданию первого рабочего статута (23-й год царствования Эдуарда III, 1349 г.) послужила великая чума, настолько уменьшившая население, что, по словам одного тори, «трудность найти рабочих по разумным ценам» (т. е. по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) «поистине стала невыносима»... Тот же тори, впрочем, добавляет: «Парламентские акты, регулировавшие заработную плату в ущерб рабочим и в пользу нанимателей труда, сохранялись в течение долгого периода продолжительностью в 464 года. Население выросло. Законы эти стали теперь излишними и обременительными». ...

Послуэйт говорит, между прочим: «В заключение этих немногих замечаний я не могу не обратить внимания на пошлую фразу, которую

приходится слышать от слишком многих, что рабочий (industrious roog), если он может в течение 5 дней заработать достаточно для своего существования, не захочет работать полных 6 дней. Поэтому приходит к заключению, что необходимо при помощи налогов или какими-либо иными способами удорожить даже необходимые жизненные средства, чтобы принудить ремесленников и мануфактурных рабочих к непрерывному труду в течение шести дней в неделю. Я должен попросить позволения придерживаться иного мнения, чем эти великие политики, которые ратуют за вечное рабство рабочего населения этого королевства («the perpetual slavery of the working people»); они забывают поговорку «all work and no play» (работа, не чередуясь с игрой, притупляет). Не гордятся ли англичане одаренностью и искусством своих ремесленников и мануфактурных рабочих, которые до сих пор обеспечивали британским товарам всеобщее признание и славу? Чему обязаны мы этим? По всей вероятности, не чему иному, как тому способу, которым наш рабочий народ, жизнерадостный по своему характеру, умеет развлекаться. Если бы их заставляли работать целый год, все шесть дней в неделю, выполняя изо дня в день одну и ту же работу, разве это не притупило бы их способностей и не превратило бы их из бодрых и ловких в тупых и апатичных; и не лишились ли бы наши рабочие под гнетом такого вечного рабства своей репутации, могли ли бы они сохранить ее?.. Какого искусства можно было бы ожидать от столь жестоко загнанных животных (hard driven animals)? ... Многие из них выполняют за 4 дня такое количество работы, какое француз выполнит лишь за 5 или 6 дней. Но если англичане будут вечно обременены тяжелой работой, то можно опасаться, что они вырождаются (degenerate) еще больше, чем французы. Если народ наш славится своей военной доблестью, то разве мы не говорим, что обязаны этим, с одной стороны, хорошему английскому ростбифу и пуддингу, которые служат ему пищей, а с другой стороны, и не в меньшей степени, нашему конституционному духу свободы? Да и почему бы большая степень способностей, энергии и искусства наших ремесленников и мануфактурных рабочих не была обязана своим происхождением той свободе, с которой они по-своему развлекаются? Я надеюсь, что они никогда не лишатся ни этих привилегий, ни тех хороших условий жизни, из которых одинаково проистекают как их искусство в работе, так и их мужество».

На это автор «Essay on Trade and Commerce» дал следующий ответ: «Если празднование седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим предполагается, что остальные дни недели принадлежат труду» (он, как мы это сейчас увидим, хочет сказать: капиталу), «и насильственное принуждение к тому, чтобы эта божественная заповедь исполнялась, нельзя называть жестокостью... Что человечество, в целом, от природы питает склонность к покою и лени, в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашей мануфактурной черни, которая работала в среднем не более 4 дней в неделю... Предположим, что бушель пшеницы представляет все жизненные средства рабочего, что он стоит 5 шиллингов, и что рабочий зарабатывает своим трудом один шиллинг в день. В таком случае ему приходится проработать всего 5 дней в неделю и всего 4 дня, если бушель стоит 4 шиллинга... Но так как в этом королевстве заработная плата много выше по сравнению с ценой жизненных средств, то у мануфактурного рабочего, который проработал 4 дня, имеется денежный излишек, на который он может остаток недели прожить в праздности... Надеюсь, мною сказано достаточно для того, чтобы доказать, что умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство. Наши сельскохозяйственные рабочие работают 6 дней в неделю, и по всем признакам – это счастливейшие из рабочих, ... так же, как и голландцы по столько же дней работают в мануфактурах и производят впечатление очень счастливого народа. Так же работают французы, если в рабочую неделю не вклиниваются многочисленные праздники... [Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни]. Но наша чернь вбила себе в голову мысль, будто ей, как англичанам, по праву рождения принадлежит привилегия пользоваться большей свободой и независимостью, чем» (рабочему народу) «в какой-либо другой европейской стране. Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, быть может, приносит некоторую пользу; но чем менее заражены ею мануфактурные рабочие, тем лучше для них самих и для государства. Рабочим никогда не следовало бы считать себя независимыми от своих начальников («independent of their superiors»)... Чрезвычайно опасно потакать сброду в промышленном государстве, как наше, в котором, быть может, 7/8 всего населения имеют лишь небольшую собственность или совсем ее не имеют... Полного излечения не последует до тех пор, пока наша промышленная

беднота не согласится работать в течение 6 дней за такую же сумму, которую она зарабатывает теперь в течение дня». [Еще в 1734 г. Джейкоб Вандерлинт разъяснил, что тайна всех жалоб капиталистов на лень рабочих просто-напросто заключается в том, что они хотели бы получить за прежнюю заработную плату 6 рабочих дней вместо четырех].

В этих целях, равно как и для «искоренения лени, распутства и романтических бредней о свободе», ditto [а также] для «уменьшения налогов в пользу бедных, поощрения духа предприимчивости и для понижения цены труда в мануфактурах», наш верный Эскарт капитала предлагает испытанное средство: рабочих, нуждающихся в общественной благотворительности, т. е. пауперов, запирать в «идеальный рабочий дом» (an ideal workhouse). [«Такой идеальный рабочий дом следует сделать «домом ужаса», а не приютом для бедных, где они получают обильную пищу, теплую и приличную одежду и где весьма мало работают)]. В этом «доме ужаса», в этом «идеале рабочего дома», работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, и время на еду, так что остается полных 12 часов труда». «Французы», – говорит автор, – «смеются над нашими восторженными идеями о свободе»...

Двенадцатичасовой рабочий день в «ideal workhouse», в доме ужаса 1770 года! Шестьдесят три года спустя, в 1833 г., когда английский парламент в четырех фабричных отраслях уменьшил до 12 полных рабочих часов рабочий день детей от 13 до 18-летнего возраста, казалось, пробил последний час английской промышленности! В 1852 г., когда Луи Бонапарт, чтобы укрепить своё положение в глазах буржуазии, вздумал посягнуть на установленный законом рабочий день, французский рабочий народ в один голос заявил: «Закон, сокративший рабочий день до 12 часов, – это единственное благо, которое осталось нам от законодательства республики!» [«Они возражали особенно против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, устанавливающий такой рабочий день, есть единственное благо, которое осталось им от законодательства республики». Французский закон 5 сентября 1850 г. о двенадцатичасовом рабочем дне, это измененное на буржуазный лад издание декрета временного правительства от 2 марта 1848 г., распространяет свое действие на все мастерские без различия. До этого закона рабочий день во Франции был неограничен. Его продолжительность на фабриках равнялась 14, 15 и более часам].

В Цюрихе труд детей старше 10 лет ограничен 12 часами; в Ааргау в 1862 г. продолжительность труда детей от 13 до 16-летнего возраста была уменьшена с 12,5 до 12 часов; в Австрии в 1860 г. для детей от 14 до 16 лет продолжительность труда была сокращена до 12 часов. [И в деле регулирования рабочего дня Бельгия зарекомендовала себя образцовым буржуазным государством. Лорд Хауард де Уолден, английский посланник в Брюсселе, сообщает английскому министерству иностранных дел от 12 мая 1862 года: «Министр Рожье заявил мне, что детский труд никак не ограничивается ни общим законом, ни местными постановлениями; что правительство в течение последних трех лет на каждом заседании было занято мыслью представить палатам законопроект по этому вопросу, но всегда встречало непреодолимое препятствие в эгоистическом страхе перед всяким законодательством, которое противоречит принципу полной свободы труда!»]. Какой «прогресс с 1770 года!» < ... >.

Вопросы к тексту

1. Охарактеризуйте положение рабочего класса при капиталистическом способе производства.
2. Выделите противоречия интересов капиталистов и рабочих. Подтвердите свои аргументы примерами из текста.
3. Каковы результаты борьбы за нормальный рабочий день в Великобритании и других европейских странах.

2.3. Психианализ (З. Фрейд)

Сведения об авторе.

Зигмунд Фрейд (1865–1939) – австрийский врач и психолог. Работал, на основе метода лечения психических заболеваний, одну из ведущих идейных, теоретических и методологических основ западной социологии классического периода – психианализ.

Терминологический справочник.

Психианализ – психологическая теория, разработанная в конце XIX – начале XX в. австрийским неврологом Зигмундом Фрейдом, а также чрезвычайно влиятельный метод лечения психических расстройств, основанный на этой теории.

Основные положения психианализа заключаются в следующем:

- человеческое поведение, опыт и познание во многом определены внутренними и иррациональными влечениями;
- эти влечения преимущественно бессознательны;
- попытки осознания этих влечений приводят к психологическому сопротивлению в форме защитных механизмов;
- помимо структуры личности, индивидуальное развитие определяется событиями раннего детства;
- конфликты между осознанным восприятием реальности и бессознательным (вытесненным) материалом могут приводить к психоэмоциональным нарушениям, таким как невроз, невротические черты характера, страх, депрессия, и так далее;
- освобождение от влияния бессознательного материала может быть достигнуто через его осознание (например, при соответствующей профессиональной поддержке).

Влечение, драйв – инстинктивное желание, побуждающее индивида действовать в направлении удовлетворения этой потребности. Психическое состояние, выражающее недифференцированную, неосознанную или недостаточно осознанную потребность субъекта, уже имеющее эмоциональную окраску, но ещё не связанное с выдвижением сознательных целей.

Бессознательное – совокупность психических процессов и явлений, не входящих в сферу сознания субъекта (человека), т. е. в отношении которых отсутствует контроль сознания.

Сопротивление – психический механизм, препятствующий психоаналитическому проникновению в бессознательное и мешающий возвращению вытесненного. По словам З. Фрейда, «сила, которая поддерживает болезненное состояние», и не позволяющая ему придерживаться основного правила психоанализа: говорить всё, что приходит в голову.

Защитный механизм (психологическая защита) – неосознаваемый психический процесс, направленный на минимизацию отрицательных переживаний. Защитные механизмы лежат в основе процессов сопротивления.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Зигмунда Фрейда «Психология масс и анализ человеческого "Я"»⁵, «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии»⁶ и выполните задания в конце текста.

2.3.1. Зигмунд Фрейд «Психология масс и анализ человеческого "Я"»

< ... > Противоположность между индивидуальной психологией и социальной психологией (или психологией масс), кажущаяся на первый взгляд весьма значительной, оказывается при тщательном исследовании не столь резкой. Хотя индивидуальная психология построена на наблюдении за отдельным человеком и занимается исследованием тех путей, идя которыми индивид стремится получить удовлетворение своих влечений, однако при этом ей приходится лишь изредка, при определенных исключительных условиях, не принимать во внимание отношений этого индивида к другим индивидам. В душевной жизни одного человека другой всегда оценивается как идеал, как объект, как сообщник или как противник, и поэтому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и социальной психологией в этом распространенном, но весьма правильном смысле. ...

В вышеупомянутых взаимоотношениях с родителями, с братьями и сестрами, с любимым лицом, с другом и с врачом человек испытывает всегда влияние одного лишь лица или очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет огромное значение для него. Вошло в обычное, говоря о социальной психологии или о психологии масс, не обращать внимания на эти взаимоотношения и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние, оказываемое на человека большим числом людей, с которыми он связан в каком-нибудь одном отношении, в то время, как во многих других отношениях он может быть им чужд. Итак, психология масс занимается исследованием отдельного человека как члена племени, народа, касты, сословия,

⁵ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого "Я" / <http://www.litres.ru/zigmund-freйд> (адаптирован – В. Ч.).

⁶ Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии <http://www.litres.ru/zigmund-freйд> (адаптирован – В. Ч.).

института или как составной части человеческой толпы, организовавшейся в массу к определенному времени для определенной цели. После того, как эта естественная связь прекращалась, можно было оценивать явления, происходящие при этих особых условиях, как выражение особого, неподдающегося дальнейшему разложению влечения, социального влечения, – herd instinct, group mind – не проявляющегося в других ситуациях. Против этого мы возражаем, что нам трудно придать моменту численности такое большое значение, в силу которого он сам по себе мог бы будить в душевной жизни человека новое, до тех пор инактивное влечение. Обратим внимание на две другие возможности: что социальное влечение может не быть первоначальным, может подвергнуться дальнейшему разложению и что корни его развития можно найти в более тесном кругу как, например, в семье.

Психология масс, хотя и находящаяся в зачаточном состоянии, обнимает необозримое множество индивидуальных проблем и ставит перед исследователем необозримое множество задач, которые в настоящее время даже не обособлены ещё вполне друг от друга. Одна лишь классификация различных форм масс и описание выявляемых ими психических феноменов требует огромного наблюдения и подробного изложения; по этому вопросу имеется уже богатая литература. Всякий, кто сравнит размеры этой небольшой работы с объемом психологии масс, тот, конечно, сразу поймет, что здесь будут затронуты лишь немногие вопросы из всего материала. И действительно, здесь будут разобраны некоторые вопросы, к которым исследование глубин психоанализа проявляет особый интерес.

II. Описание массовой души у Лебона.

Вместо определения массовой души мне кажется более целесообразным начать с указания на её проявления и выхватить из них некоторые особенно поразительные и характерные факты, с которых можно начать исследование. Мы достигнем и той, и другой цели, если обратимся к некоторым страницам из книги Лебона «Психология масс», вполне заслуженно пользующейся известностью.

Уясним себе ещё раз суть дела: если бы психология, предметом исследования которой являются наклонности, влечения, мотивы и намерения индивида вплоть до его действий и отношений к своим ближним, до конца разрешила свою задачу и выяснила бы все эти взаимоотношения, то она очутилась бы внезапно перед новой задачей, кото-

рая оказалась бы для неё неразрешимой: она должна была бы объяснить тот поразительный факт, что ставший ей понятным индивид при определенном условии чувствует, мыслит и действует иначе, чем этого можно было бы ожидать, и этим условием является приобщение к человеческой толпе, которая приобрела качество психологической массы. Что такое «масса», благодаря чему она приобретает способность оказывать такое сильное влияние на душевную жизнь индивида и в чем заключается душевное изменение, к которому она обязывает индивида?

Ответ на эти три вопроса является задачей теоретической психологии. Очевидно, лучше всего исходить из третьего вопроса. Наблюдение измененной реакции индивида дает материал для психологии масс; каждой попытке объяснения должно предшествовать описание того, что должно быть объяснено.

Я привожу слова Лебона. Он пишет. «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие её, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, составляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие путем этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Мы позволяем себе прервать изложение Лебона нашими комментариями и высказываем здесь следующее замечание: если индивиды в массе связаны в одно целое, то должно существовать нечто связывающее их друг с другом, и этим связующим звеном может быть именно то, что характерно для массы. Однако Лебон не отвечает на этот вопрос; он занимается исследованием перемены, происходящей с индивидом в массе, и описывает его в выражениях, вполне согласующихся с основными предположениями нашей психологии глубин.

«Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно: что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый пронизывающий наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинуется. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют ещё тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными есть ещё более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения».

В массе стираются, по мнению Лебона, индивидуальные достижения людей, и благодаря этому исчезает их оригинальность. ... Лебон находит, что у них проявляются и новые качества, которыми они до сих пор не обладали. Обоснование этого он ищет в трех различных причинах.

«Первая из этих причин заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он бывает один. В толпе же он не склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и потому не несет за себя ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Мы, с нашей точки зрения, придаем небольшое значение появлению новых качеств. Нам достаточно сказать, что индивид находится в массе в таких условиях, которые позволяют ему отбросить вытеснение своих бессознательных влечений. Мнимо новые качества, обнаруживаемые индивидом, суть проявления этого бессознательного, в кото-

ром содержится все зло человеческой души; нам нетрудно понять исчезновение совести или чувства ответственности при этих условиях. Мы уже давно утверждали, что ядром так называемой совести является «социальный страх».

Некоторое отличие взгляда Лебона от нашего возникает благодаря тому, что его понятие бессознательного не вполне совпадает с понятием о том же, принятым психоанализом. Бессознательное Лебона содержит, прежде всего, глубочайшие отличительные черты расовой души, находящейся собственно вне рассмотрения психоанализа. Правда, мы признаем, что ядро человеческого «Я», которому принадлежит «архаическое наследство» человеческой души бессознательно; но кроме того, мы обособляем «вытесненное бессознательное», явившееся результатом некоторой части этого наследства. Это понятие вытесненного отсутствует у Лебона.

«Вторая причина – заразительность, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Заразительность представляет такое явление, на которое легко указать, но не объяснить; её надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы». Эта фраза послужит впоследствии основанием для одного важного предположения.

«Третья причина, и притом самая важная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, – это восприимчивость к внушению; заразительность, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости.

Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его придти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исхо-

дящих от этой толпы, или каких-либо других причин, неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с ещё большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности».

«Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует».

Я привел эту цитату так подробно для того, чтобы подтвердить, что Лебон действительно считает состояние индивида в толпе гипнотическим, а не только сравнивает его с таковым. Мы не усматриваем здесь никакого противоречия, мы хотим только подчеркнуть, что обе последние причины перемены, происходящей с индивидом в массе, заразительность и повышенная внушаемость, очевидно, неравноценны, так как заразительность тоже есть проявление внушаемости. Нам кажется, что влияние обоих моментов также не резко разграничено в тексте Лебона. Может быть, мы лучше всего истолкуем его мнение, если мы отнесем заразительность на счет влияния отдельных участников массы друг на друга, суггестивные же явления в массе, связанные с феноменами гипнотического воздействия, указывают на другой источник. На какой? У нас должно получиться ощущение неполноты от того, что одна из главных составных частей этого воздействия, а именно, лицо, являющееся для массы гипнотизером, не упомянуто в изложении Лебона. Все-таки он отличает от этого, покрытого мраком обворожительного влияния, заразительное действие, оказываемое отдельными лицами друг на друга, благодаря которому усиливается первоначальная суггестия.

Лебон указывает ещё один важный момент для суждения об индивидуе, участвующем в массе. «Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, т. е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку. Он останавливается особенно ещё на понижении интеллектуальной деятельности, которое претерпевает человек благодаря причастности к массе».

Оставим теперь индивида и обратимся к описанию массовой души в том виде, в каком она очерчена у Лебона. В этом отношении нет ни одной черты, происхождение и выявление которой представило бы трудности для психоаналитика. Лебон сам указывает нам путь, отмечая аналогию с душевной жизнью первобытных людей и детей.

Масса импульсивна, изменчива, раздражительна. Ею руководит почти исключительно бессознательная сфера. Импульсы, которым повируется масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но, во всяком случае, они настолько повелительны, что они побеждают личное и даже инстинкт самосохранения. Масса ничего не делает преднамеренно. Если масса даже страстно чего-нибудь хочет, то все-таки это продолжается недолго, она неспособна к длительному желанию. Она не выносит никакой отсрочки между своим желанием и осуществлением его. У неё есть чувство всемогущества, для индивида в толпе исчезает понятие о невозможном.

Масса чрезвычайно легко поддается внушению, она легковерна, она лишена критики, невероятное для неё не существует. Она мыслит картинками, которые вызывают одна другую так, как они появляются у индивида в состоянии свободного фантазирования. Они не могут быть измерены никакой разумной инстанцией по аналогии с действительностью. Чувства массы всегда очень просты и чрезмерны. Итак, масса не знает ни сомнений, ни колебаний...

Склонная сама ко всему крайнему, масса возбуждается только чрезмерными раздражениями. Тот, кто хочет влиять на нее, не нуждается ни в какой логической оценке своих аргументов; он должен рисовать самые яркие картины, преувеличивать и повторять все одно и то же.

Так как масса не сомневается в истинности или ложности своих аргументов и имеет при этом сознание своей силы, то она столь же нетерпима, как и доверчива к авторитету. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для неё лишь своего рода слабость. Она требует от своих героев силы, и даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели, чтобы её подавляли. Она хочет бояться своего властелина. Будучи в основе чрезвычайно консервативна, она питает глубокое отвращение ко всем новшествам и успехам – и безграничное благоговение перед традицией.

Чтобы иметь правильное суждение о нравственности масс, нужно принять во внимание, что при совокупности индивидов, составляющих массу, отпадают все индивидуальные ограничения; а все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в человеке как пережиток первобытных времен, пробуждаются для свободного удовлетворения влечений. Но массы способны под влиянием внушения и на поступки высшего порядка: отречение, преданность идеалу, бескорыстие. В то время как у индивида личная выгода является очень сильной, почти единственной двигательной пружиной, у масс она очень редко выступает на первый план. Можно говорить об облагораживающем действии массы на индивида.

В то время как интеллектуальная деятельность массы всегда далеко отстает от интеллектуальной деятельности индивида, её поведение в этическом отношении может, либо значительно превосходить поведение индивида, либо далеко отставать от него.

Некоторые другие черты характеристики, данной Лебоном, проливают свет на правильность отождествления массовой души с душой первобытных людей. У масс могут существовать и уживаться наряду друг с другом самые противоположные идеи без того, чтобы из их логического противоречия рождался конфликт. Но то же самое имеет место в бессознательной душевной жизни отдельных людей, детей и невротиков, как это было уже давно доказано психоанализом...

Далее масса подвержена поистине магической силе слова, вызывающего в массовой душе ужаснейшие бури и способного также успокоить её. «Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются». Стоит только вспомнить при этом табу имен у

первобытных народов и те магические силы, которые они связывают с именами и словами < ... >.

Вопросы к тексту

1. Что исследует психология масс?
2. Что такое коллективная душа?
3. Как описывается одухотворённая толпа?
4. Каковы причины изменения человеческих качеств в толпе?
5. Каковы главные черты, характеризующие индивида в толпе?
6. Какие свойства присущи массе?

2.3.2. Фрейд Зигмунд. «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии»

< ... > Доисторического человека на всех стадиях развития мы узнаем по предметам утвари, оставшимся после него, по сохранившимся сведениям об его искусстве, религии и мировоззрении, дошедшим до нас непосредственно или традиционным путем в сказаниях, мифах и сказках, и по сохранившимся остаткам образа его мыслей в наших собственных обычаях и нравах. Кроме того, в известном смысле он является нашим современником. Еще живут люди, о которых мы думаем, что они очень близки первобытным народам, гораздо ближе нас, и в которых мы, поэтому видим прямых потомков и представителей древних людей. Таково наше мнение о диких и полудиких народах, духовная жизнь которых приобретает особый интерес, если мы в ней можем обнаружить хорошо сохранившуюся первоначальную ступень нашего собственного развития...

Туземцев Австралии рассматривают как особую расу, у которой ни физически, ни лингвистически незаметно никакого родства с ближайшими соседями, меланезийскими, полинезийскими и малайскими народами. Они не строят ни домов, ни прочных хижин, не обрабатывают земли, не разводят никаких домашних животных, кроме собак, не знают даже гончарного искусства. Они питаются исключительно мясом различных животных, которых убивают, и кореньями, которые выкапывают. Среди них нет ни королей, ни вождей. Собрания взрослых мужчин решают общие дела. Весьма сомнительно, можно ли допустить у них следы религии в форме почитания высших существ.

Племена внутри континента, вынужденные вследствие недостатка воды бороться с самыми жестокими жизненными условиями, по-видимому, во всех отношениях еще более примитивны, чем жители побережья.

Мы, разумеется, не можем ждать, что эти жалкие нагие каннибалы окажутся в половой жизни нравственными в нашем смысле, в высокой степени ограничивающими себя в проявлениях своих сексуальных влечений. И тем не менее мы узнаем, что они поставили себе целью с тщательной заботливостью и мучительной строгостью избегать инцестуозных половых отношений. Больше того, вся их социальная организация направлена к этой цели или связана с таким достижением... .

Вместо всех отсутствующих религиозных и социальных установлений у австралийцев имеется система тотемизма. Австралийские племена распадаются на маленькие семьи, или кланы, из которых каждая носит имя своего тотема. Что же такое тотем? Обыкновенно животное, идущее в пищу, безвредное или опасное, внушающее страх, реже растение или сила природы (дождь, вода), находящиеся в определенном отношении ко всей семье. Тотем, во-первых, является праотцем всей семьи, кроме того, ангелом-хранителем и помощником, предрекающим будущее и узнающим и милующим своих детей, даже если обычно он опасен для других. Лица одного тотема за то связаны священным, само собой влекущим наказание обязательством – не убивать (уничтожать) своего тотема и воздерживаться от употребления его мяса (или от другого доставляемого им наслаждения). Признак тотема не связан с отдельным животным или отдельным существом, а со всеми индивидами этого рода. От времени до времени устраиваются праздники, на которых лица одного тотема в церемониальных танцах изображают или подражают движениям своего тотема.

Тотем передается по наследству по материнской или отцовской линии... Принадлежность к тотему лежит в основе всех социальных обязательств австралийцев, с одной стороны, она выходит за границы принадлежности к одному племени и, с другой стороны, отодвигает на задний план кровное родство.

Тотем не связан ни с областью, ни с местоположением. Лица одного тотема живут раздельно и мирно уживаются с приверженцами других тотемов.

А теперь мы должны, наконец, перейти к тем особенностям тотемистической системы, которые привлекают к ней интерес психоаналитика. Почти повсюду, где имеется тотем, существует закон, что члены одного и того же тотема не должны вступать друг с другом в половые отношения, следовательно, не могут также вступать между собой в брак. Это и составляет связанную с тотемом экзогамию.

Этот строго соблюдаемый запрет весьма замечателен. Он не объясняется ничем из того, что мы к этому моменту узнали о понятии или о свойствах тотема. Невозможно поэтому понять, каким образом он попал в систему тотемизма. Нас поэтому не удивляет, если некоторые исследователи определенно полагают, что первоначально – в древнейшие времена и соответственно настоящему смыслу – экзогамия не имела ничего общего с тотемизмом, а была некогда к нему добавлена без глубокой связи в то время, когда возникла необходимость в брачных ограничениях. Как бы там ни было, соединение тотемизма с экзогамией существует и оказывается очень прочным.

В дальнейшем изложении мы выясним значение этого запрета.

- Соплеменники не ждут, пока наказание виновного за нарушение этого запрета постигнет его, так сказать, автоматически, как при других запретах тотема (например, при убийстве животного тотема), а виновный самым решительным образом наказывается всем племенем, как будто дело идет о том, чтобы предотвратить угрожающую всему обществу опасность или освободить его от гнетущей вины. Несколько строк из книги Фрэйзера могут показать, как серьезно относятся к подобным преступлениям эти с нашей точки зрения в других отношениях довольно безнравственные дикари.

В Австралии обычное наказание за половое сношение с лицом из запрещенного клана – смертная казнь. Все равно, находилась ли женщина в той же самой группе людей или ее взяли в плен во время войны с другим племенем, мужчину из враждебного клана, имевшего с ней сношение, как с женой, излавливают и убивают его товарищи по клану так же, как и женщину. Однако, в некоторых случаях, если им удастся остаться непойманными, оскорбление прощается. У племени Та-та-ти в Новом Южном Валесе в тех редких случаях, в которых известно, был умерщвлен только мужчина, а женщину избивали или расстреливали стрелами или подвергали ее и тому, и другому, пока не доводили ее до полусмерти... Точно так же при случайных любовных отноше-

ниях запрет клана соблюдается очень точно, нарушения таких запретов оцениваются как тяжелейшие и караются смертной казнью.

- Так как такое же жестокое наказание полагается и за мимолетные любовные связи, которые не привели к деторождению, то маловероятно, чтобы существовали другие, например, практические мотивы запрета.

- Так как тотем передается по наследству и не изменяется вследствие брака, то легко предвидеть последствия запрета, например, при унаследовании со стороны матери. Если муж принадлежит к клану с тотемом кенгуру и женится на женщине с тотемом эму, то дети, мальчики и девочки, все эму. Сыну, происшедшему из этого брака, благодаря правилу тотема, окажется невозможным кровосмесительное общение с матерью и сестрами, которые также эму. Отцу, который принадлежит к клану с тотемом кенгуру, предоставляется, однако, возможность, по крайней мере, согласно этому запрету, инцеста со своими дочерьми эму. При унаследовании тотема со стороны отца, – кенгуру и дети также кенгуру; отцу был бы тогда запрещен инцест с дочерьми, а для сына был бы возможен инцест с матерью. Эти следствия запрета тотема содержат указания на то, что унаследование по материнской линии более старо, древнее, чем по отцовской линии, потому что есть основания полагать, что запреты тотема, прежде всего, направлены против инцестуозных вожелений сына.

- Но достаточно одного указания, чтобы убедиться, что связанная с тотемом экзогамия дает больше, следовательно, и преследует больше, чем только предупреждение инцеста с матерью и сестрами. Она делает для мужчины невозможным половое соединение со всеми женщинами его клана, т. е. с целым рядом женщин, не находящихся с ним в кровном родстве, так как рассматривает всех этих женщин, как кровных родственников. С первого взгляда совершенно непонятно психологическое оправдание этого обширного ограничения, далеко превосходящего все, что можно поставить наряду с ним у цивилизованных народов. Кажется ясным только то, что роль тотема (животного), как предка, принимается здесь всерьез. Все, что происходит от того же тотема, считается кровным родством, составляет одну семью, и в пределах этой семьи все считается абсолютным препятствием к сексуальному соединению, даже самые отдаленные степени родства.

Эти дикари проявляют, таким образом, необыкновенно высокую степень боязни инцеста, или инцестуозной чувствительности, связанной с не совсем понятной нам особенностью, состоящей в замене реального кровного родства тотемистическим родством. Нам незачем, однако, слишком преувеличивать это противоречие, а сохраним лишь в памяти, что запреты тотема включают реальный инцест, как частичный случай.

Но остается загадкой, каким же образом произошла при этом замена настоящей семьи кланом тотема, и разрешение этой загадки совпадает, может быть, с разъяснениями самого тотема. Приходится при этом, разумеется, подумать и о том, что при известной свободе сексуального общения, переходящей границы брака, кровное родство, а вместе с ним и предупреждение инцеста становится настолько сомнительным, что является необходимостью в другом обосновании запрета. Не лишним поэтому будет заметить, что нравы австралийцев признают такие социальные условия и торжественные случаи, при которых исключается обычное право мужчины на женщину.

Язык этих австралийских племен отличается особенностью, имеющей несомненную связь с интересующим нас вопросом. А именно, обозначение родства, которым они пользуются, имеет в виду не отношения двух индивидов между собой, а отношения между индивидом и группой. Они принадлежат, по выражению Л. Г. Моргана, к «классифицирующей» системе. Это значит, что всякий называет отцом не только своего родителя, но и другого любого мужчину, который согласно законам его племени мог бы жениться на его матери и стать, таким образом, его отцом. Он называет матерью помимо своей родительницы всякую другую женщину, которая, не нарушая законов племени, могла бы стать его матерью. Он называет «братом», «сестрой» не только детей его настоящих родителей, но и детей всех названных лиц, находящихся в родительской группе по отношению к нему и т. д. Родственные названия, которые дают друг другу два австралийца, не указывают, следовательно, на кровное родство между ними, как это соответствовало бы смыслу нашего языка. Они означают скорее социальную, чем физическую связь. Близость к этой классифицирующей системе проявляется у нас в детском языке, когда ребенка заставляют каждого приятеля и приятельницу родителей называть «дядей», «те-

тей», или в переносном смысле, когда мы говорим о «братьях в Аполлоне», о «сестрах во Христе».

Нетрудно найти объяснение этого столь странного для нас оборота речи, если видеть в нем остаток того брачного института, который Р. Л. Физон назвал «групповым браком», сущность которого состоит в том, что известное число мужчин осуществляет свои брачные права над известным числом женщин. Дети этого группового брака имеют основание смотреть друг на друга, как на братьев и сестер, хотя они не все рождены одной и той же матерью и считают всех мужчин группы своими отцами...

Если мы заменим индивидуальный брак групповым, то нам станет понятной кажущаяся чрезмерность предохранительных мер против инцеста, встречающихся у этих народов. Экзогамия тотема, запрещение сексуальных отношений с членами одного и того же клана кажутся целесообразным средством для предупреждения группового инцеста; впоследствии это средство зафиксировалось и на долгое время пережило оправдывавшие его мотивы...

В дальнейшем развитии системы брачных классов проявляется стремление расширить предохранительные меры за пределы естественного и группового инцеста и запретить браки между более отдаленными родственными группами, подобно тому, как это делала католическая церковь, распространив давно существовавшее запрещение брака между братьями и сестрами на двоюродных братьев и сестер, и прибавив к этому еще духовные степени родства.

Табу и амбивалентность чувств.

Табу – полинезийское слово... Для нас значение табу разветвляется в двух противоположных направлениях. С одной стороны, оно означает – святой, освященный, с другой стороны – жуткий, опасный, запретный, нечистый. Противоположность табу по-полинезийски называется поа – обычный, общедоступный. Таким образом, с табу связано представление чего-то требующего осторожности, табу выражается по существу в запрещениях и ограничениях. Наше сочетание «священный трепет» часто совпадает со смыслом табу.

Ограничения табу представляют собой не что иное, нежели религиозные или моральные запрещения. Они сводятся не к заповеди бога, а запрещаются собственно сами собой. От запретов морали они отлича-

ются отсутствием принадлежности к системе, требующей воздержания и приводящей основание для такого требования. Запреты табу лишены всякого обоснования. Они неизвестного происхождения. Непонятные для нас, они кажутся чем-то само собой разумеющимся тем, кто находится в их власти.

Вундт называет табу самым древним неписанным законодательным кодексом человечества. Общепринято мнение, что табу древнее богов и восходит к временам, предшествующим какой бы то ни было религии...

«Цели табу разнообразны: цель прямого табу состоит в:

а) охране важных лиц, как-то: вождей, священников, предметов и т. п. от возможных повреждений;

б) в защите слабых – женщин, детей и в целом обыкновенных людей против могущественного Мапа (магической силы) священников и вождей; в) в защите от опасностей, связанных с прикосновением к трупам или с едой известной пищи и т. п.;

г) в охране важных жизненных актов, как-то: родов, посвящения взрослого мужчины, брака, сексуальной деятельности;

д) в защите человеческих существ от могущества или гнева богов и демонов...;

е) в охране нерожденных и маленьких детей от разнообразных опасностей, угрожающих им вследствие их особой симпатической зависимости от их родителей, если, например, последние делают известные вещи или едят пищу, прием которой мог бы передать детям особые свойства. Другое применение табу служит защите собственности какого-нибудь лица, его орудий, его поля от воров» и т. д.

«Наказание за нарушение табу первоначально предоставляется внутренней действующей автоматически организации. Нарушение табу мстит за себя. Если присоединяется представление о богах и демонах, имеющих связь с табу, то от могущества божества ожидается автоматическое наказание. В других случаях, вероятно, вследствие дальнейшего развития понятия, общество само берет на себя наказание дерзнувшего, преступление которого навлекает опасность на его товарищей. Таким образом, первые системы наказания человечества связаны с табу»...

Итак, речь идет о целом ряде ограничений, которым подвергаются эти первобытные народы: то одно, то другое запрещено неизвестно

почему, а им и в голову не приходит задуматься над этим, они подчиняются этому, как чему-то само собой разумеющемуся, и убеждены, что нарушение табу само собой повлечет жесточайшее наказание. Имеются достоверные сведения о том, что нарушение подобного запрета по незнанию, действительно, автоматически влекло за собой наказание. Невинный преступник, который съел запрещенное животное, впадает в глубокую депрессию, ждет своей смерти и затем на самом деле умирает. Запрещения большей частью касаются стремления к наслаждению, свободы передвижения и общения; в некоторых случаях они имеют определенный смысл, означая явно воздержание и отказ, в других случаях они по содержанию своему непонятны, касаются не имеющих никакого значения мелочей и являются, по видимому, особого рода церемониалом. В основе всех этих запрещений лежит своего рода теория, согласно которой запрещения необходимы потому, что некоторым лицам и вещам свойственна опасная сила, передающаяся при прикосновении к заряженному ею объекту почти как зараза. Во внимание принимается также и величина этого опасного свойства. Один или одно обладает им в большем количестве, чем другое, и опасность соразмеряется с различием силы заряда. Но самое странное в этом то, что тот, кому удалось нарушить такой запрет, сам приобретает признаки запретного, как бы приняв на себя весь опасный заряд.

«Табу» относится как к людям, так и местностям, предметам и временным состояниям, являющимися носителями и источниками этого таинственного свойства. Табу также называется запрет, вытекающий из этого свойства, и табу – в дословном смысле – называется нечто такое, что одновременно и свято, и стоит выше обычного, так же как и опасное, и нечистое, и жуткое < ... >.

Вопросы к тексту

1. Установите связь духовной жизни диких и полудиких народов с жизнью современного общества?
2. Что такое тотем?
3. Проанализируйте особенности и значение тотемистической системы.
4. Какие значения понятия «табу» существуют?

5. Назовите цели существования «табу».

2.4. Интегральная социология П. Сорокина

Сведения об авторе.

Питири́м Алекса́ндрович Соро́кин (1889–1968) – выдающийся русский и американский социолог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Терминологический справочник.

Социальная стратификация (от лат. *stratum* – слой и *facio* – делаю) – одно из основных понятий социологии, обозначающее систему признаков и критериев социального расслоения, положения в обществе, социальную структуру общества, отрасль социологии.

Социальная структура – совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества. Понятие «социальная структура» применяется как в представлениях об обществе как о социальной системе, в которой социальная структура обеспечивает внутренний порядок соединения элементов, а окружающая среда устанавливает внешние границы системы, так и при описании общества через категорию социального пространства. В последнем случае под социальной структурой понимается единство функционально взаимосвязанных социальных позиций и социальных ролей.

Социальная система – целостное единство, основным элементом которой являются люди, их взаимодействия, отношения и связи. Эти связи, взаимодействия и отношения носят устойчивый характер и воспроизводятся в историческом процессе на основе совместной деятельности людей, переходя из поколения в поколение.

Социальная мобильность – изменение индивидом или группой места, занимаемого в социальной структуре (социальной позиции), перемещение из одного социального слоя (класса, группы) в другой (вертикальная мобильность) или в пределах одного и того же социального слоя (горизонтальная мобильность). Резко ограниченная в кастовом и сословном обществе социальная мобильность значительно возрастает в условиях индустриального общества.

Горизонтальная мобильность – переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне (например, переход в другую религиозную общину, смена граждан-

ства). Различают индивидуальную мобильность – перемещение одного человека независимо от других, и групповую – перемещение происходит коллективно. Кроме того, выделяют географическую мобильность – перемещение из одного места в другое при сохранении прежнего статуса (пример: международный и межрегиональный туризм, переезд из города в деревню и обратно). В качестве разновидности географической мобильности выделяют понятие миграции – перемещения из одного места в другое с переменной статуса (пример: человек переселился в город на постоянное место жительства и поменял профессию).

Вертикальная мобильность – продвижение индивида по служебной лестнице вверх или вниз.

➤ *Восходящая мобильность* – социальный подъём, движение вверх (Например: повышение в должности).

➤ *Нисходящая мобильность* – социальный спуск, движение вниз (Например: разжалование).

Социальный лифт – понятие, похожее на вертикальную мобильность, но чаще употребляемое в современном контексте обсуждения теории элит в качестве одного из средств ротации правящей элиты или же в более широком контексте – смена позиции в социальной иерархии, а не в служебной.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения П. Сорокина. «Социокультурная динамика и эволюционизм»⁷ и выполните задания в конце текста.

< ... > В XVIII и XIX вв. подавляющее большинство ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук твердо верили в существование вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений. Основное содержание исторического процесса заключалось для них в развертывании и все более полной реализации этой «тенденции прогресса и эволюции», стабильной «исторической тенденции» и «закона социокультурного развития». Одни изображали эти тенденции в виде прямой линии, другие – в виде «спирали», третьи – в виде волнообразной линии разветвления с небольшими временными возвращениями в исходное положение. Это все лишь разновидности

⁷ Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм // http://bookscafe.net/author/sorokin_pitirim.html (*адаптировано – В. Ч.*).

сти концепции поступательного развития как основы социокультурного процесса... Главной целью и главной задачей естествоиспытателей, философов, представителей общественных и гуманитарных наук в эти столетия были поиск и описание этих «вечных законов прогресса и эволюции» и разработка основных стадий или фаз, которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. На отыскании, описании и подтверждении существования тенденций и соответствующих им стадий были сосредоточены усилия биологии и социологии, философии, истории, социальной философии и других общественных и гуманитарных наук XIX в. ...

В биологии господство этой точки зрения проявилось в открытии и всеобщем понимании «закона эволюции», почти единодушно интерпретируемого как линейная тенденция в прямолинейной, спиралевидной, разветвляющейся и других разновидностях прогрессивного нарастания дифференциации и интеграции; перехода от простого к сложному, от «низшего к высшему», от «менее совершенного к более совершенному», «от амёбы к человеку», от рефлексов и инстинктов к рассудку и разуму, от отдельного индивида к семье, племени, современному государству; а также в убеждении, что, несмотря на узколобых и реакционных политиков, не мы, так наши потомки увидят весь человеческий род объединенным в «Сообщество наций», «Всемирную федерацию». «Весь ход эволюции характеризуется непрерывным исчезновением менее приспособленных и выживанием более приспособленных ... устранением антисоциального и ростом специализации и кооперации»...

То же самое справедливо в отношении концепции социокультурного изменения, господствовавшего в философии, социальной философии, философии истории XVIII и XIX вв. Типичны в этом смысле концепции Гердера, Фихте, Канта и Гегеля. И Гердер, и Кант видели главную тенденцию исторического процесса в прогрессивном сокращении насилия и войн, стабильном расширении сферы мира и росте справедливости, разума и нравственности. Для Фихте человеческая история в целом представляет собой последовательность 5 стадий – все более полную реализацию свободы, истины, справедливости и красоты. По Гегелю, основное направление исторического процесса заключается в прогрессирующем росте свободы: от свободы для никого на заре чело-

веческой истории, через стадии свободы для одного, свободы для некоторых и заканчивая свободой для всех...

Для Конта весь исторический процесс есть последовательный переход человеческого мышления, культуры и общества от теологической стадии к метафизической и затем к позитивной. Поэтому «социальная динамика» Конта вряд ли может иметь дело с какими-либо повторяющимися социокультурными процессами, она целиком посвящена выведению и подтверждению его «закона трех стадий». «Социальная динамика» Спенсера представляет собой простое приложение его формулы эволюции – прогресса, согласно которой весь социокультурный универсум переходит со временем из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной согласованной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией человеческой личности, культуры и общества...

Итак, социологии, другим общественным, философским и даже естественным наукам XIX в. центральная проблема физической, биологической и социокультурной динамики казалась очень простой – следовало лишь отыскать и описать линейные тенденции, которые якобы разворачиваются во времени... Вся история была расписана как школьная программа, по которой «первобытный» человек или общество – первоклассник заканчивает начальную школу, затем среднюю (или проходит другие ступени, если их в классификации больше четырёх) и, наконец, оказывается в выпускном классе, который называется «позитивизм», или «свобода для всех», или еще как-нибудь в зависимости от фантазии и вкусов автора.

Критиковавшие логику линейных теорий показали, что, во-первых, линейный тип изменения – лишь один из многих возможных; во-вторых, для того чтобы линейное движение или изменение было возможно, изменяющийся объект должен либо находиться в абсолютном вакууме и не испытывать воздействия внешних сил, либо действие этих сил на протяжении всего процесса изменения должно быть скомпенсировано, т. е. эти силы должны находиться в таком «замечательном равновесии», чтобы они могли нейтрализовать друг друга в каждый момент времени и, таким образом, позволить изменяющемуся объекту двигаться в одном направлении, будь это движение прямолинейным, спиралеобразным или колебательным.

В силу этой и других подобных причин теория вечных линейных тенденций все чаще отвергалась и заменялась другой, которую можно

было бы назвать принципом предела в линейной тенденции изменения. Согласно данному принципу, линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц. Из-за постоянных изменений самих единиц, изменения и непрекращающегося воздействия огромного числа внешних по отношению к ним сил, временно линейный характер их движения нарушается и сменяется «поворотами и отклонениями»; в результате глобальный процесс социокультурного изменения приобретает нелинейный характер.

Сегодня придается больше веса ... факторам социокультурного изменения. Несмотря на то, что теории, в которых подчеркивается важная роль географического, биологического и психологического факторов в социокультурном изменении, продолжают развиваться, они вряд ли добавили что-либо к тому, что уже было сказано ими в прошлом веке. Основные достижения и основной взгляд принадлежат социологическим теориям, которые рассмотрели различные социальные и культурные факторы как главные движущие силы социокультурного изменения. Тщательные исследования изменения числа самоубийств и преступлений, экономических колебаний, войн и революций, смены политических режимов, стилей в изобразительном искусстве или динамики обширных культурных и социальных систем со всевозрастающей надежностью подтверждают догадку о том, что основные факторы этих изменений находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют. Оказывается, что внешние по отношению к ним географические и биологические силы являются второстепенными факторами, способными облегчить движение социокультурной системы или подорвать и даже сокрушить ее, но, как правило, не определяющими ее нормальное развитие, взлеты падения, основные качественные и количественные изменения в ее жизни-истории. Направление факторного анализа получило свое естественное завершение в ряде систематических теорий имманентного социокультурного изменения, согласно которым каждая социокультурная система несет в себе семена своего собственного изменения и гибели...

В XX в. социология не открыла ни одного нового фактора социокультурных изменений, неизвестного социологии прошлого века. Но, изучая причинные связи, социология XX в. гораздо точнее определила эти факторы – географические, биологические и особенно социокуль-

турные, весьма неопределенно именовавшиеся ранее экономическими, религиозными, идеологическими, юридическими и т. д. В интересах точности эти широкие и довольно неопределенные факторы были разложены на множество более определенных и четких «независимых переменных» и гораздо более тщательно изучены в их причинных связях с рядом более частных «зависимых социокультурных переменных». Разложив всеобъемлющий и неопределенный «экономический фактор» марксизма на такие переменные как экспорт, импорт, цена товаров, уровень заработной платы и доходов, структура расходов, индекс деловой активности и т. д., и, исследовав связи каждой из этих переменных с особыми формами преступлений, психических расстройств, самоубийств или сменой политических идеологий, социология XX в. дала нам более определенное знание о связях между этими переменными, чем социология прошлого века < ... > .

Вопросы к тексту

1. Проведите сравнительный анализ содержания исторического процесса в XVIII и XIX вв.
2. Перечислите основные концепции поступательного процесса.
3. Раскройте сущность «закона эволюции» с биологической точки зрения.
4. Какова основная тенденция исторического процесса в представлениях Г. Гердера, И. Канта?
5. Объясните смысл высказываний Фихте о начале истории человечества.
6. Каким видел основное направление исторического процесса Гегель?
7. Что такое социальная динамика в представлениях О. Конта?
8. Как понимал социальную динамику Г. Спенсер?
9. Как понимались процессы социокультурной динамики в науках XIX в.?
10. Определите недостатки линейных теорий.
11. Объясните принцип предела в линейной тенденции изменения.
12. Какие факторы оказали влияние на социокультурные изменения?
13. Как определяются факторы социокультурных изменений в социологии XX в.?

ЛИТЕРАТУРА

1. Спенсер, Г. Социальная статика / Г. Спенсер; пер. с англ. – Киев: Гама-Принт, 2013.
2. Маркс, К. Капитал: в 3 т. / К. Маркс. – 2-е изд. – Москва, 1955. – Т.1.
3. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – Санкт-Петербург : Питер, 2002.
4. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Санкт-Петербург :Изд-во Русск. Христ. гуманитар. ин-т, 2000.
5. Социологическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. В. Н. Иванова. – Москва: Мысль, 2003.
6. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – Москва, 1991.
7. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – Москва, 1991.
8. Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – Москва : ИСПИ РАН, 1995.

Тема 3. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- 3.1. Символический интеракционизм (Ч. Х. Кули).
- 3.2. Социология социального пространства (П. Бурдьё).
- 3.3. Неодарвинистская теория эволюции (Н. Луман).
- 3.4. Неофрейдистская теория Э. Фромма.
 - 3.4.1. Анатомия человеческой деструктивности. (Э. Фромм).
 - 3.4.2. Бегство от свободы (Э. Фромм).
 - 3.4.3. Искусство любить (Э. Фромм).

3.1. Символический интеракционизм (Ч. Х. Кули)

Сведения об авторе.

Чарльз Хортон Кúли (1864–1929) – американский социальный психолог, профессор Мичиганского университета, один из президентов Американской социологической ассоциации.

В основе социологической теории Кули лежат социальный органицизм и признание основополагающей роли сознания в формировании социальных процессов. Называя себя монистом, Кули рассматривал общество, социальные группы и индивида как единый живой организм. Но органицизм Кули далек от биологических анало-

гий; его монизм основан на ментальной природе социального организма – «сверх-Я», «большом сознании».

Терминологический справочник.

Органицизм – методологический принцип, в соответствии с которым те или иные социальные феномены рассматриваются по аналогии с явлениями природы.

Монизм (от др.-греч. *μόνος* – один, единственный) – философское воззрение, согласно которому разнообразие объектов в конечном счёте сводится к единому началу или субстанции. В отличие от дуализма и плюрализма, предполагающих существование двух и множества субстанций, монизм отличается большей внутренней последовательностью и монолитностью.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Ч. Х. Кули «Человеческая природа и социальный порядок»⁸ и выполните задания в конце текста.

< ... > История жизни, чьи истоки так далеки, а проявления столь разнообразны, движется по двум весьма различным руслам. Или, наверное, лучше говорить о реке и дороге, идущей вдоль берега, – как о двух передающих каналах. Река – это наследственность, или то, что передано нам от животного мира, дорога – это информация, или социальная трансмиссия. Одна передается через зародышевую плазму, другая – через язык, общение и образование. Дорога моложе реки: это усовершенствование, которого не было на заре жизни и которое появляется позднее: сначала это едва заметная тропинка вдоль реки, которая становится все более отчетливой и наезженной и, наконец, превращается в сложно обустроенное шоссе с таким же оживленным движением, как и на самой реке...

Социальный источник жизни человека обретается в общении с другими людьми. Все начинается с восприимчивости к прикосновениям, интонациям голоса, жестам и выражению лица; позднее постепенно приходит понимание речи. Говорить он учится в своей семье и у товарищей по играм, которые в свою очередь научились этому у своих ро-

⁸ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок http://bookscafe.net/author/kuli_charlz.html (*адаптирован – В. Ч.*).

дителей, и, таким образом, речь восходит к самым ранним этапам человеческой истории и еще дальше в прошлое – к нечленораздельным крикам наших доисторических предков. Точно так же дело обстоит с использованием орудий, музыкой, искусством, религией, торговлей и всем остальным, что он может научиться понимать и делать. Все это социальное наследие незапамятного прошлого.

Мы можем разграничить эти две линии истории, возможно, более четко, если рассмотрим случай, когда дорога социального наследования не следует параллельно потоку природной наследственности, но как бы подключается к другому потоку. Предположим, например, что американская семья усыновляет китайского ребенка и привозит его домой, в Америку. Природное прошлое этого ребенка коренится в Китае. Его будут отличать прямые черные волосы, желтоватая кожа и другие физические черты, присущие китайцам, а также какие-то черты ментальности, которые могут быть частью их наследственности. Но его социальное прошлое будет относиться к Америке, потому что от людей, окружающих его, он научится английской речи, усвоит обычаи, манеры и идеи, сложившиеся в этой стране. Он станет наследником американских политических, религиозных, образовательных и экономических институтов; все его сознание будет сознанием американца, исключая лишь разницу (если таковая вообще существует) между его врожденной способностью учиться и способностями других американских детей. Китайская река и американская дорога сойдутся в его жизни.

Если бы таких детей было двое – предположим, что это близнецы, почти одинаковые при рождении – и один из них остался в Китае, а другого увезли в Америку, то они выросли бы похожими физически и, возможно, по характеру – активными или инертными, задумчивыми или импульсивными, но совершенно отличались бы по манере одеваться, языку и образу мыслей. В этом ребенок, воспитанный в Америке, был бы гораздо более похож на своих американских молочных братьев, чем на своего брата-близнеца в Китае...

С другой стороны, у образованных и состоятельных классов прослеживается тенденция к сокращению рождаемости детей, так что часто говорят о сословном самоубийстве этих классов. Причиной, по видимому, тут служит вкус к праздности и роскоши, поощряемый богатством, а отчасти – рост социальных амбиций и стремления к саморазвитию. Последние, без сомнения, сами по себе превосходны, но поглощают наши средства и энергию, заставляя нас откладывать же-

нитьбу или иметь меньше детей, чем при иных обстоятельствах. Поскольку эти стремления усиливаются по мере развития демократии, то весьма вероятно, что демократия препятствует росту рождаемости.

В семье должно быть в среднем четыре ребенка, чтобы сохранить объем наследственного фонда, и еще больше, чтобы сохранить в нем сложившиеся пропорции при таком росте населения, какой наблюдается в Соединенных Штатах. Это необходимо потому, что нужно не только заменить обоих родителей и обеспечить рост населения, но также и компенсировать отсутствие воспроизводства у холостых, бесплодных и умерших преждевременно...

С началом нашей индивидуальной жизни оба главных элемента питающей ее истории – наследственный и социальный – сливаются в новую целостность и перестают быть отдельными силами. Ничего из того, что индивид представляет собой или делает, нельзя приписать только одному из этих элементов, так как все это основывается на привычках и опыте, в которых оба они неразрывно связаны. Наследственность и окружающая среда применительно к реальной жизни человека – это, по сути, абстракции; реален же целостный органический процесс, не разложимый на составные части. То, как практически проявляет себя наследственность в данное время, зависит от самого этого процесса, который реализует одни потенциальные возможности и подавляет другие. Аналогичным образом воздействие среды зависит от избирательной и ассимилирующей активности растущего организма. Если вы хотите понять, как это происходит, необходимо проследить историю его жизни вплоть до зачатия и рождения самого индивида; сверх того можно изучить еще зародышевую плазму и социальное наследие, породившие эту жизнь. Это даст нам общее представление о родословной и первичном окружении человека – своего рода первые страницы его биографии. Но жизнь конкретного Вильяма Сайкса вы должны изучать непосредственно, и знание о его наследственности и внешнем окружении могут послужить лишь вспомогательным средством. Старым, но постоянно воспроизводимым заблуждением является мнение, будто мы можем каким-то образом оценить вес наследственного фактора в человеческом сознании отдельно от того, что в нем социально или приобретено в жизненном опыте. Так, некоторые авторы утверждали, что тестирование на умственное развитие, проводимое в армии, позволяет измерить природные умственные способности, не зависящие от социальной среды развития, и что оно доказывает

врожденную ущербность некоторых национальностей. Но так как развитие сознания представляет собой всецело социальный процесс, то было бы неразумно предполагать, что результат может быть хоть в какой-то степени независим от этого процесса. В действительности же результаты упомянутого тестирования объясняются различиями в языке, семейном укладе, образовании и профессии с тем же успехом, что и ссылкой на наследственность...

«Общество и индивид» – это на самом деле тема всей этой книги, а не только ее первой главы. Моя главная цель – объяснить с разных точек зрения, что такое индивид, рассматриваемый как часть социального целого; конкретная же цель данной главы – представить лишь предварительное понимание предмета, которое затем будет развернуто и снабжено разнообразными иллюстрациями.

Если мы примем эволюционную точку зрения, то связь между обществом и индивидом предстанет как органическая связь. Т. е. мы увидим, что индивид неотделим от человечества в целом, он является его частицей-подобием, получающим свою жизнь от этого целого посредством социального и биологического наследования – воистину так же, как если бы человечество было буквально единым телом. Индивид неделим и неотделим: связующие нити наследственности и образования пронизывают все его существо. А, с другой стороны, социальное целое до некоторой степени зависит от каждого индивида, потому что каждый привносит в общую жизнь нечто неповторимо свое, чего не может сделать никто другой. Таким образом, мы имеем дело с «организмом» в широком смысле этого слова, с живым целым, состоящим из дифференцированных частей, каждая из которых выполняет некую особую функцию.

Это справедливо по отношению к обществу в целом как человечеству, а также к любой конкретной социальной группе. Университет, например, – это единое целое, состоящее из студентов, преподавателей, администрации и т. д. Каждый из них более или менее зависит от всех остальных, так как все вносят свой вклад в общее дело. И именно индивидуальность каждого, его функциональное отличие от остальных придают ему особую значимость. Профессор палеонтологии выполняет работу, которую никто, кроме него, не может выполнить, и то же самое, хотя, возможно, и с меньшей очевидностью, относится ко всем преподавателям и студентам. Органический подход подчеркивает как

единство целого, так и собственную ценность индивида, объясняя одно через другое. Что такое футбольная команда без защитника? Нечто почти столь же бесполезное, что и защитник без команды. Высокоразвитый индивид может существовать только внутри и посредством высокоразвитого целого и наоборот.

Слово «социальный» оказывается употребляемым по меньшей мере в трех весьма различных смыслах, ни один из которых, однако, не означает ничего, что могло бы считаться противоположным индивидуальному или личному.

В самом широком смысле это слово означает то, что присуще человечеству в его совокупности, обществу в его самом просторном и расплывчатом значении. В этом смысле индивид и все его атрибуты социальны, поскольку все они так или иначе связаны с общей жизнью и являются частью совокупного развития.

Слово «социальный» также может означать то, что свойственно непосредственному общению, живой беседе и личным симпатиям, короче говоря, иметь смысл «общительный». Это уже нечто совсем другое, но не большая антитеза индивидуальному, чем первое; именно в этих отношениях индивидуальность наиболее очевидным образом существует и выражает себя.

В третьем смысле это слово означает «способствующий коллективному благосостоянию» и, таким образом, становится почти эквивалентным «моральному», как в тех случаях, когда мы говорим, что преступление или похоть вне- или антисоциальны; но и это значение неправильно было бы считать антитезой индивидуальному, поскольку зло, конечно же, не более индивидуально, чем добро. Слово «социальный» должно быть противопоставлено «аморальному», «жестокому», «эгоистичному» или какому-то другому слову, имеющему этический смысл.

...Всегда существует некоторая путаница в понятиях, когда говорят о противоположности между индивидом и обществом в целом, даже когда то, что подразумевает автор, достаточно очевидно: точнее было бы считать, что либо один индивид противостоит многим, либо одна часть общества противостоит другим его частям и таким образом избегать смешения двух аспектов жизни в одном и том же выражении. Когда Эмерсон говорит, что общество – это заговор против независимости каждого из его членов, мы должны это понимать так, что любая специфическая склонность, которую обнаруживает одна личность, в

той или иной степени входит в противоречие с общим направлением склонностей, сложившихся у других людей. Она не более индивидуальна и несколько не менее социальна в широком смысле, чем другие склонности, проявляющиеся у большинства людей. Тысяча человек – точно такие же индивиды, как и один, а человек, который на первый взгляд стоит особняком, укоренен в общем потоке жизни точно так же и с той же необходимостью, как и любой другой из тысячи. Новаторство так же социально, как и ортодоксальность, гениальность – так же, как и посредственность. Эти различия подразделяются на индивидуальные и социальные, на то, что привычно или устоялось, и на то, что необычно или ново. Другими словами, где бы вы ни обнаружили жизнь общественную, там вы найдете и жизнь индивидуальную, и наоборот...

Для разъяснения того, что представляет собой органический подход в теоретическом отношении, я рассмотрю несколько вопросов в том виде, как они ставятся при обсуждении связи общества и индивида, и покажу, как, на мой взгляд, на них можно ответить.

1. Не состоит ли общество в конечном счете из одних только индивидов?

Я должен сказать – да. Это просто обычное человечество, а не что-то мистическое.

2. Является ли общество чем-то большим, чем сумма индивидов?

В известном смысле – да. В любом социальном целом существует организация, жизненный процесс, которые нельзя обнаружить у отдельных индивидов. Изучение их один за другим и попытка понять общество, соединяя их вместе, запутает вас. Это «индивидуализм» в дурном смысле слова. Целые науки, такие как политическая экономия, и великие институты, такие как церковь, ошибались в этом пункте. Нужно понимать свои группы и социальные процессы как живое целое, каковыми они и являются.

3. Является ли индивид продуктом общества?

Да, в том смысле, что все человеческое в нем имеет свою историю в социальном прошлом. Если мы будем рассматривать в качестве двух источников, из которых индивид черпает свою жизнь, наследственность и общение, то увидим, что то, что он получает посредством зародышевой плазмы, имеет социальную историю, к которой нужно было адаптироваться, чтобы выжить – характерные черты, с которыми

мы рождаемся, таковы, потому что они прошли социальное тестирование в жизни наших предков. А то, что он получает от общения – язык, образование и тому подобное, – исходит непосредственно от общества. Даже такие физические факторы, как питание и климат, редко воздействуют на нас, не подвергшись изменениям и адаптации к социальным условиям.

4. Можно ли отделить индивида от общества?

Только чисто внешним образом. Если вы в одиночестве удалитесь в пустыню, вы унесете с собой сознание, сформированное в обществе, и продолжите социальное общение благодаря памяти и воображению или с помощью книг. Этим и только этим вы сохраните в себе человека, и, как только утратите способность общения, ваше сознание начнет вырождаться. Долгое одиночество, как в случае с пастухами на равнинах Дальнего Запада или узниками в одиночном заключении, часто приводит к слабоумию. Причем, скорее всего, это может случиться с необразованными людьми, чья память бедна материалом для воображаемого общения.

В истории христианства, а также и других религий были времена, когда отшельники уходили жить в пустынные места, но при этом обычно поддерживали какую-то связь друг с другом и с внешним миром; некоторые из них, например, святой Иероним, были авторами знаменитых посланий. И каждый, по сути дела, принадлежал к той общественной системе, из которой он черпал идеалы и моральную поддержку. Трудно предположить, что святой Симеон Стилитский, проживший годы на вершине столпа, не подозревал, что его аскетизм виден окружающим.

Потерпевший кораблекрушение, не способный сохранить воображаемую связь с человеческим обществом, вполне мог прожить жизнь разумного животного, упражняющего свой мозг с помощью естественного окружения, но его собственно человеческие способности, несомненно, были бы утрачены или пребывали бы в бездействии.

5. Свободен ли индивид в каком-либо смысле или он просто часть общества?

Да, он свободен, насколько я понимаю этот вопрос, но это свобода в организационном смысле, которая достигается в сотрудничестве с другими, а не свобода совершать что-то независимо от общества. Это «командное» взаимодействие. У него есть свобода действовать по соб-

ственному разумению, как у футбольного защитника, но так или иначе он должен играть в ту игру, в которую его вводит жизнь.

Эволюционная точка зрения поддерживает наше убеждение в том, что жизнь – это творческий процесс, что мы действительно создаем что-то новое и стоящее и что человеческая воля – это часть той творческой энергии, которая совершает все это. У каждого индивида есть своя уникальная доля в этой работе, которую никто, кроме него, не сможет наметить и выполнить. Хотя жизнь его проистекает из наследственности и социального прошлого, его бытие – всецело новая, неповторимая организация жизни. Никогда прежде ни у кого не было тех же способностей и возможностей, как у вас, и вы свободны использовать их по своему усмотрению.

Наконец, даже здравый смысл подсказывает нам, что мы выражаем нашу свободу в сотрудничестве с другими. Когда вы вступаете в какую-нибудь социальную группу, допустим, в театральный клуб, мы вправе ожидать, что это расширит вашу свободу, придаст вашим индивидуальным способностям новый стимул и возможность для выражения. Так почему же нельзя применить тот же самый принцип ко всему обществу? Ведь именно благодаря социальному развитию человечество прошло путь от животной зависимости до этой органической свободы, прекрасной, хотя и далеко не безграничной, которой мы сегодня обладаем.

Групповое я или «мы» – это попросту я, включающее других людей. Человек отождествляет себя с группой людей и, говоря об общей воле, мнении, работе и т. п., употребляет слова «мы» или «нам». Смысл их рождается из сотрудничества внутри группы и ее противостояния внешнему окружению. Семью, которой пришлось преодолевать экономические трудности, обычно связывает общность интересов – «мы выкупили закладную», «мы посылаем мальчиков в колледж» и т. п. Студент отождествляет себя со своим курсом или университетом, когда те участвуют в общественных мероприятиях, особенно в спортивных состязаниях с другими курсами или учебными заведениями. «Мы победили в перетягивании каната», – говорит он. Или: «В футболе мы одержали верх над Висконсином». Те из нас, кто оставался дома во время Великой войны, тем не менее, не преминут рассказать, как «мы» вступили в войну в 1917 году, как «мы» решительно сражались в Аргоннах и т. д.

Примечательно, что национальное «Я», а по сути, любое групповое «Я» можно ощутить только в связи с каким-то значительным объединением людей, так же как свое индивидуальное «Я» мы ощущаем только в связи с другими индивидами. Нам был бы неведом патриотизм, если бы мы не осознавали существования других народов. Создание союза объединенных наций, в котором мы все чрезвычайно заинтересованы, привело бы не к умалению патриотизма, как заявляют невежды, а к повышению его статуса, сделало бы его более жизнеспособным, долговечным, разнообразным и отвечающим интересам людей. Он бы больше напоминал самосознание разумного индивида, участвующего в постоянном и дружественном общении с другими, чем грубое самоутверждение того, в ком окружающие вызывают лишь подозрение и враждебность. Но именно таким был патриотизм прошлого, и мы едва ли могли бы ожидать от него чего-то большего. Национальное «Мы» может и должно воплощать в себе подлинную честь, идеал служения и гуманные устремления...

Социальный страх нездорового рода ярко изображен Руссо в том месте его «Исповеди», где он описывает чувство, побудившее его к ложному обвинению горничной в воровстве, им же самим и совершенном. «Когда она вошла, мое сердце чуть не разорвалось на части, но присутствие стольких людей действовало на меня так сильно, что помешало моему раскаянию. Наказания я не очень боялся, – я боялся только стыда, но стыда боялся больше смерти, больше преступления, больше всего на свете. Мне хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю; неодолимый стыд победил все; стыд был единственной причиной моего бесстыдства, и чем преступнее я становился, тем больше боялся в этом признаться и тем бесстрашнее лгал. Я думал только о том, как будет ужасно, если меня уличат и публично, в глаза, назовут вором, обманщиком, клеветником...»

Бесполезно искать какой-то другой или более высокий критерий справедливого и должного, чем совесть. То, что воспринимается как справедливое, и есть таковое – вот что значит это слово. Всякая теория справедливости, которая вступает в противоречие с чувством справедливого, несомненно, должна расцениваться как ложная. А когда нам упорно твердят, что совесть изменчива, нам остается лишь ответить, что именно по этой причине понятие о справедливом и должном не может быть сведено к универсальной и окончательной формуле. По-

добно всем прочим, эта сторона жизни постепенно раскрывается перед нами, выходя на свет из таких глубин, какие мы не можем и помыслить.

Для индивида, размышляющего над собственным поведением, его совесть – единственно возможный руководящий принцип, и хотя отличается от совести других людей, для него она – истина в последней инстанции; изменить ей – значит совершить моральное самоубийство. Продолжая свои размышления о поведении вообще, он может прийти к выводу, что его моральные представления основаны на некотором коллективном понятии совести, по отношению к которому его собственная совесть выступает как один из элементов целого; и на фоне этого целого всякая иная совесть, противоречащая его собственной, например, совесть преступника, выглядит как деградировавшая или искаженная – и это не должно удивлять, поскольку наука учит нас, что выродившиеся формы можно встретить в любой из сфер жизни. Но при всей широте своих взглядов человек не может предпринять ничего, не сверившись со своей совестью; поэтому то, что я думаю – а точнее, что мы думаем, – и должно, так или иначе, быть критерием различения правильного и неправильного, насколько таковой вообще возможен. Остальные критерии допустимы только в случае их одобрения совестью.

Публичный характер нашего поведения оказывает дополнительное и сильное влияние на нашу совесть. Благоприятно это для нее или нет – зависит от самого социального окружения. Или, точнее, от того, возвышает или принижает нас образ, в котором, по нашему мнению, мы предстаем в глазах общества. Часто, например, быть публично опозоренным для человека равносильно духовной смерти, потому что он (или она) вскоре сам начинает считать себя тем, кем его считают другие. Есть люди, перед которыми нам было бы стыдно признавать свои грехи, а перед другими мы и сами не хотели бы проявлять свои достоинства. Конечно же не стоит думать, что для нас было бы благом совершать все свои поступки на виду у окружающих – последнее уместно в том, что касается наших непосредственных общественных обязанностей, как, например, подачи налоговой декларации. Во всем же остальном это может показаться просто вульгарным и свидетельствовать скорее о конформизме, чем о самостоятельном и осмысленном поведении. Если бы ученый занимался своими исследованиями прямо посреди рыночной площади и трудолюбивые горожане могли бы ви-

деть, сколько часов в день он пребывает в видимом безделье, ему, возможно, изменило бы мужество следовать своему призванию. Короче говоря, нам нужны как закрытость нашей частной жизни, чтобы противостоять отрицательным влияниям, так и открытое общение, чтобы воспринимать позитивные.

Даже правдивость проистекает не столько из потребности в интеллектуальной точности (хотя у некоторых людей это обстоит именно так), сколько от ощущения того, что несправедливо обманывать людей своего круга, а также из боязни стыда в случае уличения во лжи. Как следствие, такой максиме, как «правда для друзей и ложь для врагов», широко следуют не только дети и дикари, но и более или менее открыто люди цивилизованные. Большинство людей неохотно прибегают ко лжи, но лишь немногие испытывают хоть какое-то раскаяние, если машинально солгут тому, перед кем не имеют никаких обязательств. Всем нам известны деловые люди, которые гордятся, если им удалось обмануть конкурентов; наверное, мало кто из нас придерживается строгих норм чести в отношении людей, которые, как нам кажется, хитрят с нами и плохо к нам относятся – в отличие от тех, кого мы считаем честными и доброжелательными. В этом, как и во многих других случаях, «совесть пробуждается любовью». Вдумчивый наблюдатель легко убедится, что, вопреки обыденному представлению, сущность лжи состоит именно в несправедливости, а вовсе не в сообщении неправды < ... >.

Вопросы к тексту

1. Охарактеризуйте процесс социализации.
2. Каковы причины сокращения рождаемости у состоятельных классов?
3. Какова роль наследственного фактора?
4. Проанализируйте взаимосвязь общества и индивида.
5. Раскройте содержание понятия «социальный».
6. В чём смысл органического подхода Ч. Кули?
7. Как объясняет Ч. Кули смысл эволюции?
8. Какой смысл Ч. Кули вкладывает в понятия группового «Я» или «МЫ»?

9. Проанализируйте причины лжи в приведённом примере из произведения Ж. Ж. Руссо «Исповедь».

10. Охарактеризуйте совесть как основной критерии справедливого и должного.

3.2. Социология социального пространства (П. Бурдьё)

Сведения об авторе.

Пьер Бурдьё (1930–2002) – французский социолог, профессор, заведующий кафедрой социологии в парижском Колледж де Франс. В 1981 г. избран действительным членом Французской академии наук.

П. Бурдьё изучал механизмы воспроизводства социальной иерархии. Он подчёркивал значимость культурных и символических факторов воспроизводства и критиковал марксистские концепции примата экономики. Согласно П. Бурдьё, ключевую роль в воспроизводстве социальных отношений господства играет способность занимающих властные позиции агентов навязывать свои культурные и символические практики. П. Бурдьё ввёл понятие символического насилия как принуждения к признанию различных форм господства и незнанию его механизмов. Символическое насилие легитимирует социальные формы господства. Он считал, что человек движим, прежде всего, жаждой признания его человеческого достоинства; признание имеет исключительно социальный характер. Он разработал теорию действия, в центре которой находится «габитус» – понятие, оказавшее большое влияние на социальные науки. Согласно теории П. Бурдьё, небольшое число установок, полученных в результате социализации, позволяет социальным агентам реализовывать стратегии действия. Эти стратегии адаптированы к потребностям социального мира, но не осознаются агентами.

Терминологический справочник.

Социальная иерархия – иерархическая структура отношений по поводу распределения в обществе власти, собственности, доходов, престижа и других ценностей. Социальная иерархия отражает неравенство социальных статусов.

Социальный статус – социальное положение, занимаемое социальным индивидом или социальной группой в обществе или отдельной социальной подсистеме общества. Определяется по специфическим для конкретного общества признакам, в качестве которых могут вы-

ступать экономические, национальные, возрастные и другие признаки. Социальный статус характеризуется властными и (или) материальными возможностями, реже специфическими умениями или навыками, харизмой, образованием.

Индивид, Индивидуум (лат. *individuum* – неделимый) – отдельный организм, который существует самостоятельно, в частности, человек, личность, единичный представитель человеческого рода.

Личность – понятие, выработанное для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контексте социальных отношений, общения и предметной деятельности. Под «личностью» могут понимать или человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности, или устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности.

Габитус – одно из основных понятий в теории Пьера Бурдьё, объективная социальная среда производит габитус – «систему прочных приобретенных предрасположенностей», в дальнейшем они используются индивидами как исходные установки, которые порождают конкретные социальные практики индивидов. Поступки индивида в неожиданной ситуации определяются характером его социализации.

Социализация – процесс интеграции личности в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ей успешно функционировать в обществе.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Пьера Бурдьё «Социология социального пространства»⁹ и выполните задания в конце текста.

< ... > Пространство, точнее, места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они

⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства. – СПб.: Питер, 2005.

являются целью борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе.

Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом, за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала. Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя, таким образом, затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения. Напротив, тех, кто лишен капитала, держат на расстоянии либо физически, либо символически от более дефицитных в социальном отношении благ и обрезают соприкасаться с людьми или вещами наиболее нежелательными и наименее дефицитными. Отсутствие капитала ... приковывает к месту. И наоборот, обладание капиталом обеспечивает, помимо физической близости к дефицитным благам (место жительства), присутствие как бы одновременно в нескольких местах благодаря экономическому и символическому господству над средствами транспорта и коммуникации (которое часто удваивается эффектом делегирования – возможностью существовать и действовать на расстоянии через третье лицо).

Возможности доступа или присвоения, как мы уже видели, определяются через отношение между пространственным распределением агентов, взятых нераздельно как локализованные тела и как владельцы капитала, и распределением свободных в социальном отношении благ или услуг. Отсюда следует, что структура пространственного распределения власти, иначе говоря, прочно и легитимно присвоенные свойства и агенты, наделенные неравными возможностями доступа к благам или их присвоению как материальному, так и символическому, представляет собой объективированную форму состояния социальной борьбы за то, что можно назвать пространственными прибылями.

Эта борьба может принимать индивидуальные формы: пространственная мобильность, внутри- и межпоколенная – перемещения в обоих направлениях, например, между центром (столицей) и провинцией или между последовательными адресами внутри иерархически организованного пространства столицы – являет собой хороший показатель успеха или поражения, полученного в этой борьбе, и более широко, всей социальной траектории (при условии понимания, что аген-

ты разного возраста и с разной социальной траекторией, так же как, например, молодые управляющие кадры высшего звена и пожилые кадры среднего звена могут временно сосуществовать на одних и тех же постах, и равным образом они могут оказаться тоже лишь соседями по месту жительства).

Борьба за пространство может осуществляться и на коллективном уровне, в частности, через политическую борьбу, которая разворачивается, начиная с государственного уровня – политика жилья, и до муниципального уровня, а именно посредством строительства и предоставления социального жилья или через выбор коммунального оснащения. Борьба может идти, исходя из целей формирования однородных групп на пространственной основе, т. е. за социальную сегрегацию, которая есть одновременно причина и результат исключительно обладания пространством и оснащением, необходимым для группы, занимающей это пространство, и для ее воспроизводства...

Пространственные прибыли могут принимать форму прибылей локализации, которые в свою очередь могут быть подвергнуты рассмотрению в двух классах. Во-первых, рента от положения, которая связывается с фактом нахождения рядом с дефицитными или желательными вещами (благами или услугами, такими как образовательное, культурное или санитарное оснащение) и с агентами (определенное соседство, приносящее выгоды от спокойной обстановки, безопасности и др.), или вдали от нежелательных вещей или агентов. Во-вторых, прибыли позиции или ранга (как те, что обеспечиваются престижным адресом) – частный случай символических прибылей от отличия, которые связываются с монопольным владением отличающей собственностью. (Физические расстояния, которые можно измерить пространственными мерками или лучше временными мерками, по длительности времени, необходимого для перемещения в зависимости от доступности средств общественного или частного транспорта, иначе говоря, власть, которую капитал в его различных видах дает над пространством, есть также власть над временем). Они могут затем принимать форму прибылей от занимаемого пространства (или от габаритов), т. е. от обладания физическим пространством (обширные парки, большие квартиры и т. п.), которые могут стать способом сохранения разного рода дистанции от нежелательного вторжения (это «радующие взор виды» английские усадьбы, которые превращают сельскую местность и ее крестьян в пейзаж для улаживания владельца, а «нефотогеничные ра-

курсы» – в рекламу недвижимости). Одно из преимуществ, которое дает власть над пространством, – возможность установить дистанцию (физическую) от вещей и людей, стесняющих или дискредитирующих, в частности, через навязывание столкновений, переживаемых как скученность, как социально неприемлемый способ жить или существовать, или даже через захват воспринимаемого пространства – визуального или аудио – представлениями или шумами, которые, в силу их социальной маркированности и негативной оценки, неизбежно воспринимаются как вмешательство или даже агрессия. Место обитания, как социально квалифицированное физическое место, предоставляет усредненные шансы для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг, имеющих в распоряжении в данный момент. Шансы специфицируются для различных обитателей этой зоны по материальным (деньги, частный транспорт и др.) и культурным способностям присваивать, имеющимся у каждого агента (прислуга, испанка из XVI округа, не имеет тех же возможностей присвоить себе блага и услуги, предлагаемые данным округом, что есть у ее хозяина). Можно физически занимать жилище, но, собственно говоря, не жить в нем, если не располагаешь негласно требуемыми средствами, начиная с определенного габитуса. Такое положение у тех алжирских семей, которые, перебираясь из трущоб в район обнаруживают, что против всех ожиданий они «сражены» новым, столь долгожданным жилищем, не имея возможности выполнить требования, которые оно негласно включает в себе, например, необходимость финансовых средств на покрытие вновь появившихся расходов (на газ, электричество, а также транспорт, оборудование и др.), но еще всем стилем жизни, в частности, женщин, который обнаруживается в глубине с виду универсального пространства: начиная с необходимости и умения шить шторы и заканчивая готовностью жить свободно в неизвестном социальном окружении...

Сожительство сильно удаленных в социальном пространстве агентов может само по себе иметь результатом социальное сближение или, если угодно, – распад. В самом деле, ничто так не далеко друг от друга и так невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве. И нужно еще задаться вопросом об игнорировании (активном или пассивном) социальной структуры пространства обитания и ментальных структур его предполагаемых обитателей, которое направляет стольких архитекторов по-

ступать так, как если бы они были в силах навязать социальное употребление здания и оснащения, на которые они проецируют собственные ментальные структуры, иначе говоря, те социальные структуры, продуктом которых являются их ментальные структуры...

Помимо экономического и культурного капиталов, некоторые пространства, в частности, наиболее закрытые, наиболее «избранные», требуют также и социального капитала. Они могут обеспечить себе социальный и символический капиталы лишь с помощью «эффекта клуба», который вытекает из устойчивого объединения в недрах одного и того же пространства (шикарные кварталы или великолепные особняки) людей и вещей, похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других нечто общее, не являющееся общим для всех. Эффект клуба действует в той мере, в какой эти люди исключают по праву (с помощью более или менее афишированной формы) или по факту (чужак обречен на некоторое внутреннее исключение, способное лишить его определенных прибылей от принадлежности) не проявляющих всех желательных свойств или проявляющих одно из нежелательных свойств.

Эффект гетто есть полная противоположность эффекту клуба. В то время как шикарные кварталы, функционирующие как клубы, основанные на активном исключении нежелательных лиц, символически посвящают каждого из своих обитателей, позволяя ему участвовать в капитале, аккумулированном совокупностью жителей, гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением. Кроме эффекта «клеймения», объединение в одном месте людей, похожих друг на друга в своей обделенности, приводит к удвоению этого лишения, особенно в области культуры и культурной практики (и наоборот, эффект «клеймения» укрепляет культурные практики наиболее обеспеченных).

Среди всех свойств, которые предполагает легитимное занятие определенного места, имеются такие – и они не являются наименее определяющими, – которые приобретаются лишь при длительном занятии этого места и при продолжительном посещении его законных обитателей. Очевидно, это случай социального капитала связей (в особенности таких привилегированных, как дружба с детства или с юно-

шеских лет) или всех тех наиболее тонких аспектов культурного и лингвистического капитала, как манера держаться, акцент и т. п. Существует масса черт, придающих особую весомость месту рождения. Чтобы показать, каким образом власть и, в частности, власть над пространством, которую дает обладание различными видами капитала, переводится в присвоенное физическое пространство в форме пространственного распределения возможностей обладать и иметь доступ к дефицитным благам и услугам, частным или общественным, я попытался несколько лет назад вместе с Моник де Сен-Мартен собрать водино множество имеющихся статистических данных на уровне каждого французского департамента одновременно по показателям экономического, культурного и даже социального капиталов, а также по благам и услугам, предлагаемым на этом уровне. Целью этой затеи было постараться уловить все то, что часто относят на счет физического или географического пространства, бессознательно подчиняясь действию натурализации, которое производит преобразование социального пространства в присвоенное физическое пространство, и что на самом деле может и должно быть отнесено на счет структуры пространственного распределения как частных, так и общественных ресурсов и благ. Эта структура есть не что иное, как кристаллизация в данный момент времени всей истории рассматриваемой локальной единицы (регион, департамент и т. д.), ее положения в государственном пространстве и т. п. Несмотря на то, что это исследование за отсутствием времени не было доведено до конца, оно по меньшей мере позволило сделать вывод, что главное из региональных различий, которое часто приписывают результату действия географического детерминизма (например, в логике противопоставления севера и юга), обязано своим воспроизводством в истории эффекту кругового подкрепления, непрерывно осуществляемого в ходе истории. Поскольку устремления, особенно в отношении места жительства и более широко – культуры, являются большей частью продуктом структуры распределения благ и услуг в присвоенном физическом пространстве, они имеют тенденцию меняться вместе со способностью их удовлетворять, а потому результат действия неравного распределения стремлений приводит к удваиванию в каждый момент результата действия неравного распределения средств и шансов их удовлетворения.

Определив и измерив совокупность феноменов, хотя и связанных внешне с физическим пространством, но отражающих в действитель-

ности экономические и социальные различия, остается только постараться выделить неразложимый остаток, который относится исключительно к действию близости или дистанции в собственно физическом пространстве. Например, эффекту барьера, следующему из локализации в какой-либо точке физического пространства и из антропологической привилегии принадлежать не только непосредственно воспринимаемому настоящему, но и видимому и ощущаемому пространству предметов и агентов (соседи и соседство). Таким образом, можно видеть, что вражда, связанная с близостью в физическом пространстве (конфликты между соседями, например), может затмить солидарность, проявляющуюся на уровне позиции, занимаемой в национальном или интернациональном социальном пространстве, или что представления, связанные с занимаемой в локальном социальном пространстве позицией, могут помешать понять позицию, реально занимаемую в национальном социальном пространстве < ... >.

Контрольные вопросы

1. В чём ценность пространства?
2. Что такое социальная борьба в представлениях П. Бурдьё. Каковы её формы?
3. Охарактеризуйте пространственную прибыль.
4. Какова роль физического пространства в социальной структуре общества?

3.3. Неодарвинистская теория эволюции (Н. Луман)

Сведения об авторе.

Никлс Луман (1927–1998) – немецкий социолог, крупнейший теоретик второй половины XX в. Н. Луман разработал социологический подход, объединяющий элементы структурного функционализма Т. Парсонса с общей теорией систем. Ключ к пониманию того, что Луман подразумевает под системой, можно найти в различении системы и ее внешней среды. По сути, это разница в степени *сложности*. Система всегда менее сложна, чем ее внешняя среда. Например, автомобильное производство можно рассматривать как систему, сталкивающуюся с крайне сложной внешней средой, включающей множество

различных типов людей, постоянно меняющуюся материальную среду и много других разнообразных систем.

Н. Луман написал 77 книг и около 250 статей по теории социального познания и системной теории общества.

Терминологический справочник.

Коммуникация – от лат. «communicatio» – сообщение, передача и от «communicare» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать. По Н. Луману, под коммуникацией следует понимать совокупность действий, характерных только для социальных систем, при осуществлении которых происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации.

Эволюция – набор процессов, выполняющих три функции: вариации, отбора и стабилизации воспроизводимых свойств. Эти функции представляют собой конкретные механизмы действия эволюции. **Вариация** – это процесс проб и ошибок. Если система сталкивается с нестандартной проблемой, могут появиться различные решения, позволяющие справиться с внешними помехами. Некоторые из этих решений будут эффективными, другие – нет. **Отбор** определенного решения не означает, что выбрано «лучшее» решение. Возможно, определенное решение просто легче всего стабилизировать, другими словами, легче всего воспроизводить как устойчивую и постоянную структуру. В социальной системе эта **стабилизация** обычно включает новый вид дифференциации, требующий приспособления всех элементов системы к новому решению. Процесс эволюции достигнет временной цели лишь тогда, когда завершится фаза стабилизации.

Код – это способ отделения элементов системы от элементов, которые системе не принадлежат. Код представляет собой основной «язык» функциональной системы. Например, в системе науки код – это истина (в сравнении с заблуждением), для экономической системы – это платеж (в сравнении с долгом), для системы права – это законность (в сравнении с беззаконием). Каждая коммуникация, использующая определенный код, становится частью системы, кодовый знак которого применяется. Код используется для ограничения способов возможной коммуникации. Любая коммуникация, не использующая код, не принадлежит к рассматриваемой системе коммуникаций.

Кодирование информации – процесс преобразования сигнала из формы, удобной для непосредственного использования информации, в

форму, удобную для передачи, хранения или автоматической переработки.

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Н. Лумана «Эволюция»¹⁰ и выполните задания в конце текста.

< ... > Эволюция всегда предстает лишь как модификация существующих состояний... Эволюция не создает никаких великих, резких скачков (пусть даже иногда ретроспективное наблюдение именно так и интерпретирует ее результаты). Но она предполагает, что выношенный эволюцией материал порождается в массовом порядке и, как правило, неиспользованный – исчезает вновь. Лишь благодаря этому у селекции сохраняются достаточные шансы и лишь благодаря этому зачастую возникает ситуация, когда незначительные случайности находят друг в друге опору и соответствующая вариация получает возможность опереться, в том числе, и на (завершающуюся в данный момент) другую вариацию.

Далее следует обратить внимание на то, что, в отличие от селекции, вариация как таковая не является содержанием коммуникаций. Она не включается в сообщение в расчете на селекцию. Вариация, так или иначе, подкрепляется, но только не ее эволюционной функцией. В пользу этого свидетельствуют и практические основания. Если бы вариация вытекала бы преимущественно из ее селекционных шансов, она бы подвергалась чересчур значительному риску разочарования. Ведь социальная действительность устроена крайне консервативно и лишь неохотно отрицает все наличествующее и удостоверенное, имея перед собой нечто неизвестное, шансы которого как основы согласия еще не были опробованы и в данной ситуации еще не могут быть проверены. Свои основания процесс отклонения наличного вынужден искать где-то в другом месте. Например, ростовщичество было разрешено, однако не потому, что оно служит эволюции системы экономики, а потому, что нашлись обходные конструкции, валидные с юридической и церковной точки зрения. Или же можно полностью отграничить себя – «где угодно, только не в моем дворе». Это, конечно, не исключает того, что отклонения, рожденные в прошлой практике, все-таки пред-

¹⁰ Луман Н. Эволюция. Пер. с нем. / А. Антоновский. Москва: Издательство «Логос», 2005. – 256 с.

лагаются для их отбора (и поэтому характеристика социокультурной эволюции как «слепой» действительно приводит к заблуждениям). Однако само это предложение вариации еще не является селекцией. Впрочем, лишь незначительная часть эволюционно-значимых вариационных событий имеет форму произвольного намерения...

Итак, если эволюция порождает более сложные общества, это не может означать, что теперь должны производиться более «подходящие» вариации. Ведь с усилением сложности, прежде всего, становится все более невероятным, что то или иное нововведение вообще допускает его структурное упорядочивание. Поэтому должен сохраняться случайный характер координации между варьированием и селекцией. Ведь противоположное означало бы переход к планированию. Вместе с тем, однако, в рамках функции варьирования диалектика производства избыточных вариаций, торможения и расторможения должна – средствами более высокой сложности – приспосабливаться к условиям этой более высокой сложности. Другими словами, должны иметься дополнительные структуры для накопления и ускорения варьирования. В общественной эволюции это осуществляется двояким образом: благодаря такому средству распространения коммуникации как письменность и с помощью усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам в обществе.

Тот факт, что письменность используется как средство распространения коммуникации (а значит, не только с целью записи), привносит с собой двойной эффект: коммуникация может оказывать воздействия на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции, т. е. получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). Более широкое распространение создает возможность одним изменением производить – причем необозримое – множество изменений.

При этом утрачивается – или редуцируется к определенным магически-религиозным практикам – представление, о том, что словом можно что-то непосредственно изменять. Возрастающая благодаря этому ненаблюдаемость воздействий должна гарантироваться институционально. Это, как и в случае со всеми эффектами техники, приводит к возникновению религиозных проблем, о которых рассказывает миф о Прометее. Огонь письменности разрушает, к примеру, жесткость традиционного священного права, и отныне это «действительное» право делает возможным законодательство... Письменные – и

тем самым высвобожденные из-под влияния интеракций – коммуникации теперь не нуждаются в том, чтобы учитывать мнения присутствующих людей, однако они должны как-то заменить те опоры для понимания, которые прежде состояли в единообразии ситуации. Теперь коммуникация вынуждена эксплицировать себя более отчетливо и исходя исключительно из текста. Это требует появления вербальных форм нового типа и, прежде всего, образования понятий с необозримыми вытекающими из них следствиями. Пока бог обозначался всего лишь именем, знать которое нужно было, чтобы мочь к нему обращаться, эта проблема решалась благодаря утаиванию имени. Как только появилось понятие бога, получавшее письменную фиксацию, оно приобрело способность конденсировать опыт, требовать уточнений, требовать рассмотрения проблемы его непротиворечивости, короче говоря, вызывало все то, что потом стало заботой средневековой теологии.

Другая, изложенная выше возможность усиления способности создавать вариации, а именно способность порождать внутриобщественные конфликты и толерантно к ним относиться в свою очередь должна была утвердить себя вопреки структурно-упроченным сомнениям. Конфликт тестирует потенциал отклонения... Если результат конфликта получает значение нет, уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое испытание и доказал свою способность утверждаться в коммуникации. И все же конфликты легко выходят из-под контроля и оказывают возмущающее воздействие на внутриобщественный внешний мир. В более ранних обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществлялись гораздо чаще, чем ныне, и, соответственно, имело место чрезвычайно обременительное подавление, отклоняющее конфликты. Это должно оказывать обратное воздействие на готовность произнести нет, ведь если кто-то рискует осуществить отклонение, после того как другие уже определились в коммуникации, в коммуникацию входит конфликт. Другие будут настаивать на своем, искать и находить аргументы и союзников, и в системе образуется система, а именно – конфликт. Поэтому в небольших обществах, структура которых еще близка системам интеракции подавление конфликтов является жизненно-важным. С ростом населения и возрастанием сложности – и об этом свидетельствуют уже поздние архаические общества – это условие становится все менее жестким. Правда, это может происходить лишь при наличии столь же

сложных условий, которые делают возможным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно...

По мере развития политического господства, способного утвердить собственный тип коммуникации, возникает возможность усиливать отклонение коммуникативных, предложений того или иного смысла и одновременно снимать с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов. Появляется легитимная сила для подавления нелегитимного насилия. Для этого находят форму, которая представляет собой структурно-закрепленную асимметрию – неважно, гарантируется ли это собственностью или обеспечивается властью, поддерживаемой свитой властителя. Тот, кто распоряжается этими ресурсами, может сказать нет, уклоняясь от ожидаемой от него помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов. Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилизация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы.

Другая возможность состоит в допущении конфликтов при одновременном их притуплении благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны... Богач в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться, если, конечно, он прав. Вопреки допущениям дюркгеймовского «функционализма морали» или некоторых философов права это обстоятельство служит, в первую очередь, вовсе не моральной интеграции общества, а усилению конфликтного потенциала в формах, которые бы не наносили ущерба социальным структурам. Усиление конфликтной способности может затем использоваться дифференцированно и в более ранних обществах служить, главным образом, для выстраивания стратификационной дифференциации. Со всем этим почти не сравнима свойственная высокоорганизованному обществу третья возможность, а именно, дифференциация причин конфликтов и тем конфликтов. «Это может помочь выявить глубинные структурные основы вспыхивающих новых конфликтов, однако сами конфликты ищут для себя другие поводы и темы, ведь структурный механизм запуска в любом случае не является «разрешимой проблемой». Унаследованные от марксизма дотошные искания иными социологами «подлинных» причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференциации причин и тем как раз и состоит эво-

люционное достижение, поскольку система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты. К непредсказуемым, вызванным расширением возможностей варьирования, относятся особые трансформации семантики и ее следствия. Чем больше допущено возможностей отклонения, тем более важной становится потребность в неотрицаемом. Но именно поиски необходимого, если эти изыскания подвергаются наблюдению, порождают все новые случайности. Религия, если она берет на вооружение достижения теологии, как раз и способствует совершению этого опасного движения. Действительность, которая представлялась просто-напросто как то, что не может отрицаться, подпадает под подозрение в том, что она всего лишь творение, всего лишь «видимость», всего лишь коррелят сознания, или – как утверждает ныне – всего лишь «конструкция». По мере отдифференциации особых функциональных систем в соотнесении с последними возникают формулы случайности, в которых могут утверждаться бесспорные с точки зрения специфической системы положения, как то: недостаток ресурсов – в экономической системе, легитимность – в политической, справедливость – в правовой... Однако при наложении подобных формул на те или иные особенные функциональные системы открытым остается вопрос о том, что они означают применительно к целостному обществу. Формула спасения, с середины XIX в. ставшая повседневной, в качестве такого средства провозглашает ценности. Однако и они подвержены процессу коррозии. Однажды овладев миром, они делают возможными и утверждения о «переоценке ценностей», и об их «трансформации».

Все эти размышления о формах варьирования предполагают, как правило, что отклонения доступны для их восприятия. Тем самым всякая вариация зависит от предзаданной семантики, от памяти системы, которая все коммуникации информирует о том, что является известным и нормальным, о том, что можно ожидать, а чего – нельзя. Именно то, что выпадает из ряда, как раз и управляется посредством уже утвердившихся структур. Эта предпосылка получает тем большее значение, чем незаметнее ее воздействие. Единство различения ожидаемого неожиданного, нормального отклоняющегося само не становится темой обсуждения. И именно мелко разветвленные семантики, скажем, в религиозной или юридической догматике, возвращают проблемы, нежданно всплывающие сами по себе, к более грубым или более фун-

даментальным различиям, однако не подводят к тому, что под вопрос была поставлена сама схема различий. Соответственно можно решать в пользу чего-то традиционного или чего-то, что подверглось варьированию, между старым и новым. В благоприятных случаях вариация может утвердиться. Но едва ли появится возможность поставить вопрос о том, почему вопрос ставится именно так, а не иначе...

Во времена перемен радикальность структурных изменений может ускользать от наблюдения и – с ретроспективной точки зрения – коммуникации осуществляются посредством уже неадекватных различий. Если на заре Нового времени проблема виделась в том, чтобы всякую инновацию практически во всех функциональных областях приводить к созвучию с основополагающим религиозным мироположением или противопоставлять их друг другу, то сегодня надо задаться вопросом о том, действительно ли это являлось проблемой – решающей для перехода к функционально дифференцированному обществу эпохи модерна.

Можно ли ожидать, что на основании этой проблемной ситуации общество приходит к все более совершенным мироописаниям и самоописаниям, т. е. учится контролировать еще и образование категорий, которые задают то, что познается как старое или как новое. Этот вопрос известным образом является и ответом себе самому. То, что его можно поставить, лишь смещает проблему на другую ступень абстракции, не давая никакого определенного решения. То же, что все-таки можно наблюдать, состоит в ином виде реакции, а именно – в усилении дифференциации варьирования, селекции и ре-стабилизации, цикличность которых при радикальных структурных переломах (таких, как распространение легко усваиваемой письменности или форм дифференциации общества) далеко не случайна. То, что назрела очередная ревизия схемы, правда это остается незамеченным, но эволюция и сама подвергается эволюции; селекцию и рестабиллизацию она противопоставляет варьированию как самостоятельным процессам и тем самым создает более высокую степень свободы в преодолении непонятых или не совсем правильно интерпретированных проблем... В итоге имеет место нечто совсем иное, нежели просто переоценка в отношении старого и нового. Фактически общество теперь ориентируется на способы селекции, которые в перспективе уже не предполагают безоговорочной стабильности. Оно дифференцирует между селек-

цией и стабилизацией просто потому, что давление со стороны инноваций усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее. Чтобы уметь распознавать такой процесс, мы все вынуждены, прежде всего, обратиться к изучению развития феноменов, собственно и являющихся носителями функций селекции и стабилизации < ... >.

Вопросы к тексту

1. Что такое эволюция в представлении Н. Лумана и каковы её механизмы.
2. Приведите примеры эволюционных изменений.
3. Объясните роль конфликтов в эволюционной теории Н. Лумана.

3.4. Неофрейдистская теория (Э. Фромм)

Сведения об авторе.

Эрих Зелигманн Фромм (1900–1980) – немецкий социолог, философ, социальный психолог, психоаналитик, один из основателей неофрейдизма и фрейдомарксизма. По убеждению Фромма, классический психоанализ способствовал обогащению знаний о человеке, но он не увеличил знаний о том, как человек должен жить и что он должен делать. По его мнению, Фрейд пытался представить психоанализ в качестве естественной науки, но совершил ошибку, уделив недостаточно внимания проблемам этики. Между тем нельзя понять человека, если рассматривать его под углом зрения вытеснения сексуальных влечений, а не во всей целостности, включая потребность найти ответ на вопрос о смысле его существования и отыскать нормы, в соответствии с которыми ему надлежит жить. Фромм стремился перенести акцент с биологических мотивов человеческого поведения в психоанализе на социальные факторы, показать, что «человеческая натура – страсти человека, и тревоги его – продукт культур».

Терминологический справочник.

Неофрейдизм (древнегреч. нео – новый + фрейдизм) – направление в психологии, развившееся в 20–30-е гг. XX в. из фрейдизма, основанное последователями Зигмунда Фрейда, принявшими основы его теории, но в котором ключевые понятия психоанализа Фрейда были пере-

работаны, например, на основе постулата о социальной детерминированности психики человека.

Фрейдомарксизм – это:

1) совмещение диалектико-материалистического учения о социальной сущности человека и психобиологизаторской фрейдовской концепции влечений. Фрейдомарксизм пытается решить проблему познания человека как целостного феномена в единстве его биологических, соматических, социальных, психологических качеств и характеристик;

2) учение, утверждающее, что рефлекс собственности в человеке настолько велик, что её обобществление и формирование человека с коммунистическим мировоззрением невозможно.

Эдипов комплекс – понятие, введённое в психоанализ З. Фрейдом, обозначающее бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные (двойственные) чувства к родителю того же пола.

Бихевиоризм (англ. *behaviour* – *поведение*) – буквально – наука о поведении. Важнейшими категориями бихевиоризма являются *стимул*, под которым понимается любое воздействие на организм со стороны среды, в том числе и данная, реальная ситуация, реакция и подкрепление, в качестве которого для человека может выступать и словесная или эмоциональная реакция окружающих людей. Субъективные переживания при этом в современном бихевиоризме не отрицаются, но ставятся в положение, подчинённое этим воздействиям.

Необихевиоризм – направление американской психологии, возникшее в 30-е гг. XX в. в ответ на неспособность классического бихевиоризма объяснить целостность поведения животных и людей. Идея классического бихевиоризма состояла в том, что реакции (R) живых существ обусловлены воздействием стимулов (S). Иначе говоря, поведение представляет собой множество цепочек S-R, каждая из которых сформировалась в результате подкрепления. Необихевиоризм расширил эту модель, введя понятие промежуточных факторов (промежуточных переменных) V, каждый из которых оказывает влияние на процесс формирования привычек S-R: усиливает, замедляет или препятствует подкреплению.

3.4.1. Э. Фромм. «Анатомия человеческой деструктивности»

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности»¹¹ и выполните задания в конце текста.

< ... > Я не собираюсь представлять здесь читателю историю учений об инстинктах, ибо ее можно найти во многих учебниках. Истоки этой истории надо искать в философских трудах прошлого, но современное мышление в целом опирается на труды Чарльза Дарвина и его эволюционную теорию. Уильям Джеймс и Уильям Мак-Дугалл составили пространные таблицы, полагая, что каждый отдельный инстинкт или влечение обуславливает соответствующий тип поведения. Так, Джеймс выделяет инстинкты подражания, вражды, сочувствия, охоты, страха, соревнования, клептомании, творчества, игры, зависти, общительности, скрытности, чистоты, скромности, любви, ревности – в целом этот список представляет странную смесь из общечеловеческих свойств и специфических, социально обусловленных, черт личности. И хотя сегодня перечни такого рода кажутся нам несколько наивными, все же следует отметить, что исследования инстинктов по сей день поражают обилием теоретических конструкций и высоким уровнем теоретического мышления. Джеймс, например, совершенно четко представлял себе, что самое элементарное инстинктивное действие может включать в себя элемент обучения, а Мак-Дугалл вовсе не отрицал многообразного формирующего влияния опыта и культуры. Его учение об инстинктах перекидывает мостик к теории Фрейда. Как подчеркивает Флетчер, Мак-Дугалл не отождествлял инстинкт с «механической моторикой» и не связывал его с двигательной реакцией. Для него инстинкт по сути своей представлял «склонность» к чему-либо, «потребность» в чем-то, и он допускал, что аффективно-коннотативное ядро всякого влечения, «по-видимому, может существовать и функционировать в инстинктивной системе индивида сравнительно независимо от когнитивной и моторной ее части».

Прежде чем мы обратимся к крупнейшим современным исследователям этой проблемы, каковыми являются Зигмунд Фрейд и Конрад Лоренц, попробуем отметить то, что объединяет их с их предшествен-

¹¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / <http://www.litres.ru/erih-fromm> (адаптирован – В.Ч.).

никами. Так, в концепции Мак-Дугалла существовала некая механо-гидравлическая модель действия инстинктов, по типу шлюза, в котором ворота сдерживают энергию воды, а затем при определенных условиях она прорывается и образует «водопад». Позднее он для образности сравнивал любой инстинкт с «газовым баллоном», из которого «постоянно высвобождается отравляющее вещество».

Фрейд в своей теории либидо также следует некой гидравлической схеме. Либидо нарастает, напряженность усиливается, недовольство ширится, сексуальный акт дает разрядку, снимает напряжение до тех пор, пока оно вновь не начнет усиливаться и нарастать. Сходные идеи мы видим и у Лоренца. Он, например, сравнивает реактивную энергию со «сжатым газом, который долго хранится в специальном резервуаре», или с жидкостью, которая заключена в сосуд, имеющий вентиль в днище, и т. д. Р. А. Хинде считает, что, несмотря на мелкие различия, все эти теоретические модели имеют одну общую идею – идею субстанции, обладающей способностью стимулировать поведение. «Эта субстанция заключена в некий сосуд, а затем она выпускается, воздействует на субъект, заряжает его энергией, от которой тот приходит в действие»...

Бихевиоризм.

Основателем бихевиоризма является Д. В. Уотсон. Главной предпосылкой этого психологического направления еще в 1914 г. стала идея о том, что «предметом психологии является человеческое поведение». Как и представители логического позитивизма, бихевиористы выносят за скобки все «субъективные факторы, которые не поддаются непосредственному наблюдению, такие как: ощущение, восприятие, представление, влечение и даже мышление и эмоции, коль скоро они имеют субъективную природу».

На пути своего развития от чуточки наивных формулировок Уотсона до филигранных необихевиористских конструкций Скиннера бихевиоризм претерпел довольно заметные изменения. И все же речь идет скорее о совершенствовании первоначальной формулировки, чем о возникновении новых оригинальных идей.

Необихевиоризм Б. Ф. Скиннера.

Необихевиоризм опирается на тот же самый принцип, что и концепция Уотсона, а именно: психология не имеет права заниматься чувствами или влечениями или какими-либо другими субъективными состояниями, он отклоняет любую попытку говорить о «природе» чело-

века, либо конструировать модель личности, либо подвергать анализу различные страсти, мотивирующие человеческое поведение. Всякий анализ поведения с точки зрения намерений, целей и задач Скиннер квалифицирует как донаучный, ненаучный и как совершенно бесполезную трату времени. Психология должна заниматься изучением того, какие механизмы стимулируют человеческое поведение (reinforcements) и как они могут быть использованы с целью достижения максимального результата. «Психология» Скиннера – это наука манипулирования поведением; ее цель – обнаружение механизмов «стимулирования», которые помогают обеспечивать необходимое «заказчику» поведение.

Вместо условных рефлексов ... Скиннер говорит о модели «стимул – реакция». Иными словами, это означает, что безусловно-рефлекторное поведение приветствуется и вознаграждается, поскольку оно желательно для экспериментатора. (Скиннер считает, что похвала, вознаграждение являются более сильным и действенным стимулом, чем наказание). В результате такое поведение закрепляется и становится привычным для объекта манипулирования. Например, Джонни не любит шпинат, но он все же ест его, а мать его за это вознаграждает (хвалит его, одаривает взглядом, дружеской улыбкой, куском любимого пирога и т. д.), т. е., по Скиннеру, применяет позитивные «стимулы». Если стимулы работают последовательно и планомерно, то дело доходит до того, что Джонни начинает с удовольствием есть шпинат. ... Скиннер доказал, что путем правильного применения позитивных «стимулов» можно в невероятной степени менять поведение как животного, так и человека – и это даже вопреки тому, что некоторые слишком смело называют «врожденными склонностями».

Доказав это экспериментально, Скиннер, без сомнения, заслужил признание и известность. Одновременно он подтвердил мнение тех американских антропологов, которые на первое место в формировании человека выдвигали социокультурные факторы. При этом важно добавить, что Скиннер не отбрасывает полностью генетические предпосылки. И все же, чтобы точно охарактеризовать его позицию, следует подчеркнуть: Скиннер считает, что, невзирая на генетические предпосылки, поведение полностью определяется набором «стимулов». Стимул может создаваться двумя путями: либо в ходе нормального культурного процесса, либо по заранее намеченному плану.

Бихевиоризм и агрессия.

Знание бихевиористской методологии очень важно для изучения проблемы агрессии, поскольку в США большинство ученых, хоть как-то причастных к проблеме агрессии, являются приверженцами бихевиоризма. Их аргументация проста: если Джон обнаружит, что в ответ на его агрессивное поведение его младший брат (или мать) дает ему то, что он хочет, то он превратится в человека с агрессивными наклонностями; то же самое можно было бы сказать в отношении мужественного, низкопоклоннического или любвиобильного поведения. Формула гласит: человек чувствует, думает и поступает так, как он считает правильным для достижения ближайшей желанной цели. Агрессивность, как и другие формы поведения, является благоприобретенной и определяется тем, что человек стремится добиться максимального преимущества.

Бихевиорист А. Басс определяет агрессию как «поведение, вызывающее раздражение и наносящее ущерб другим организмам». Приведу небольшой фрагмент из его рассуждений: то, что в определение понятия агрессии совершенно не вошел такой элемент, как намерение (мотив), обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, намерение имплицитно включает телеологию – целенаправленное действие, устремленное к будущей цели, такое понятие намерения несовместимо с бихевиористскими взглядами. Во-вторых (что еще важнее), это понятие очень трудно применить к действиям, поступкам в бихевиористском смысле. Намерение, умысел – это индивидуальное действие, которое может получить вербальное выражение, а может и не получить... О намерении можно судить по истории процесса «стимулирования». Если агрессивная реакция систематически усиливалась и имела специфические последствия (например, бегство жертвы), то можно утверждать, что повторение агрессивного поведения содержит «намерение вызвать такую реакцию, как бегство». Однако подобное рассуждение совершенно излишне при анализе поведения, гораздо полезнее и продуктивнее будет изучить отношение между историей «стимулирования» агрессивной реакции и непосредственной ситуацией, подтолкнувшей эту реакцию.

В целом категория намерения очень сложна для анализа, к тому же агрессивное поведение в большей мере зависит от последствий «стимулирования», именно они определяют возникновение и интенсивность агрессивных реакций, т. е., иными словами, речь идет о том,

чтобы определить, какие виды «стимулов» вызывают агрессивное поведение.

Мы видим, что под словом «намерение» Басс имеет в виду сознательный умысел, т. е. Басс не отказывается полностью от психоаналитического подхода к проблеме. «Если гнев не является импульсом к агрессии, стоит ли видеть в нем вообще какой-либо импульс? Мы считаем, что это нецелесообразно».

Выдающиеся бихевиористы А. Басс и Л. Беркович демонстрируют гораздо больше понимания эмоциональных состояний человека, чем Скиннер, хотя в целом они поддерживают главный принцип Скиннера, гласящий, что объектом научного наблюдения является действие, а не действующий человек. Поэтому они не придают серьезного значения фундаментальным открытиям Фрейда, т. е. не учитывают того, что поведение определяют психические силы, что эти силы в основном находятся на бессознательном уровне и, наконец, что осознание («прозрение») как раз и является тем фактором, который преобразует энергетический потенциал и определяет направленность этих сил.

Бихевиористы претендуют на «научность» своего метода на том основании, что они занимаются теми видами поведения, которые доступны визуальному наблюдению. Однако они не понимают, что невозможно адекватно описать «поведение» в отрыве от действующей личности. Например, человек заряжает револьвер и убивает другого человека; само по себе действие – выстрел из револьвера – с психологической точки зрения мало что значит, если его взять в отрыве от «агрессора». Фактически бихевиоризм констатирует лишь то, что относится к действию револьвера, по отношению к револьверу мотив того, кто нажал на курок, не имеет никакого значения. А вот поведение человека можно понять до конца лишь в том случае, если мы будем знать осознанные и неосознанные мотивы, побудившие его к выстрелу. При этом мы обнаружим не одну-единственную причину его поведения, а получим возможность эксплицировать внутреннюю психическую структуру его личности и выявить многие факторы, которые, соединившись вместе, и привели к тому мгновению, когда револьвер выстрелил. И тогда мы констатируем, что можем через целую систему личностных характеристик объяснить импульс, который привел к выстрелу. А сам выстрел зависит от массы случайных факторов, ситуативных элементов, например, от того, что у данного субъекта в этот момент оказался в руках именно револьвер, что вблизи не было других

людей, наконец, от общего состояния его психики, а также от степени психологической напряженности в данный момент.

Поэтому основной бихевиористский тезис, согласно которому наблюдаемое поведение представляет собой надежную с научной точки зрения величину, совершенно ошибочен. На самом деле поведение различно в зависимости от различия мотивирующих его импульсов, а они-то часто скрыты от наблюдателя.

Это можно проиллюстрировать простым примером. Два отца с разным темпераментом бьют своих сыновей, полагая, что наказание полезно для нормального развития ребенка. Внешне оба отца ведут себя одинаково. Каждый дает своему сыну затрещину правой рукой. Однако, если мы сравним при этом, как ведет себя любящий отец и отец-садист, мы увидим в них много различий. Различны позы, выражения лиц, хватка, слова и тон разговора после наказания. Соответственно отличается и реакция детей. Один ребенок ощущает в наказании садистское, разрушительное начало, а другой не имеет никаких оснований усомниться в любви своего отца. И тем более, если эта уверенность дополняется другими бесчисленными примерами поведения отца, которые формируют ребенка с раннего детства. Тот факт, что оба отца убеждены в том, что наказывают детей для их же пользы, ничего не меняет, кроме того, что устраняет моральные преграды с пути отца-садиста. И даже если он, отец-садист, никогда не бил своего ребенка из страха перед женой, или из других соображений, или под влиянием прочитанных книг о воспитании, он все равно вызовет у ребенка те же самые реакции, ибо его взгляд также точно выдает его садистское нутро, как и его руки, дающие ребенку затрещину. Поскольку дети чувствительнее взрослых, они реагируют в целом на импульс, который исходит от отца, а вовсе не на отдельные, изолированные факты его поведения.

Возьмем другой пример. Мы видим человека, который сердится, гневается, у которого от злости краснеет лицо. Мы описываем его поведение, говоря: он в гневе, в бешенстве, он вне себя. Если мы спросим, почему он гневается, то можем услышать в ответ: «Потому что он боится». – «А чего он боится? Отчего этот страх?» – «Оттого, что он очень страдает от своей беспомощности». – «Откуда это чувство?» – «Все дело в том, что он никак не может порвать узы, привязывающие его к матери, и постоянно чувствует себя как малое дитя». (Это, разу-

меется, не единственно возможный вариант объяснения причинных связей). Каждый из этих ответов содержит «истину». Разница лишь в том, что каждый из них отмечает причинную связь разной глубины; и чем глубже лежит причина, тем меньше она осознается. Чем глубже уровень осознания, тем больше мы получаем информации для понимания поведения. И не только для понимания мотивов, но и в том смысле, что поведение человека становится понятным до мелочей. В данном случае наблюдатель с тонким чутьем скорее заметит на «красном» лице выражение испуганной беспомощности, а не гнева. В другом случае поведение может быть внешне совершенно аналогичным, но от внимательного наблюдателя не ускользнет лежащая на лице человека печать жестокости и деструктивизма. Его гневное поведение – лишь результат того, что он держит под контролем свои разрушительные импульсы. И тогда два внешне одинаковых типа поведения на деле оказываются сильно отличающимися друг от друга, что научно можно объяснить, только обратившись к мотивационной сфере в структуре личности.

Поэтому на вопрос о «краснолицем» я дал необычный ответ: «Он гневается потому, что его оскорбили, или же он чувствует себя оскорбленным». Подобное объяснение акцентирует повод для гнева и упускает из виду, что раздражительность и гневливость могут быть и чертами характера данной личности. Группа людей будет по-разному реагировать на один и тот же раздражитель в зависимости от характеров индивидов. Так, например, субъекта А этот раздражитель задевает, субъект В испытывает к нему отвращение, субъект С может его испугаться, а субъект D просто проигнорирует его.

Басс прав, утверждая, что намерение – это личное дело каждого, которое может получить словесное выражение, а может и не получить. Однако как раз в этом и состоит дилемма бихевиоризма: поскольку он не располагает методом для анализа невербализованных данных, он вынужден ограничивать свои исследования теми данными, которые ему доступны и которые обычно слишком грубы и поверхностны, а потому недостаточны для проведения тонкого теоретического анализа < ... >.

Вопросы к тексту

1. Какова роль понимания инстинктов?
2. Раскройте сущность проблемы войны и агрессии у Лоренца.
3. Сформулируйте определение бихевиоризма и необихевиоризма.
4. Объясните проблему агрессии в бихевиоризме.

3.4.2. Фромм Эрих. «Бегство от свободы»

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Э. Фромма «Бегство от свободы»¹² и выполните задания в конце текста.

< ... > Если я не стою за себя, то кто встанет за меня?

Если я только за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?

(Изречение из Талмуда, Мишна, Абот).

Эта книга – часть обширного исследования, посвященного психике современного человека, а также проблемам взаимосвязи и взаимодействия между психологическими и социологическими факторами общественного развития. Я занимаюсь этой работой уже несколько лет, ее завершение потребует еще большего времени. Между тем нынешние тенденции политического развития ставят под угрозу величайшее достижение современной культуры: индивидуальность и неповторимость каждого человека. Это вынудило меня ... сконцентрировать внимание на одном аспекте, ключевом для культурного и социального кризиса наших дней – на значении свободы для современного человека. ...

Основным субъектом социального процесса является индивид: его стремления и тревоги, его страсти и раздумья, его склонность к добру или злу, поэтому его характер не может не влиять на этот процесс. Чтобы понимать динамику общественного развития, мы должны понимать динамику психических процессов, происходящих внутри индивида, точно так же как для понимания индивида необходимо рассматривать его вместе с обществом, в котором он живет. Основная идея этой книги состоит в том, что современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало ему безопасность и покой, не приобрел свободы в смысле реализации его личности, т. е. реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных спо-

¹² Фромм Э. Бегство от свободы / <http://www.litres.ru/erih-fromm> (адаптирован – В. Ч.).

способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого. Хотя эта книга скорее диагноз, чем прогноз, не решение, а лишь анализ проблемы, результаты нашего исследования могут уточнить направление необходимых действий; ибо понимание причин тоталитаристского бегства от свободы является предпосылкой любого действия, направленного к победе над силами тоталитаризма.

«Бегство от свободы» – это анализ феномена человеческого беспокойства, вызванного распадом средневекового мира, в котором человек, вопреки всем угрозам, чувствовал себя уверенно и безопасно. После столетий борьбы человек сумел создать неслыханное изобилие материальных благ; в одной части мира он создал демократическое общество и недавно сумел защитить его от новых тоталитарных угроз. Но, как показывает анализ в «Бегстве от свободы», современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат.

Через двадцать пять лет возникает вопрос: сохранились ли социальные и психологические тенденции, вскрытые в этой книге; нет ли признаков того, что они идут на убыль? Несомненно, причины, вызывающие у человека страх перед свободой, беспокойство и готовность превратиться в автомат, за последние четверть века не только не исчезли, но и значительно возросли. Важнейшим в этом смысле событием было открытие атомной энергии и возможность ее применения в качестве оружия уничтожения. Никогда прежде в своей истории род человеческий не стоял перед угрозой полного истребления, тем более собственными руками. Но совсем недавно, во время Карибского кризиса, сотни миллионов людей в Америке и в Европе в течение нескольких дней не знали, увидят ли они и их дети завтрашний день. И хотя с тех пор были предприняты усилия, чтобы уменьшить опасность подобных кризисов, разрушительное оружие по-прежнему существует; остаются кнопки, остаются люди, обязанные нажать их по

приказу, когда это покажется необходимым. И остаются беспомощность и тревога.

Наряду с ядерной революцией (быстрее, чем это можно было предвидеть двадцать пять лет назад) развивалась революция кибернетическая. Мы вступаем во вторую промышленную революцию, когда не только физическую энергию человека – его руки, но и его мозг, и нервные реакции заменят машины. В наиболее развитых индустриальных странах, таких как Соединенные Штаты, растет беспокойство в связи с увеличением нового рода безработицы. Человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его. Увеличилась и другая опасность – демографический взрыв. И здесь мы видим плоды прогресса: достижения медицины привели к такому росту населения, особенно в слаборазвитых странах, что рост производства не может за ним угнаться.

За минувшие двадцать пять лет возросли гигантские силы, угрожающие выживанию человека, отчего усилилось и стремление к бегству от свободы. Но есть и обнадеживающие признаки. Исчезли диктатуры Гитлера и Сталина. В советском блоке, особенно в малых государствах, хотя они остались ультраконсервативными и тоталитарными, наметилась отчетливая тенденция к либерализации режимов. Соединенные Штаты проявили устойчивость по отношению к всевозможным тоталитарным движениям, пытавшимся усилить свое влияние. Были сделаны важные шаги к политическому и социальному освобождению негров – особенно впечатляющие ввиду мужества и дисциплины авангарда борцов за равноправие, как самих негров, так и белых. Из всего этого видно, что стремление к свободе, присущее природе человека, хотя оно может быть и извращено, и подавлено, снова и снова проявляет свою силу. Но эти ободряющие факты не должны вводить нас в заблуждение, будто опасность «бегства от свободы» сегодня не столь велика, как во время первого издания этой книги. Опасность только возросла...

Новую историю Европы и Америки обусловили усилия, направленные на завоевание свободы от политических, экономических и духовных оков, которые связывали человека. Угнетенные, мечтавшие о новых правах, боролись за свободу против тех, кто отстаивал свои привилегии. Но когда определенный класс стремился к своему соб-

ственному освобождению, он верил, что борется за свободу в целом и, таким образом, мог идеализировать свои цели, мог привлечь на свою сторону всех угнетенных, в каждом из которых жила мечта об освобождении. Однако в ходе долгой, по существу, непрерывной борьбы за свободу те классы, которые поначалу сражались против угнетения, объединялись с врагами свободы, едва лишь победа была завоевана и появлялись новые привилегии, которые нужно было защищать.

Несмотря на многочисленные поражения, свобода в целом побеждала. Во имя ее победы погибло много борцов, убежденных в том, что лучше умереть за свободу, чем жить без нее. Такая гибель была наивысшим утверждением их личности. Казалось, история уже подтвердила, что человек способен управлять собой, сам принимать решения, думать и чувствовать так, как ему кажется верным. Полное развитие способностей человека казалось той целью, к которой быстро приближал процесс общественного развития. Стремление к свободе выразилось в принципах экономического либерализма, политической демократии, отделения церкви от государства и индивидуализма в личной жизни.

Осуществление этих принципов, казалось, приближало человечество к реализации данного стремления. Оковы спадали одна за другой. Человек сбросил иго природы и сам стал ее властелином; он сверг господство церкви и абсолютистского государства. Ликвидация внешнего принуждения казалась не только необходимым, но и достаточным условием для достижения желанной цели – свободы каждого человека. Первую мировую войну многие считали последней битвой, а ее завершение – окончательной победой свободы: существовавшие демократии, казалось, усилились, а взамен прежних монархий появились новые демократии. Но не прошло и нескольких лет, как возникли новые системы, перечеркнувшие все, что было завоевано веками борьбы, казалось, навсегда. Ибо сущность этих новых систем, практически полностью определяющих и общественную, и личную жизнь человека, состоит в подчинении всех совершенно бесконтрольной власти небольшой кучки людей...

За годы, прошедшие со времени победы фашистских режимов, ошибочность этих точек зрения стала очевидной. Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее, что они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться, что другие миллио-

ны были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать. Вместе с тем мы поняли, что кризис демократии не является сугубо итальянской или германской проблемой, что он угрожает каждому современному государству. При этом совершенно несущественно, под каким знаменем выступают враги человеческой свободы. Если на свободу нападают во имя антифашизма, то угроза не становится меньше, чем при нападении во имя самого фашизма...

Когда мы рассматриваем человеческий аспект свободы, когда говорим о стремлении к подчинению или к власти, прежде всего, возникают вопросы: Что такое свобода в смысле человеческого переживания? Верно ли, что стремление к свободе органически присуще природе человека? Зависит ли оно от условий, в которых живет человек, от степени развития индивида, достигнутого в определенном обществе на основе определенного уровня культуры? Определяется ли свобода одним лишь отсутствием внешнего принуждения или она включает в себя и некое присутствие чего-то, а если так, чего именно? Какие социальные и экономические факторы в обществе способствуют развитию стремления к свободе? Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – это заветная цель, а для других – угроза?

Не существует ли, кроме врожденного стремления к свободе, и инстинктивной тяги к подчинению? Если нет, то как объяснить ту притягательность, которую имеет сегодня для многих подчинение вождю? Всегда ли подчинение возникает по отношению к явной внешней власти или возможно подчинение ... авторитетам, таким, как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения? Не является ли подчинение источником некоего скрытого удовлетворения, а если так, то в чем состоит его сущность?

Что пробуждает в людях ненасытную жажду власти? Сила их жизненной энергии или, наоборот, слабость и неспособность жить независимо от других? Какие психологические условия способствуют усилению этих стремлений? Какие социальные условия в свою очередь являются основой для возникновения этих психологических условий?

Анализ человеческих аспектов свободы и авторитаризма вынуждает нас рассмотреть ту роль, которую играют психологические факторы в качестве активных сил процесса общественного развития, а это приводит к проблеме взаимодействия психологических, экономических и идеологических факторов. Любая попытка понять ту притягатель-

ность, какую имеет фашизм для целых наций, вынуждает нас признать, роль психологических факторов. Здесь мы имеем дело с политической системой, которая, по существу, опирается отнюдь не на рациональные силы человеческого личного интереса. Она пробуждает в человеке такие дьявольские силы, в существование которых мы вообще не верили либо считали их давным-давно исчезнувшими.

В течение последних веков общераспространенное мнение о человеке состояло в том, что человек – разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними. Даже авторы вроде Т. Гоббса, считавшие жажду власти и враждебность движущими силами человеческого поведения, объясняли наличие этих сил как логический результат личных интересов. Поскольку люди равны и одинаково стремятся к счастью, говорили они, а общественного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить в равной степени всех, то неизбежна борьба; люди стремятся к власти, чтобы обеспечить себе на будущее все то, что они имеют сегодня. Но схема Т. Гоббса устарела. Средний класс добивался все больших успехов в борьбе с властью прежних политических и религиозных владык, человечество все больше преуспевало в завоевании природы. Все прочнее становилось экономическое положение миллионов людей и вместе с тем все больше укреплялась вера в разумность мира и в разумную сущность человека. Темные и дьявольские силы в человеческой натуре были отосланы к средневековью либо к еще более отдаленным временам и объяснялись недостатком в те времена знаний или коварными происками священников и королей.

На те периоды истории оглядывались, как на потухший вулкан, давно уже неопасный. Все были уверены, что те зловещие силы полностью уничтожены достижениями современной демократии, мир казался ярким и безопасным, словно залитые светом улицы современных городов. Войны казались последними реликтами давних времен, не хватало лишь еще одной, самой последней, чтобы покончить с ними навсегда. Экономические кризисы считались случайностями, хотя эти случайности и повторялись регулярно.

Когда фашизм пришел к власти, люди в большинстве своем не были к этому готовы. Ни теоретически, ни практически. Они были не в состоянии поверить, что человек может проявить такую предрасположенность к злу, такую жажду власти, пренебрежение к правам сла-

бых – и такое стремление к подчинению. Лишь немногие слышали клочкотание вулкана перед извержением. Благодушный оптимизм XIX в. потревожили – с очень разных позиций – Ницше и Маркс; несколько позже прозвучало предостережение З. Фрейда. По сути дела, Фрейд и его ученики имели лишь очень наивное представление о процессах, происходящих в обществе; большинство его попыток приложения психологии к социальным проблемам вело к ошибочным построениям; но, посвящая свои интересы исследованию индивидуальных психических и умственных расстройств, он вел нас на вершину вулкана и заставлял смотреть в бурлящий кратер.

Никто до Фрейда не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной мере определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике, само существование которого отрицалось рационалистами, но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Он научил нас понимать язык снов и соматических симптомов, язык несообразностей в человеческом поведении. Он открыл, что эти несообразности – как и вся структура характера – представляют собой реакции на воздействия внешнего мира, особенно на те, которые имели место в раннем детстве.

Но Фрейд был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные ею границы. Эти границы не позволяли ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни...

Фрейд принял традиционную установку, противопоставляющую человека и общество, а также традиционную доктрину о порочности человеческой природы. По Фрейду, человек в своей основе антисоциален. Общество должно приручать его, позволять ему какое-то удовлетворение его биологических – и поэтому непреодолимых – потребностей, но главная задача общества состоит в очищении и ограничении основных, низменных импульсов человека. В результате такого подавления этих импульсов происходит нечто волшебное: подавленные наклонности превращаются в стремления, имеющие культурную ценность, и, таким образом, становятся основой культуры. Этот стран-

ный переход от подавленного состояния к цивилизованному поведению Фрейд обозначил словом «сублимация».

Если степень подавления сильнее способности к сублимации, то индивиды становятся невротиками и подавление нужно ослабить. Но вообще существует обратная зависимость между удовлетворением человеческих стремлений и культурой: чем больше подавление, тем больше достижений культуры (и больше опасность невротических расстройств). В теории Фрейда отношение индивида к обществу является, по существу, статичным: индивид остается, в общем, одним и тем же, изменяясь лишь постольку, поскольку общество усиливает нажим на его естественные наклонности (тем самым принуждая к большей сублимации) либо допускает их более полное удовлетворение (тем самым приносит в жертву культуру).

Фрейд не избежал ошибки своих предшественников, формулировавших так называемые основные инстинкты человека. Его концепция человеческой природы является в основном отражением тех важнейших стремлений, которые проявляются в современном человеке. В концепции Фрейда индивид его культуры представляет «человека» вообще; а страсти и тревоги, характерные для человека в нашем обществе, возводятся в ранг неизменных сил, коренящихся в биологической природе человека.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих сказанное (например, рассмотреть социальную основу враждебности в современном человеке, эдипова комплекса...), но я хотел бы остановиться только на одном, поскольку это важно для всей концепции человека как существа социального. Фрейд всегда рассматривает человека в его отношениях с другими, но эти отношения представляются ему аналогичными тем экономическим отношениям, какие характерны для капиталистического общества.

Каждый работает для себя, сам по себе, на свой риск и – первоначально – вне сотрудничества с остальными. Но он не Робинзон Крузо; ему эти остальные необходимы как покупатели, рабочие или работодатели; он должен покупать и продавать, давать и брать. Эти отношения регулируются рынком, идет ли речь о товарах или о рабочей силе. Таким образом, индивид, первоначально одинокий, вступает в экономические отношения с другими людьми для достижения лишь одной цели – продать или купить. Концепция Фрейда о человеческих отношениях, по сути, копирует систему отношений экономических. Индивид

является нам с полным набором биологически обусловленных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Чтобы их удовлетворить, индивид вступает в отношения с другими. Таким образом, другие всегда являются «объектами», служат лишь средством для достижения цели: для удовлетворения каких-то стремлений, которые существуют в индивиде до того, как он вошел в контакт с другими.

Поле человеческих взаимоотношений, по Фрейду, аналогично рынку; оно определяется обменом удовлетворения биологических потребностей. При этом связь с другим индивидом всегда является лишь средством достижения цели, а не целью как таковой.

В противоположность точке зрения Фрейда анализ, предложенный в этой книге, основан на предположении, что ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих инстинктивных потребностей. Более того, мы предполагаем, что связь между человеком и обществом не является статичной. Нельзя представлять дело так, будто, с одной стороны, мы имеем индивида с определенным набором естественных потребностей, а с другой, – отдельно и независимо от него – общество, которое эти потребности удовлетворяет или подавляет. Конечно, существуют определенные потребности, общие для всех, обусловленные природой, – голод, жажда, секс, – но те стремления, которые приводят к различию человеческих характеров, – любовь или ненависть, жажда власти или тяга к подчинению, влечение к чувственному наслаждению или страх перед ним – все они являются продуктами социального процесса. Самые прекрасные, как и самые уродливые, наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию созидания личности. Человеческая натура – страсти человека и тревоги его – это продукт культуры, по сути дела, сам человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Главная задача социальной психологии состоит как раз в том, чтобы понять процесс формирования человека в ходе истории. Почему происходят изменения в человеческом характере при переходе от одной исторической эпохи к другой? Почему дух Возрождения отличает-

ся от духа средневековья? Почему человеческий характер в условиях монополистического капитализма уже не таков, каким был в XIX в.? Социальная психология должна объяснить, почему возникают новые способности и новые страсти, хорошие и дурные. Так, например, мы обнаруживаем, что с эпохи Возрождения и до наших дней люди исполнены пылким стремлением к славе. Это стремление, которое кажется столь естественным, было совсем нехарактерно для человека средневекового общества. За тот же период в людях развилось осознание красоты природы, которого прежде просто не существовало. В странах Северной Европы начиная с XVI в. в людях развилась неумная страсть к труду, которой до того не было у свободного человека.

Но не только люди создаются историей – история создается людьми. Разрешение этого кажущегося противоречия и составляет задачу социальной психологии. Она должна показать не только, как новые страсти, стремления и заботы возникают в результате социальных процессов, но и как человеческая энергия, в этих специфических формах ее проявления в свою очередь становится активной силой, формирующей эти социальные процессы. Так, например, стремление к славе и успеху и потребность в труде явились силами, без которых не мог бы развиваться современный капитализм, без этих стимулов никто не смог бы вести себя в соответствии с экономическими и социальными требованиями современной торгово-промышленной системы.

Фрейд представлял себе историю как результат действия психических сил, не подверженных социальному влиянию. Из вышеизложенного ясно, что точка зрения, представленная в данной работе, отличается от точки зрения Фрейда, поскольку мы подчеркиваем свое несогласие с его интерпретацией. Вместе с тем мы подчеркиваем свое несогласие и с теми теориями, которые отрицают роль человеческого фактора в динамике общественного развития. Это относится не только к социологическим теориям, которые прямо стремятся убрать из социологии любые психологические проблемы, как у Дюркгейма и его школы, но и к тем, которые так или иначе связаны с бихевиористской психологией.

Общей ошибкой всех этих теорий является убеждение, что у человеческой натуры нет своей динамики, что психические изменения можно объяснить лишь как развитие новых «привычек», возникающих в процессе адаптации к изменившимся условиям...

Для полного понимания того, что было сказано до сих пор, и всего того, что последует ниже, здесь было необходимо определить понятие адаптации. Одновременно мы покажем, какой смысл вкладывается в понятие психических механизмов и законов.

Целесообразно различать «статическую» и «динамическую» адаптацию. Статической мы называем такую адаптацию, при которой характер человека остается неизменным и лишь появляются какие-то новые привычки, например, переход от китайского способа еды палочками к европейскому – вилкой и ножом. Китаец, приехав в Америку, приспосабливается к этому новому для него обычаю, но такая адаптация сама по себе вряд ли приведет к изменению его личности – ни новых черт характера, ни новых стремлений он не приобретет.

Примером динамической адаптации может послужить такая, когда ребенок подчиняется строгому, суровому отцу, он слишком боится отца, чтобы поступать иначе, и становится «послушным». В то время как он приспосабливается к неизбежной ситуации, в нем что-то происходит. Может развиться интенсивная враждебность по отношению к отцу, которую он будет подавлять, ибо не только проявить, но даже осознать ее было бы слишком опасно. Эта подавленная враждебность, хотя она никак не проявляется: становится динамическим фактором его характера. Она может усилить страх ребенка перед отцом и тем самым повести к еще большему подчинению, может вызвать беспредметный бунт не против кого-либо конкретно, а против жизни вообще. Здесь, как и в первом случае, индивид приспосабливается к внешним условиям, но такое приспособление изменяет его; в нем возникают новые стремления, новые тревоги. Любой невроз – это пример подобной динамической адаптации к таким условиям, которые являются для индивида иррациональными – особенно в раннем детстве – и, в общем, неблагоприятными для роста и развития ребенка.

Аналогично социально-психологические явления, проявляющиеся у целых общественных групп и сопоставимые с невротическими, например, наличие явно выраженных разрушительных или садистских импульсов, иллюстрируют динамическую адаптацию к социальным условиям, иррациональным и вредным для взрослых людей. Почему такие явления нельзя считать невротическими, мы обсудим позднее.

Кроме вопроса о том, какого рода адаптация имеет место в том или ином случае, необходимо ответить и на другие вопросы: что именно заставляет людей приспосабливаться почти к любым, хоть сколь-

нибудь приемлемым условиям жизни и где границы этой приспособляемости? Прежде всего, мы обращаем внимание на то, что одни черты человеческой природы являются более гибкими, а другие – менее. Те черты характера, те стремления, которые отличают людей друг от друга, проявляют чрезвычайно широкую эластичность. Дружелюбие или враждебность и разрушительность, жажда власти или стремление к подчинению, отчужденность, тенденция к самовозвеличению, скупость, тяга к чувственным наслаждениям или страх перед ними – все эти и многие другие стремления и страхи, которые можно обнаружить в человеке, развиваются как реакции на определенные условия жизни. Они достаточно устойчивы. Превратившись в черты человеческого характера, они исчезают или трансформируются в другие побуждения с большим трудом. Но эти же черты характера являются гибкими в том смысле, что индивиды, особенно в детстве, развивают ту или иную склонность в соответствии с обстановкой, в которой им приходится жить. Ни одна из таких склонностей не является изначально присущей человеку.

В противовес этим приобретенным потребностям существуют и другие, обусловленные физиологической организацией человека. Утоление голода, жажды, сон и т. д. – все эти потребности действительно внутренне присущи природе человека и властно требуют удовлетворения. Для каждой из них существует определенный порог, за которым неудовлетворенность становится непереносимой; при переходе этого порога стремление к удовлетворению потребности становится всепоглощающим. Физиологически обусловленные потребности можно объединить и определить как потребность самосохранения. Она составляет такую часть природы человека, которая требует удовлетворения при любых условиях и поэтому является первичным мотивом человеческого поведения. Говоря проще, человек должен иметь возможность спать, есть, пить, защищать себя от врагов и т. д.

Чтобы иметь такую возможность, он должен трудиться и создавать все для этого. Однако «труд» – это не абстрактная категория; труд всегда конкретен, это вполне определенная работа в определенной экономической системе. Крепостной крестьянин в феодальном хозяйстве, земледelec в индейском пуэбло, независимый предприниматель в капиталистическом обществе, продавщица универмага, рабочий у конвейера на заводе – эти различные виды деятельности требуют совер-

шенно различных характеров и приводят к различным отношениям с окружающими. Стоит человеку родиться, и он оказывается на уже готовой сцене. Он должен есть и пить, поэтому должен работать; а условия и способы его работы детерминированы тем обществом, в котором он родился. Оба фактора – его потребность жить и социальная система – не могут быть изменены одним, отдельно взятым индивидом; эти факторы и определяют развитие тех его черт, которые имеют большую пластичность. Образ жизни, обусловленный особенностями экономической системы, превращается в основополагающий фактор, определяющий характер человека, ибо властная потребность самосохранения вынуждает его принять условия, в которых ему приходится жить...

Физиологические потребности – это не единственная необходимо присущая, императивная часть натуры человека. Есть еще одна, столь же непреодолимая, она не коренится в физиологических процессах, но составляет самую сущность человеческого бытия – это потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества. Чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод – к смерти. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами и это дает ему чувство общности и «принадлежности». Вместе с тем индивид может жить среди людей, но при этом испытывать чувство полной изолированности; если это переходит какую-то грань, то возникает умственное расстройство шизофренического типа. Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством. И можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное.

Духовная связанность с миром может принимать самые различные формы: отшельник в своей келье, верящий в бога, или политзаключенный в одиночке, чувствующий единство с товарищами по борьбе, – они не одиноки морально. Английский джентльмен, не снимающий смокинга в самой экзотической обстановке, или мелкий буржуа, оторванный от своей среды, – они чувствуют себя заодно со своей нацией или какими-то ее символами. Связанность с миром может носить воз-

вышненный или тривиальный характер, но, даже если она основана на самых низменных началах, все равно она гораздо предпочтительнее одиночества. Религия и национализм, как и любые обычаи, любые предрассудки – даже самые нелепые и унижительные, – спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного – изоляции.

Насущная потребность спастись от моральной изоляции ярко описана Бальзаком в «Страданиях изобретателя». «Так запомни же, запечатлей это в своем еще столь восприимчивом мозгу: человека страшит одиночество. А из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное. Отшельники древности жили в общении с богом, они пребывали в самом населенном мире, в мире духовном... Первая потребность человека, будь то прокаженный или каторжник, отверженный или недужный, – обрести товарища по судьбе. Жажда утолить это чувство, человек расточает все свои силы, все свое могущество, весь пыл своей души. Не будь этого всепожирающего желания, неужто сатана нашел бы себе сообщников? Тут можно написать целую поэму, как бы вступление к «Потерянному раю», этому поэтическому оправданию мятежа».

Попытка ответить на вопрос, почему в человеке так силен страх перед изоляцией, увела бы нас далеко от темы, которую мы исследуем в этой книге. Но чтобы читатель не подумал, что в этом стремлении быть заодно с другими есть что-то мистическое, я хотел бы наметить направление, в котором можно искать ответ.

Важная сторона дела состоит в том, что человек не может жить без какого-то сотрудничества с другими. В любом мыслимом обществе человек должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить, либо для защиты от врагов и опасностей природы, либо для того, чтобы иметь возможность трудиться и производить средства к жизни. Даже у Робинзона был свой Пятница, без которого он, наверно, не только, в конце концов, сошел бы с ума, но и умер. Необходимость в помощи особенно ощутима в раннем детстве. Младенец не в состоянии самостоятельно выполнять важнейшие жизненные функции, поэтому связь с другими людьми – для него вопрос жизни и смерти. Оказаться в одиночестве – это серьезнейшая угроза самому существованию ребенка.

Однако есть еще одна причина, по которой принадлежность к общности становится столь насущно необходимой – это субъективное самосознание. Способность мыслить позволяет человеку и заставляет его осознать себя как индивидуальное существо, отдельное от природы и от остальных людей. Как будет показано в следующей главе, степень этого осознания может быть различной, но оно существует всегда. И в результате возникает сугубо человеческая проблема: сознавая свою отдельность, сознавая – пусть даже очень смутно – неизбежность болезней, старости и смерти, человек не может не чувствовать, как он незначителен, как мало значит в сравнении с окружающим миром, со всем тем, что не входит в его «Я». Если он не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнестись себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл, в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способности действовать, а значит, и жить...

Фундаментальная связь между человеком и свободой чрезвычайно показательна отображена в библейском мифе об изгнании из рая. Миф отождествляет начало человеческой истории с актом выбора, но при этом особо подчеркивает греховность этого первого акта свободы и те страдания, которые явились его следствием. Мужчина и женщина живут в садах Эдема в полной гармонии друг с другом и природой. Там мир и покой, там нет нужды в труде: нет выбора, нет свободы, даже размышления не нужны. Человеку запрещено вкушать от древа познания добра и зла. Он нарушает этот запрет и лишает себя гармонии с природой, частью которой он являлся, пока не вышел за ее пределы. С точки зрения церкви, представляющей собой определенную структуру власти, этот поступок является бесспорно греховным. Однако с точки зрения человека – это начало человеческой свободы. Нарушив установленный богом порядок, он освободился от принуждения, возвысился от бессознательного предчеловеческого существования до человеческого. Нарушение запрета, грехопадение, в позитивном человеческом смысле является первым актом выбора, актом свободы, то есть первым человеческим актом вообще. Согласно мифу, формально грех состоял в том, что человек вкусил от древа познания. Таким обра-

зом, акт неподчинения, акт свободы прямо связывается с началом человеческого мышления.

Миф говорит и о других последствиях этого первого акта свободы. Разрушается первоначальная гармония между человеком и природой. Бог объявляет войну между мужчиной и женщиной, между человеком и природой. Человек отделился от природы, став «индивидом», он сделал первый шаг к тому, чтобы стать человеком. Он совершил первый акт свободы, и миф подчеркивает страдания, возникшие в результате этого акта. Обособившись от природы, отделившись от другого человеческого существа, человек видит себя нагим и ощущает стыд. Он одинок и свободен, но беспомощен и напуган. Только что обретенная свобода оборачивается проклятием – человек свободен от сладостных уз рая, но не свободен сам собой руководить, не может реализовать свою личность. «Свобода от...» не идентична позитивной свободе. Выход человека из природы – это длительный процесс: человек остается в значительной степени привязан к тому миру, из которого вышел, он остается частью природы. Тут и земля, на которой он живет, и солнце, и луна, и звезды, деревья, и цветы, и животные, и люди, с которыми он связан кровным родством. Первобытные религии свидетельствуют о чувстве единства человека с природой. Живая и даже неживая природа является в них частью человеческого мира, иными словами, человек сам остается еще частью мира природы.

Первичные узы блокируют его человеческое развитие. Они стоят на пути развития его разума и критических способностей, они позволяют ему осознавать себя и других лишь в качестве членов племени, социальной или религиозной общины, а не в качестве самостоятельных человеческих существ. Другими словами, первичные узы мешают человеку стать свободным творческим индивидом, самостоятельно определяющим собственную жизнь. Но это лишь одна сторона дела, а есть еще и другая. Та же идентичность с природой, племенем, религией дает индивиду ощущение уверенности. Он принадлежит к какой-то целостной структуре, он является частью этой структуры и занимает в ней определенное, бесспорное место. Он может страдать от голода или угнетения, но ему не приходится страдать от наихудшего – от полного одиночества и сомнений.

Как видим, процесс развития человеческой свободы имеет тот же диалектический характер, какой мы обнаружили в процессе индивидуального роста. С одной стороны, это процесс развития человека, овла-

дения природой, возрастания роли разума, укрепления человеческой солидарности. Но, с другой – усиление индивидуализации означает и усиление изоляции, неуверенности, а, следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни. Вместе с этим растет и чувство бессилия и ничтожности отдельного человека.

Если бы процесс развития человечества был гармоничным, если бы он следовал определенному плану, то обе стороны этого развития – растущее могущество и растущая индивидуализация – могли бы уравновеситься. На самом же деле история человечества – это история конфликта и разлада.

Каждый шаг по пути большей индивидуализации угрожал людям новыми опасностями. Первичные узы, уже разорванные, невозстановимы: человек не может вернуться в потерянный рай. Для связи индивидуализированного человека с миром существует только один продуктивный путь – активная солидарность с другими людьми, спонтанная деятельность (любовь и труд), которые снова соединяют его с миром, но уже не первичными узами, а как свободного и независимого индивида.

Однако, если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека не могут стать основой для такой позитивной реализации личности, и одновременно люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности, то такой разрыв превращает свободу в невыносимое бремя – она становится источником сомнений, влечет за собой жизнь, лишенную цели и смысла. И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы – уйти в подчинение или найти какой-то другой способ связаться с людьми и миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы.

История Европы и Америки с конца средних веков – это история полного обособления индивида. Этот процесс начался в Италии в эпоху Возрождения и, по-видимому, достиг своей наивысшей точки только сейчас. Потребовалось больше четырехсот лет, чтобы разрушить средневековый мир и освободить людей от самых явных ограничений. Во многих отношениях индивид вырос, развился умственно и эмоционально, степень его участия в культурных достижениях приобрела неслыханные прежде масштабы. Но в то же время диспропорция

между свободой от каких-либо связей и ограниченными возможностями для позитивной реализации свободы и индивидуальности привела в Европе к паническому бегству от свободы в новые узлы или по меньшей мере к позиции полного безразличия.

Наше исследование значения свободы для современного человека мы начнем с анализа той обстановки, которая существовала в Европе в средние века и в начале Нового времени. В этот период экономический базис западного общества претерпел радикальные перемены, которые сопровождались столь же радикальными изменениями в психике человека. Тогда же возникла и новая концепция свободы, получившая наиболее яркое идеологическое выражение в новых религиозных доктринах Реформации. Понимание свободы в современном обществе невозможно без рассмотрения этого периода, в течение которого закладывались основы современной культуры. Именно тогда – в начале формирования современного человека – яснее, чем в любое последующее время, проявилась та двойственность свободы, с которой мы имеем дело в течение всего Нового времени: с одной стороны, растущая независимость человека от внешних властей, с другой – его растущая изолированность, а в результате и растущее чувство ничтожности и бессилия. Мы сможем лучше понять новые элементы в характере современного человека, если проследим их возникновение. Изучая основные особенности капитализма и индивидуализма у самых истоков их появления, мы можем сопоставить их с экономической системой и с типом характера личности, которые фундаментально отличались от наших. Именно этот контраст позволяет лучше осветить характерные черты современной социальной системы и то влияние, которое она оказывает на характеры людей, живущих в этой системе. А отсюда и особенности нового духа, возникшего в результате этих изменений в человеческой психике...

Несмотря на все очевидные различия между двумя эпохами, с XVI в., пожалуй, не было другого периода, который был бы настолько похож на нынешнее время, с точки зрения двойственного смысла свободы, как период Реформации. Реформация – это один из источников идеи свободы и автономии человека в том виде, как эта идея представлена в современных демократиях. Всегда подчеркивается именно этот аспект Реформации, особенно в некатолических странах. При этом, однако, забывают о другом аспекте Реформации – об ее акценте на

порочность человеческой природы, на ничтожность и беспомощность индивида, на необходимость подчинения индивида внешней силе. Та же идея ничтожности отдельной личности, ее принципиальной неспособности полагаться на себя, ее потребности в подчинении составляет главный тезис идеологии Гитлера, в которой, однако, не нашлось места для понятий свободы и моральных принципов, характерных для протестантизма.

Это идеологическое подобие не единственное, что делает изучение XV и XVI вв. особенно полезным для понимания современной картины. Налицо также фундаментальное сходство социальной обстановки. Я постараюсь показать, как от этого сходства зависит сходство идеологическое и психологическое. В те времена, как и ныне, традиционные жизненные устои значительной части населения находились под угрозой вследствие революционных перемен в экономическом и социальном плане; средний класс, как и теперь, испытывал особенно сильный страх перед подавляющей мощью крупного капитала и монополий, и этот страх оказывал существенное влияние на дух и идеологию той части общества, которая находилась под угрозой, обостря чувства одиночества и бессилия, присущие отдельно взятым людям < ... >.

Вопросы к тексту

1. Проанализируйте состояние современного общества. Какой смысл автор заложил в понятие «бегство от свободы»?
2. Раскройте содержание понятия «свободы».
3. Определите роль психологических факторов в процессе общественного развития.
4. Выявите различия подходов З. Фрейда и Э. Фромма относительно роли человека в обществе.
5. Определите задачи социальной психологии?
6. Охарактеризуйте понятия адаптации.
7. Каковы причины, заставляющие людей приспосабливаться к условиям жизни?
8. Проанализируйте границы человеческой свобода. Как Э. Фромм объяснил «свободу от...»?

3.4.3. Э. Фромм. «Искусство любить»

Работа с текстом.

Прочитайте выдержки из произведения Э. Фромма «Искусство любить»¹³ и выполните задания в конце текста.

< ... > Чтение этой книги принесет разочарование тому, кто ожидает доступной инструкции в искусстве любви. Эта книга, как раз напротив, ставит целью показать, что любовь – не сентиментальное чувство, испытать которое может всякий человек независимо от уровня достигнутой им зрелости. Она хочет убедить читателя, что все его попытки любви обречены на неудачу, если он не стремится более активно развивать свою личность в целом, чтобы достичь продуктивной ориентации; что удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины. В культуре, где эти качества редки, обретение способности любить обречено оставаться редким достижением. Пусть каждый спросит себя, как много действительно любящих людей он встречал.

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь – это приятное чувство, испытать которое – дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи. Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей сегодня, несомненно, исходят из второй. Не то чтобы люди считали любовь делом неважным. Они ее жаждут, они смотрят бесчисленное количество фильмов о счастливых и несчастливых любовных историях, они слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви. Эта особая установка основывается на нескольких предпосылках, которые порознь и в сочетании имеют тенденцию способствовать ее сохранению.

Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтоб любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины,

¹³ Фромм Э. Искусство любить / <http://www.litres.ru/erih-fromm> (*адаптирован – В. Ч.*).

заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д. Иные пути обретения собственной привлекательности, используемые и мужчинами, и женщинами, состоят в том, чтобы выработать хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, непритязательность. Многие пути обретения способности возбуждать любовь к себе являются теми же самыми путями, которые используются для достижения удачливости, для обретения полезных друзей и влиятельных связей. Очевидно, что для большинства людей нашей культуры умение возбуждать любовь это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности.

Вторая предпосылка отношения к любви как к чему-то, не требующему обучения, состоит в допущении, что проблема любви – это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви, – или оказаться любимым этим объектом, – трудно. Эта установка имеет несколько причин, коренящихся в развитии современного общества. Одна причина в большой перемене, произошедшей в двадцатом веке в отношении выбора «объекта любви». В викторианскую эпоху, как и во многих традиционных культурах, любовь не была в большинстве случаев спонтанным, личным переживанием, которое затем должно было вести к браку. Напротив, брак основывался на соглашении – то ли между семьями, то ли между посредниками в делах брака, то ли без помощи таких посредников; он заключался на основе учета социальных условий, а любовь, как полагали, начнет развиваться с того времени, как брак будет заключен. В течение нескольких последних поколений всеобщим стало в западном мире понятие романтической любви. В Соединенных Штатах, хотя соображения договорной природы брака еще полностью не вытеснены, большинство людей ищут романтической любви, личного переживания любви, которое затем должно повести к браку. Это новое понимание свободы любви должно было в значительной мере повысить значение объекта в ущерб значению функции.

С этим фактором тесно связана другая характерная черта современной культуры. Вся наша культура основана на жажде покупать, на

идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить или за наличные или в рассрочку. Он (или она) и на людей глядят подобным образом. Для мужчины привлекательная женщина – для женщины привлекательный мужчина – это добыча, которой они являются друг для друга. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые популярны и искомы на личностном рынке. Что особенно делает человека привлекательным – это зависит от моды данного времени как физической, так и духовной. В 20 гг. привлекательной считалась умеющая пить и курить, разбитная и сексуальная женщина, а сегодня мода требует больше домовитости и скромности. В конце XIX и в начале XX вв. мужчина, чтобы стать привлекательным «товаром», должен был быть агрессивным и честолюбивым, сегодня он должен быть общительным и терпимым. К тому же чувство влюбленности развивается обычно только в отношении такого человеческого товара, который находится в пределах досягаемости собственного выбора. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут быть развиты со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви. Если двое чужих друг другу людей, какими все мы являемся, вдруг позволят разделяющей их стене рухнуть, этот момент единства станет одним из самых волнующих переживаний в жизни. В нем все наиболее прекрасное и чудодейственное для людей, которые были прежде разобщены, изолированы, лишены любви. Это чудо неожиданной близости часто случается легче, если она начинается с физического влечения и его удовлетворения. Однако такого типа любовь по самой своей природе

недолговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все более и более утрачивает чудесный характер, пока, наконец, их антагонизм, их разочарование, их пресыщенность друг другом не убивает то, что осталось от их первоначального волнения. Вначале они не знали этого всего, их, действительно, захватила волна слепого влечения. «Помешательство» друг на друге – доказательство силы их любви, хотя оно могло бы свидетельствовать только о степени их предшествующего одиночества.

Эта установка, что ничего нет легче, чем любить, – продолжает оставаться преобладающей идеей относительно любви вопреки подавляющей очевидности противного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же терпело бы крах с такой неизменностью, как любовь. Если бы это касалось какой-либо иной деятельности, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи, и научились бы поступать наилучшим для данного дела образом – или отказались бы от этой деятельности. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно адекватный способ избежать неудачи в любви – исследовать причины этой неудачи и перейти к изучению смысла любви.

Первый шаг, который необходимо сделать, это осознать, что любовь – это искусство, такое же, как искусство жить. Если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству.

Какие шаги необходимы в обучении любому искусству?

Процесс обучения искусству можно последовательно разделить на два этапа: первый – овладение теорией, второй – овладение практикой. Если я хочу научиться искусству медицины, я должен в первую очередь познать определенные факты относительно человеческого тела и относительно различных болезней. Но даже когда я обрету все эти теоретические знания, я все еще не смогу считаться сведущим во врачебном искусстве. Я стану мастером в этом деле после длительной практики, когда, наконец, результаты моего теоретического знания и результаты моей практики сольются в одно – в мою интуицию, составляющую сущность мастерства в любом искусстве. Но наряду с теорией и практикой существует третий фактор, необходимый для того, чтобы

стать мастером в любом искусстве – овладение искусством должно стать предметом наивысшего сосредоточения; не должно существовать в мире ничего более важного, чем это искусство. Это относится к музыке, медицине, к столярному искусству, а также и к любви. И, может быть, именно здесь содержится ответ на вопрос, почему люди нашей культуры так редко изучают это искусство вопреки их очевидным неудачам в нем. Вопреки глубоко коренящейся жажде любви, почти все иное считается едва ли не более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть. Почти вся наша энергия употребляется на обучение достижению этих целей, и почти никакой – на обучение искусству любви.

Может, достойными затраты сил на обучение надо считать только те вещи, при помощи которых можно приобрести деньги или престиж, а любовь, которая приносит пользу «только душе», но бесполезна в современном смысле, является роскошью, которой мы не вправе отдавать много энергии? Как бы там ни было, дальнейший ход рассмотрения в этой книге будет основываться на приведенном ниже разделении. Во-первых, я рассмотрю теорию любви – это займет большую часть книги, и, во-вторых, я рассмотрю практику любви – насколько можно вообще говорить о практике в этой, как и в любой другой области.

Теория любви.

Любовь – ответ на проблему человеческого существования. Любая теория любви должна начинаться с теории человека, человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь, вернее, эквивалент любви, уже у животных, их привязанности являются, в основном, частью их инстинктивной природы, у человека же действуют лишь остатки этих инстинктов. Что действительно существенно в существовании человека так это то, что он вышел из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, переступил пределы природы. И все же однажды оторвавшись от нее, он не может вернуться к ней; однажды он был изгнан из рая – состояния первоначального единства с природой – и ангел с огненным мечом преградит ему путь, если б он захотел вернуться. Человек может идти только вперед, развивать свой разум, находя новую гармонию...

Человек одарен разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя, как отдельного существа, осознание краткости

собственной жизни того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше его, и осознание собственного одиночества и отдаленности, собственной беспомощности перед силами природы и общества – все это делает его отчужденное, разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с людьми, с окружающим миром.

Переживание отдаленности рождает тревогу, оно является источником всякой тревоги. Быть отделенным – значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Быть отделенным это значит быть беспомощным, неспособным активно владеть миром – вещами и людьми, это значит, что мир может наступать на меня, а я при этом неспособен противостоять ему. Таким образом, отдаленность – это источник напряженной тревоги. Кроме того, она рождает стыд и чувство вины. Это переживание вины и стыда в связи с отдаленностью выражено в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того, как Адам и Ева вкусили от «древа познания добра и зла», после того как они ослушались (нет добра и зла, пока нет свободы послушания), после того, как они стали людьми, высвободившись из первоначальной животной гармонии с природой, т. е. после их рождения в качестве человеческих существ, – они увидели, что «они нагие, и устыдились». Должны ли мы предположить, что миф, такой древний и простой как этот, несет в себе стыдливую мораль, свойственную XIX в., и что самая главная вещь, которую эта история желает нам сообщить, состоит в том, что они пришли в смущение, увидев, что их половые органы открыты посторонним взглядам? Едва ли это так. Понимая эту историю в викторианском духе, мы утратим главную ее мысль, которая, как нам кажется, состоит в следующем: после того, как мужчина и женщина начали осознавать самих себя и друг друга, они осознали свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам. Но как только они поняли свою отдаленность, они стали чужими друг другу, потому что еще не научились любить друг друга (что вполне понятно хотя бы из того, что Адам защищал себя, обвиняя Еву, вместо того, чтобы пытаться защитить ее). Осознание человеческой отдаленности без воссоединения в любви это источник стыда и в то же время это источник вины и тревоги. Таким образом, глубочайшую потребность человека составляет потребность преодо-

леть свою отдаленность, покинуть тюрьму своего одиночества. Полная неудача в достижении этой цели означает безумие, потому что панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отходом от всего окружающего мира, чтобы исчезло чувство отдельности, чтобы внешний мир, от которого человек отделен, сам перестал существовать.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отдаленность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение. Этот вопрос оставался тем же для примитивного человека, жившего в пещерах, для кочевника, заботившегося о своих стадах, для крестьянина в Египте, для финикийского купца, для римского солдата, для средневекового монаха, для японского самурая, для современного клерка и фабричного рабочего. Вопрос остается тем же самым, потому что той же самой остается его основа: человеческая ситуация, условия человеческого существования. Ответы различны. На этот вопрос можно ответить поклонением животным, людскими жертвами, милитаристским захватом, погружением в роскошь, аскетическим отречением, одержимостью работой, художественным творчеством, любовью к богу и любовью к человеку. Хотя существует много ответов, набор которых и является человеческой историей, они тем не менее не бесчисленны. Напротив, если не брать в расчет малые различия, которые касаются скорее отдельных частных случаев, чем сути дела, то придется признать, что существует только ограниченное число ответов, которые были даны и могли быть даны человеком в различных культурах, в которых он жил. История религии и философии это история этих ответов, их разнообразия, как и их ограниченности.

Ответ в определенной степени зависит от уровня индивидуальности, достигнутой человеком. У младенца «я» уже развито, но еще очень слабо, он не чувствует отдаленности, пока мать рядом. От чувства отдаленности его оберегает физическое присутствие матери, ее грудь, ее тело. Только начиная с той поры, когда в ребенке развивается чувство своей отдаленности и индивидуальности, ему становится недостаточно уже присутствия матери, и начинает возрастать потребность иными путями преодолеть отдаленность.

Сходным образом человеческий род в своем младенчестве еще чувствовал единство с природой. Земля, животные, деревья – все еще составляли мир человека. Он отождествлял себя с животными, и это вы-

ражалось в ношении звериных масок, поклонении тотему животного и животным-богам. Но чем больше человеческий род порывал с этими первоначальными узами, чем более он отделялся от природного мира, тем более напряженной становилась потребность находить новые пути преодоления отдаленности...

Многие ритуалы примитивных племен представляют живую картину такого типа решения проблемы. В состоянии транса экзальтации исчезает внешний мир, а вместе с ним и чувство отдаленности от него. Ввиду того, что эти ритуалы практиковались сообща, сюда прибавлялось переживание слияния с группой, которое делало это решение еще более эффективным.

В примитивном обществе группа мала, она состоит из тех, кто связан между собой узами крови и земли. С развитием культуры группа увеличивается: она становится сообществом граждан полиса, сообществом граждан большого государства, сообществом членов церкви. Даже бедный римлянин испытывал чувство гордости, потому что он мог сказать «Я – римский гражданин». Рим и империя были его семьей, его домом, его миром. Единение с группой всё еще является и в современном западном обществе преобладающим способом преодоления отдаленности. Это единство, в котором индивид в значительной степени утрачивает себя, цель его в том, чтобы слиться со стадом. Если я похож на кого-то еще, если я не имею отличающих меня чувств или мыслей, если я в привычках, одежде, идеях приспособлен к образцам группы, я спасен, спасен от ужасающего чувства одиночества. Чтобы стимулировать приспособляемость, диктаторские системы используют угрозы и насилие, демократические страны – внушение и пропаганду. Правда, между двумя системами существует одно большое различие. В демократических странах неприспособленность возможна и фактически отсутствует не полностью; в тоталитарных системах только некоторые редкие герои и мученики могут отказаться от послушания. Но вопреки этой разнице демократические общества демонстрируют поразительный уровень приспособленчества. Причина здесь в том, что должен же существовать ответ на запрос в единении, и если нет другого или лучшего ответа, тогда господствующим становится единение стадного приспособленчества. Только тот вполне может понять, как силен страх оказаться непохожим, отличающимся, страх отойти на несколько шагов от стада, кто понимает глубину потребности в единстве. Иногда этот страх не приспособиться рациона-

лизируется как страх перед практическими опасностями, которые угрожают не конформисту. Но на самом деле люди хотят приспособиться в гораздо большей степени, чем они вынуждены приспособляться. По крайней мере, в западных демократиях.

Большинство людей даже не осознают своей потребности в приспособлении. Они живут с иллюзией, что они следуют своим собственным идеям и наклонностям, что они оригинальны, что они приходят к своим убеждениям в результате собственного раздумья – и что это просто так получается, что их идеи схожи с идеями большинства. Согласие всех служит доказательством правильности «их» идей. Поскольку все же существует потребность чувствовать некоторую индивидуальность, то такая потребность удовлетворяется при помощи незначительных отличий: инициалы на сумке или свитере, вывеска с названием банковского кассира, принадлежность к демократической или, напротив, к республиканской партии, к клубу ЭЛКС, а не к клубу Шрайнерс, становятся выражением индивидуальных отличий. Рекламируемый лозунг «это другое» (*it is different*) показывает эту патетическую потребность в отличии, тогда как в действительности оно здесь малосущественно.

Эта все возрастающая тенденция к уничтожению различий тесно связана с пониманием и переживанием равенства, как оно развилось в наиболее передовых индустриальных обществах. Равенство означало, в религиозном контексте, что все мы дети бога, что все мы обладаем одной и той же человеко-божественной субстанцией, что все мы едины. Оно означало также, что должны уважаться все различия между индивидами, что хотя и верно, что все мы составляем единство, но так же верно, что каждый из нас является уникальной сущностью, космосом в себе. Такое утверждение уникальности индивида выражено, например, в положении Талмуда: «Кто сохранит одну жизнь, это все равно, как если бы он спас весь мир; кто уничтожит одну жизнь – это все равно, как если бы он уничтожил весь мир». Равенство как условие развития индивидуальности имело значение также в философии западного Просвещения. Оно означало (будучи наиболее ясно сформулировано И. Кантом), что никакой человек не может быть средством для целей другого человека. Все люди равны, поскольку все они цели и только цели, и ни в коем случае не средства друг для друга. Следуя идеям Просвещения, социалистические мыслители разных школ опре-

деляли равенство как отмену эксплуатации, использования человека человеком, независимо от того, жестоко это использование или «человечно».

В современном капиталистическом мире понятие равенства изменилось. Под равенством понимают равенство автоматов: людей, которые лишены индивидуальности. Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество абстракций, людей, которые работают на одних и тех же работах, имеют похожие развлечения; читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи. В этом положении приходится с некоторым скептицизмом смотреть на иные достижения, обычно восхваляемые, как некие знаки нашего прогресса, как, например, равенство женщин. Нет необходимости говорить, что я не выступаю против равенства женщин; но положительный аспект этого стремления к равенству не должен никого вводить в заблуждение. Это часть общего стремления к уничтожению различий. Равенство покупается дорогой ценой – женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины. Утверждение философии Просвещения – душа не имеет пола – стало общей практикой. Полярная противоположность полов исчезает, и с ней – эротическая любовь, основанная на этой полярности. Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса. Современное общество проповедует идеал неиндивидуализированной любви, потому что нуждается в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате, действующей исправно, без трений; чтоб все повиновались одним и тем же приказам, и при этом каждый был бы убежден, что он следует своим собственным желаниям. Как современная массовая продукция требует стандартизации изделий, так и социальный процесс требует стандартизации людей, и их стандартизация называется «равенством».

Единение посредством приспособления не бывает сильным и бурным. Оно осуществляется тихо, диктуется шаблоном и именно по этой причине часто оказывается недостаточным для усмирения тревоги одиночества. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современном западном обществе являются симптомами этой относительной неудачи в приспособлении. Более того, этот выход из проблемы затрагивает, в основном, ум, а не тело, и потому он не идет ни в какое сравнение с оргиастическим решением проблемы. Стадный

конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех–пяти лет, и впоследствии уже никогда не утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как свое последнее значительное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом.

В добавление к приспособлению, как пути спасения от тревоги, порожаемой одиночеством, следует учитывать другой фактор современной жизни: роль шаблона работы и шаблона развлечений. Человек становится, как говорят, «от девяти до пяти», частью армии рабочих или бюрократической армии клерков и управляющих. У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны: бодрость, терпимость, надежность, чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с другими людьми. Развлечения тоже сходным образом заданы, хотя и не так жестко. Книжки выбираются книжными клубами, фильмы и зрелища – хозяевами театров и кинотеатров, которые оплачивают рекламу. Отдых тоже унифицирован: в воскресенье автомобильная прогулка, сбор у телевизора, партия в карты, дружеская вечеринка. От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни заданы заранее и подчинены шаблону. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?

Третий путь обретения единства состоит в творческой деятельности, в том, чтобы стать артистом или мастером. В любом виде творческой работы творческий человек объединяет себя со своим материалом, репрезентирующим внешний мир. Делает ли столяр стол, создает ли ювелир элемент драгоценного изделия, выращивает ли крестьянин свое зерно, рисует ли художник картину, во всех видах творческой деятельности творец и его предмет становятся чем-то единым, в процессе творения человек объединяет себя с миром. Это, однако, верно

только для созидательного труда, труда, в котором я сам планирую, произвожу, вижу результат своего труда. В современном рабочем процессе клерка, рабочего на бесконечном конвейере мало что осталось от этого объединяющего свойства труда. Рабочий стал придатком машины или бюрократической организации. Перестал быть самим собой, а значит, для единения не осталось места, если не считать единения при-способления... Полный ответ – в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви.

Желание межличностного слияния – наиболее мощное стремление в человеке. Это наиболее фундаментальное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества. Неудача в его достижении ведет к безумию или уничтожению – уничтожению себя и других. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако ж, если мы называем достижение межличностного союза любовью, мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Слияние может быть достигнуто различными способами, и различие их имеет не меньше значения, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Все ли они должны называться любовью? Или мы должны сохранить слово «любовь» только для особенного вида единения, которое имеет идеальную ценность во всех великих гуманистических религиях и философских системах прошедших четырех тысячелетий истории Запада и Востока?

Как и во всех семантических проблемах, ответ может быть только произвольным. Важно, чтобы мы знали, какой вид единения мы имеем в виду, когда говорим о любви. Или мы имеем в виду любовь, как зрелый ответ на проблему существования, или мы говорим о незрелых формах любви, которые могут быть названы симбиотическим союзом. На следующих страницах я буду называть любовью только первую форму. А начну обсуждение «любви» с последней.

Симбиотическое единство имеет свою биологическую модель в отношениях между беременной матерью и отцом. Они являются двумя существами и в то же время чем-то единым. Они живут «вместе» (sym – biosis), они необходимы друг другу. Плод – часть матери, он получает все необходимое ему от нее. Мать это как бы его мир, она питает его, защищает, но также и ее собственная жизнь усиливается благодаря ему. В этом симбиотическом единстве два тела психически независимы, но тот же вид привязанности может существовать и в психологической сфере.

Пассивная форма симбиотического единства – это подчинение или, если воспользоваться клиническим термином, – мазохизм. Мазохист избегает невыносимого чувства изоляции и одиночества, делая себя неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, является как бы его жизнью и кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение: будь то человек или бог. Он – все, я – ничто, я всего лишь часть его. Как часть, я часть величия, силы, уверенности. Мазохист не должен принимать решений, не должен идти ни на какой риск; он никогда не бывает одинок, но не бывает и независим. Он не имеет целостности, он еще даже не родился по-настоящему. В религиозном контексте объект поклонения – идол, в светском контексте в мазохистской любви действует тот же существенный механизм, что и в идолопоклонстве. Мазохистские отношения могут быть связаны с физическим, сексуальным желанием, в этом случае имеет место подчинение, в котором участвует не только ум человека, но и его тело. Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиком, гипнотическим трансом – во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя, он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического единства это господство, или, используя психологический термин, соотносимый с мазохизмом, – садизм. Садист хочет избежать одиночества и чувства замкнутости в себе, делая другого человека неотъемлемой частью самого себя. Он как бы набирается силы, вбирая в себя другого человека, который ему поклоняется < ... >.

Вопросы к тексту

1. Является ли любовь искусством? Приведите аргументы «за» и «против».

2. Согласны ли вы с утверждением, что «достойными затраты сил на обучение надо считать только те вещи, при помощи которых можно приобрести деньги или престиж, а любовь, которая приносит пользу «только душе», но бесполезна в современном смысле, является роско-

шью, которой мы не вправе отдавать много энергии»? Ответ аргументируйте.

3. Объясните сущность теории любви. Выделите составляющие элементы теории любви.

4. Выделите формы единства.

5. Что такое симбиотическое единство? Какие его формы выделил Фромм?

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов, Е. М. Общая социология: учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – Минск,: ТетраСистемс, 2010.

2. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – Санкт-Петербург: Питер, 2005.

3. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок /Ч. Х. Кули. – Москва: Изда, 2008.

4. Луман, Н. Эволюция /Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновского. – Москва: Изд-во «Логос», 2005.

5. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер – Санкт-Петербург: Питер, 2002.

6. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с англ. – Москва: Изда, 2004.

7. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя / Э. Фромм; пер. с англ. – Москва: Изда, 2004.

8. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер. с англ. – Москва: Изда, 2004.

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Назовите, кто и в какой работе впервые ввёл в употребление термин «социология»:

а) Э. Дюркгейм «О разделении общественного труда»;

б) И. Кант «Критика чистого разума»;

в) М. Вебер «Основные социологические понятия»;

г) О. Конт «Курс позитивной философии»;

д) П. Сорокин «Система социологии».

2. Совокупность биологических черт, отличающих одного индивида от другого, называется:

а) классом;

б) профессией;

в) индивидуальностью;

г) личностью.

3. Основателями социал-дарвинистского направления в социологии являются:

- а) А. Смит, Т. Мальтус;
- б) Г. Спенсер, Л. Гумплович;
- в) Э. Дюркгейм, М. Вебер;
- г) О. Конт, Г. Зиммель.

4. Кто из социологов-классиков считал, что главное – не стабилизация общества, а уничтожение и замена новым, более справедливым типом общества:

- а) О Конт;
- б) Г. Спенсер;
- в) Э. Дюркгейм;
- г) К. Маркс.

5. Автором «понимающей социологии» был:

- а) У. Самнер;
- б) Г. Зиммель;
- в) М. Вебер;
- г) Э. Дюркгейм.

6. Общество с преобладанием натурального хозяйства, сословной иерархией, малоподвижными структурами – это общество:

- а) индустриальное;
- б) традиционное;
- в) простое;
- г) закрытое.

7. Социальной ролью называется:

- а) ожидаемое поведение индивида в соответствии с занимаемым им статусом;
- б) социальное поведение человека;
- в) выполнение социальных функций;
- г) вертикальная мобильность.

8. Теорию социальной стратификации и мобильности обосновал:

- а) П. Сорокин;
- б) М. Ковалевский;
- в) Н. Михайловский;
- г) К. Маркс.

9. Социальная группа – это:

- а) добровольная общественная организация людей, соединённых общими интересами;
- б) иерархическое объединение людей;
- в) объединение людей, предполагающее распределение задач и координацию действий.

10. Совокупность иерархически расположенных в вертикальном порядке социальных слоев можно назвать:

- а) социальным неравенством;
- б) социальной стратификацией;
- в) социально-классовой структурой;
- г) социальной дифференциацией.

11. Социальные общности, выделяемые по одному или нескольким признакам – доходам, престижу, уровню образования, культуры и т. п., называются:

- а) социальными классами;
- б) социальными слоями;
- в) социальными группами;
- г) статусными группами.

12. Из перечисленных видов мобильности: 1) групповая, 2) горизонтальная, 3) восходящая, 4) нисходящая, к вертикальной мобильности можно отнести:

- а) только 3 и 4;
- б) 1, 3, 4;
- в) 1, 2, 3, 4;
- г) только 1.

13. Изменение социального положения, которое приводит к повышению или понижению социального статуса – это:

- а) межпоколенная мобильность;
- б) вертикальная мобильность;
- в) горизонтальная мобильность;
- г) внутривнутрипоколенная мобильность.

14. К какому типу социальной мобильности относится поражение на выборах правящей партии:

- а) горизонтальная, групповая;
- б) вертикальная, восходящая, групповая;
- в) горизонтальная, индивидуальная;
- г) вертикальная, восходящая, индивидуальная;

- д) вертикальная, нисходящая, групповая;
- е) вертикальная, нисходящая, индивидуальная.

15. Термин «горизонтальная мобильность» означает:

- а) повышение социального статуса;
- б) понижение социального статуса;
- в) перемещение людей с одной территории на другую;
- г) переход в другую социальную группу без изменения социального статуса.

16. Социальное неравенство представляет собой:

- а) закономерность общественного развития;
- б) случайное явление;
- в) вероятностное явление;
- г) исторически преходящее явление.

17. Средний класс включает в себя:

- а) рабочих;
- б) маргиналов;
- в) безработных;
- г) наемных работников, состоятельных профессионалов, управляющих.

18. Как называется тип семьи, основанный на равенстве и «ролевой симметрии»:

- а) неотрадиционная семья;
- б) патриархальная семья;
- в) эгалитарная семья;
- г) нуклеарная семья.

19. Система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях и передаваемых последующим поколениям, называется:

- а) социальным институтом;
- б) групповым взаимодействием;
- в) культурой;
- г) социальным контролем.

20. Революция предполагает:

- а) кардинальное изменение всех сторон общественной жизни, затрагивающее основы существующего строя;

б) внутренне направленный процесс появления все более сложных форм социальной структуры;

в) частичное изменение, затрагивающее не все общество;

г) постепенное изменение общественного строя.

21. Что такое социализация личности:

а) перемещение индивида на более высокую или более низкую социальную позицию;

б) поведение, ожидаемое от человека в связи с его социальным статусом;

в) совокупность действий, направленных на изменение социальной системы;

г) процесс усвоения индивидом социальных норм и ценностей данного общества, а также навыков поведения соответствующих его социальным ролям.

22. В основе любого социального конфликта лежит проблема:

а) классификации ресурсов;

б) дефицита ресурсов;

в) интеграции;

г) конкуренции.

23. Когда общение в ситуации конфликта наиболее эффективно:

а) когда обе стороны прямо противостоят друг другу;

б) когда есть посредник в конфликте;

в) когда все хорошо продумано;

г) когда общение нацелено на то, чтобы прийти к справедливому соглашению.

24. Элементами социального контроля являются:

а) нормы и санкции;

б) права и обязанности;

в) обряды и ритуалы;

г) мораль и нравственность.

25. Как называется метод сбора первичной социологической информации, который предусматривает направленное, систематическое, непосредственное прослеживание, фиксирование и регистрацию социально значимых фактов, явлений и процессов

а) интервью;

б) анкетирование;

- в) наблюдение;
- г) эксперимент.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Тема 1. Социология – наука об обществе и социальном мире человека	
1.1. М. Вебер. «Основные социологические понятия».....	4
1.2. Э. Дюркгейм. «Метод социологии».....	12
Тема 2. Классический этап развития социологии: основные теории	

2.1. Эволюционизм Г. Спенсера.....	19
2.2. Исторический материализм К. Маркса.....	38
2.3. Психоанализ З. Фрейда.....	57
2.3.1. Фрейд З. «Психология масс и анализ человеческого "Я"».....	58
2.3.2. Фрейд З. «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии».....	66
2.4. Интегральная социология П. Сорокина.....	73
Тема 3. Современные социологические теории: основные направления	
3.1. Символический интеракционизм (Ч. Х. Кули).....	79
3.2. Социология социального пространства (П. Бурдьё).....	90
3.3. Неодарвинистская теория эволюции (Н. Луман).....	97
3.4. Неофрейдистская теория (Э. Фромм).....	105
3.4.1. Э. Фромм. «Анатомия человеческой деструктивности».....	106
3.4.2. Э. Фромм. «Бегство от свободы».....	113
3.4.3. Э. Фромм. «Искусство любить».....	131
Тестовые задания	144

Учебное издание

Чепик Виктор Николаевич

СОЦИОЛОГИЯ

Сборник материалов для самостоятельной работы

Редактор *Т. П. Рябцева*

Технический редактор *Н. Л. Якубовская*

Корректор

Компьютерная верстка *Л.П. Ульская*

Подписано в печать . Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. .
Тираж 75 экз. Заказ .

УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия».

Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/52 от 09.10.2013.

Ул. Мичурина, 13, 213407, г. Горки.

Отпечатано в УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия».

Ул. Мичурина, 5, 213407, г. Горки.